Copyrighted material

Москва. В Южном порту. Фото Риммы Лихач.

На первой странице обложки: Чемпион Украины среди женщин по парашютному спорту 1956 года Галина Блащук и мастер спорта Феликс Неймарк.

Фото В. Тюккеля.

Copyrighted material

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

№ 38 (1527) 16 СЕНТЯБРЯ 1956

34-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

ИЗ ХЛЕБА НОВОГО УРОЖАЯ

На хлебозаводы страны поступает зерно нового урожая, собранного на целинных и залежных землях. Московский хлебозавод-автомат Кировского района ежедневно выпускает более двухсот тонн разных сортов пшеничных изделий.

На снимке: только что испеченные батоны перед отправкой в булочные.

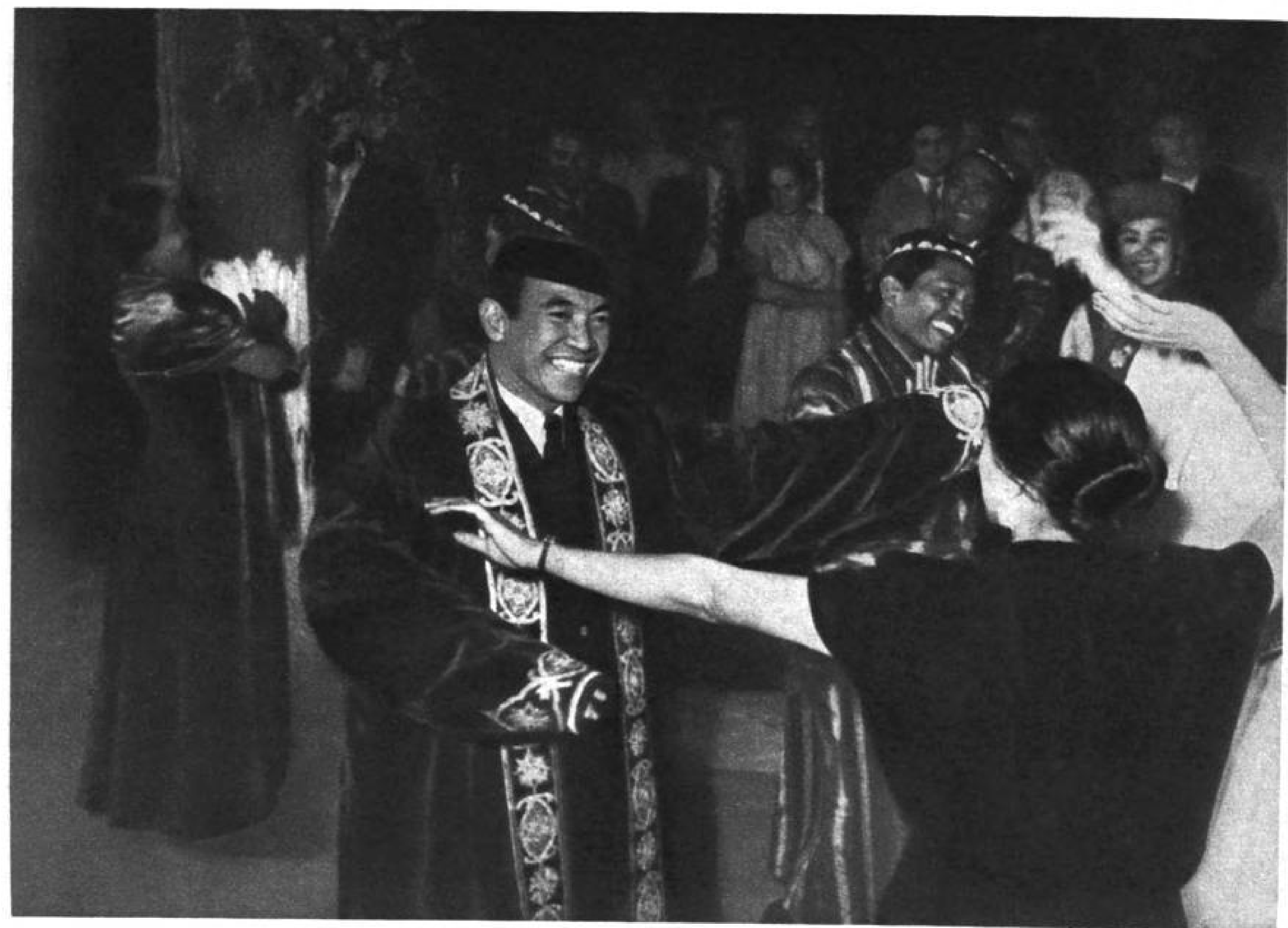
Фото М. Савина.

Copyrighted material

Подписание Советско-Индонезийского совместного заявления.

ПРЕЗИДЕНТ СУКАРНО В СОВЕТСКОМ СОЮЗЕ

Фото специального корреспондента «Огонька» Я. Рюмкина.



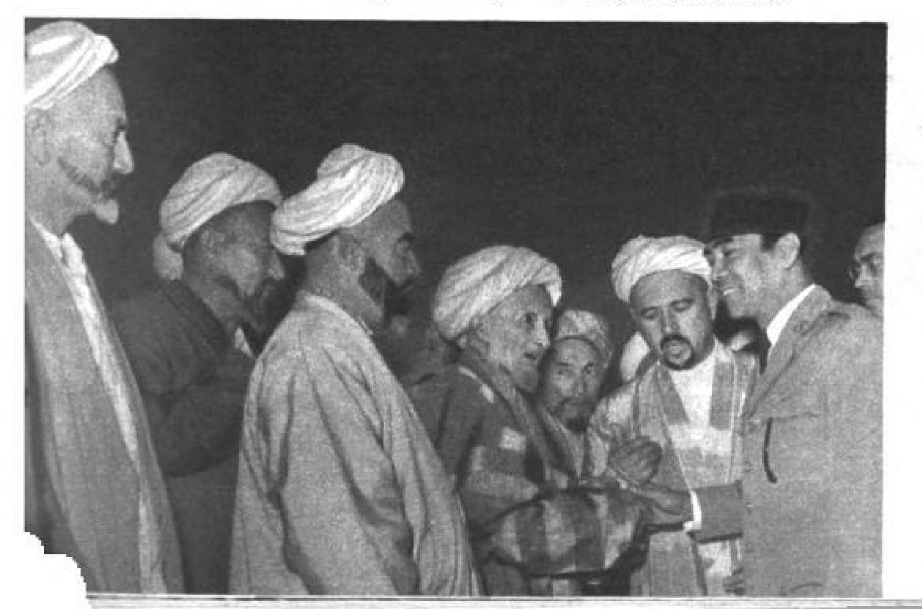
Больше двух недель находился в нашей стране дорогой гость — Президент Республики Индонезии Сукарно. Вместе с сопровождавшими его лицами Президент Сукарно совершил поездку по Советскому Союзу. Индонезийские гости посетили Ленинград и Свердловск, побывали в Узбекистане, Азербайджане, Грузии.

В Москве состоялись советско-индонезийские переговоры, после которых было подписано совместное заявление. В заявлении отмечено, что визит Президента Сукарно «укрепил чувства дружбы и углубил взаимопонимание между обеими странами». Отмечая вклад Президента Сукарно в дело установления и развития дружественных отношений между Индонезией и СССР, Президиум Верховного Совета СССР наградил почетного представителя индонезийского народа орденом Ленина.

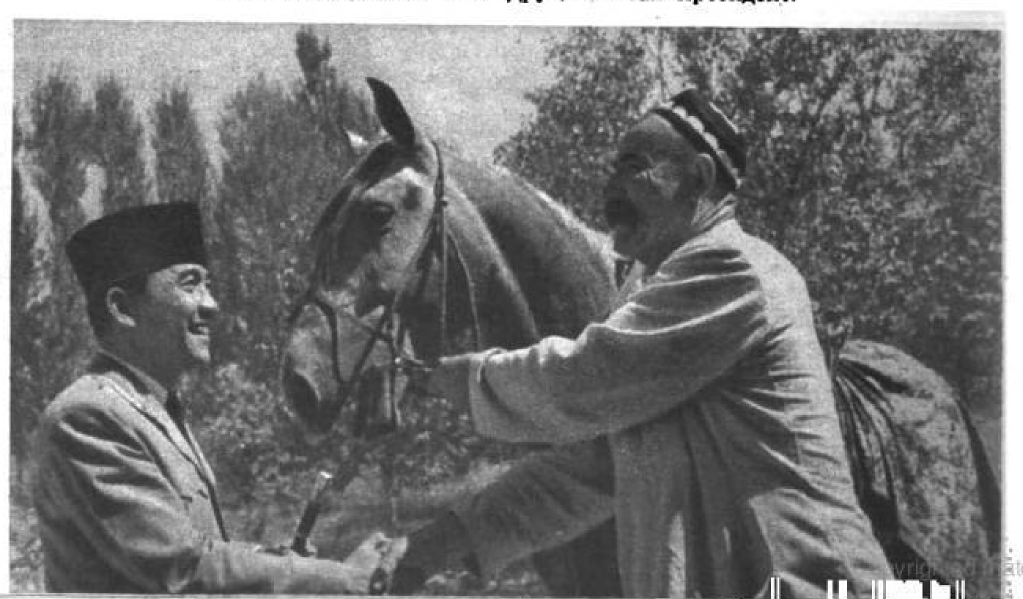
Чувства дружбы, связывающие два наших народа, были ярко выражены на 100-тысячном митинге в Москве.

На приеме у председателя Президиума Верховного Совета Узбекской ССР Ш. Р. Рашидова в честь индонезийских гостей. ...Президент Сукарно обнаружил, что между индонезийскими и узбекскими танцами много общего.

В Ташкенте Президент Сукарно нанес визит председателю духовного управления мусульман Средней Азии и Казахстана муфтию Ишану Бабахану ибн Абдулмаджитхану.



Во время посещения хлопководческого колхоза «Кзыл Узбекистан» председатель колхоза А. Маткабулов подарил Президенту Сукарно коня карабаирской породы. — Я назову этого коня Друг,— сказал Президент.



Президент Сукарно присутствовал на лекции в Ташкентском педагогическом институте.

Из Сухуми в Сочи индонезийских гостей доставил крейсер «Михаил Кутузов». Этот снимок сделан во время концерта художественной самодеятельности экипажа крейсера. Слева направо: Чрезвычайный и Полномочный Посол Республики Индонезии в СССР Л. Н. Палар, вице-адмирал С. Е. Чурсин, Президент Сукарно, генерал армии М. И. Казаков.

Рабочие нефтеперерабатывающего завода в Баку приветствуют представителей индонезийского народа.

В Сочи, на пляже.

12 сентября Президент Сукарно отбыл из СССР.
До скорой встречи!

Copyrighted material

В СТАРОМ СИБИРСКОМ Г

А. ГРИГОРЬЕВ

Фото И. Тюфякова.

Из Тюмени в Тобольск — один из старейших городов Сибири — мы добирались на маршрутном такси — новенькой, обрамленной стандартной шахматной виньеткой «Победе». Десятки таких машин бегают по растянувшемуся почти на 300 километров Тобольскому тракту с избитым, давно не ремонтировавшимся дорожным покрытием, скапливаются у паромных переправ через Тобол и Иртыш...

Такси — одно из самых распространенных средств сообщения между двумя сибирскими городами. Железной дороги здесь нет. А место в каюте второго класса на пароходе стоит дороже, да к тому же путешествие водой займет почти двое суток, а на «Победе» — всего 6—7 часов.

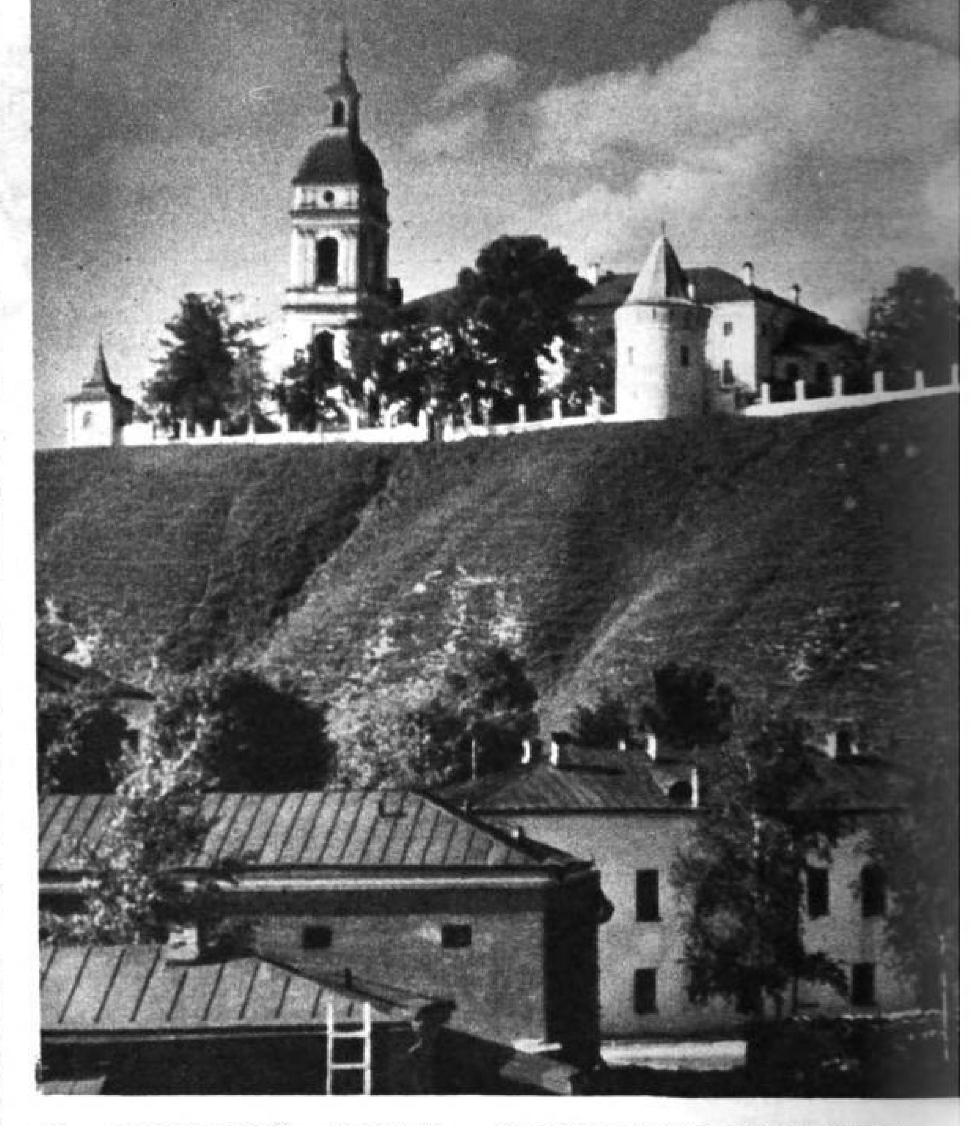
В нашей колонне из 6 легковых такси и 2 автобусов, стихийно образовавшейся у переправы, около 60 пассажиров: несколько геологов и геофизиков, работники рыболовецкого и пушного промыслов, группа архитекторов, командированных для реставрации памятника старинного русского зодчества — Тобольского кремля...

Кремль виден уже за несколько километров. На крутой горе у Иртыша возвышаются его белоснежные палаты — некоторые из них построены еще в петровские времена пленными шведами,— купола и колокольня старинного Софийского собора, мраморный обелиск Ермаку, воздвигнутый здесь в 1839 году.

Триста семьдесят пять лет назад отважная дружина казачьего атамана Ермака Тимофеевича на берегах Иртыша разбила войско татарского хана Кучума. Через 6 лет рядом с разрушенной ханской столицей возник Тобольск — новый опорный пункт на сибирских водных магистралях, по которым русские землепроходцы двигались дальше на Восток.

Тобольцы бережно хранят реликвии прошлого. В краеведческом музее можно увидеть кольчугу времен Ермака, древнерусское оружие, найденное при раскопках в местах исторических битв, многочисленные материалы о сосланных в Тобольск декабристах, очень интересные документы о земляках, широко прославивших отечественную науку и культуру. Здесь родились и провели свое детство выдающийся русский ученый Д. И. Менделеев, композитор, «северный соловей» А. А. Алябьев, замечательный художник В. Г. Перов. В Тобольске родился и жил талантливый русский поэт П. П. Ершов — автор «Конька-Горбунка». Тут бывал А. Н. Радищев, долгое время находились в ссылке и похоронены на городском кладбище В. К. Кюхельбекер, А. П. Барятинский и другие декабристы, украинский поэт-революционер П. А. Грабовский. На домах, где они жили, прикреплены мемориальные доски, в их честь названы улицы...

Тобольский драматический театр.



Встретившись с приезжим человеком, тоболец обязательно порекомендует побывать в драматическом театре и не забудет добавить, что этот театр — старейший в Сибири: в прошлом году ему исполнилось 250 лет.

В городском музее есть любопытный документ — летопись, в которой описано первое театральное представление в Тобольске. Оно состоялось на открытом воздухе 8 мая 1705 года, и, как сообщает летописец, во время игры разразилась сильная буря, ибо «обрушил всемогущий господь бог гнев свой на творящих игрища комедиантские».

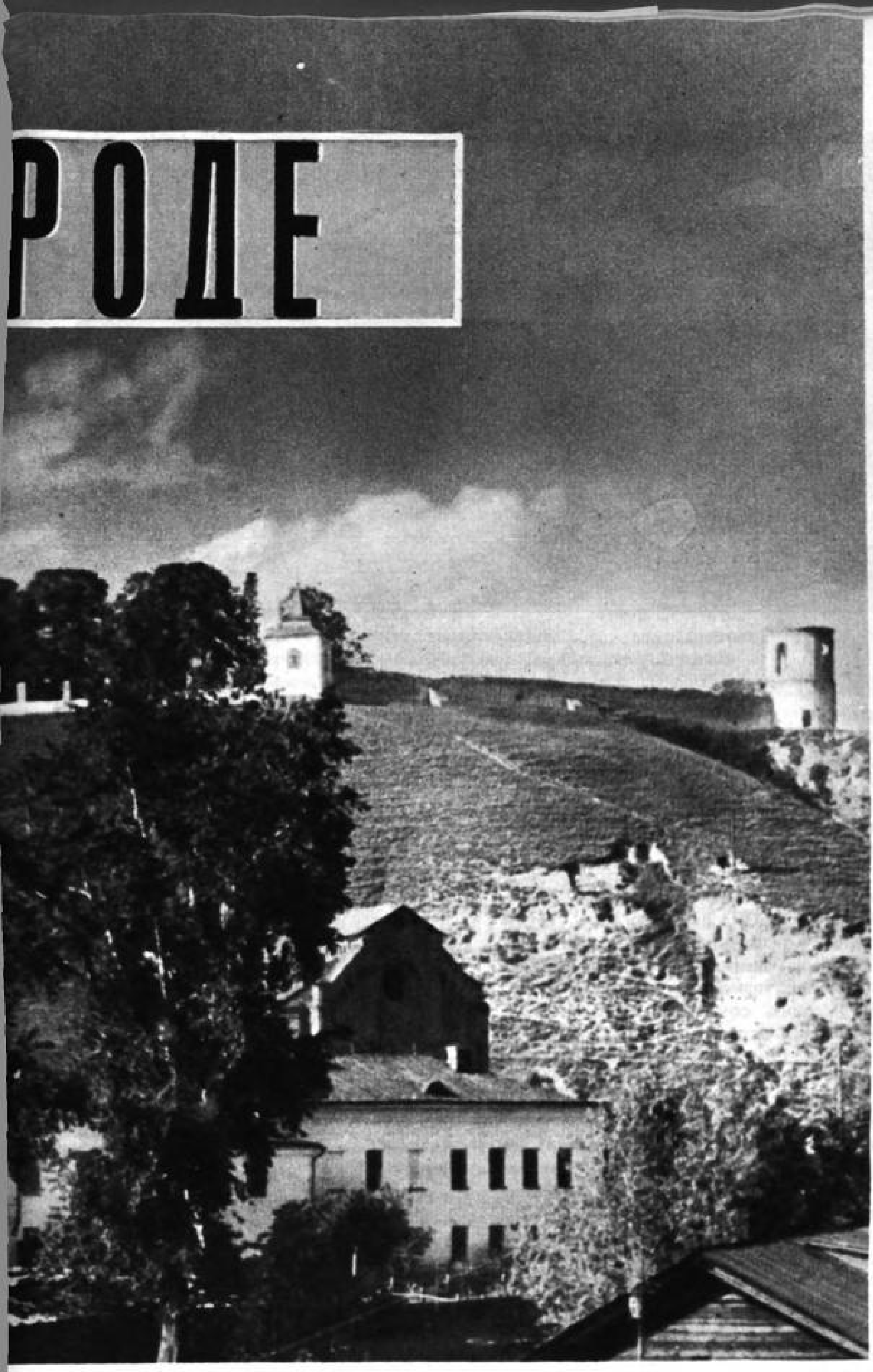
Знаменит Тобольск и своими косторезами, непревзойденными мастерами художественной резьбы на мамонтовой кости. Кости мамонта нередко и поныне находят в окрестностях города. Умельцы делают из них изящные скульптуры, пользующиеся большим спросом в нашей стране и за ее рубежами.

Край этот известен и богатым пушным промыслом. В нескольких километрах от города в живописной местности находится один из крупнейших в области совхоз клеточного звероводства. Это целый город, раскинувшийся на площади в несколько сот гектаров, с прямыми, как стрела, «улицами», образованными из клеток-вольеров, с «фабриками-кухнями» и почти восьмитысячным «пушным населением». На фермах выращиваются чернобу-

На пароме через Иртыш.

С озер прилетели «воздушные рыбовозы».

РОДЕ



Тобольский кремль.

рые лисы, дымчатые песцы, шелковистые соболи.

Старейшего бригадира песцовой фермы Матвея Павловича Важенина мы застали у весов, где он вместе со своими помощницами — звероводами Зоей Вахрушевой и Степанидой Гавриловой — занимался взвешиванием молодняка. Бригадир доволен. В текущем году только в одной его бригаде приплод составил 1 060 песцов. Иные самки принесли по 14—16 щенят.

Более 6 тысяч ценных шкурок пушного зверя сдаст государству за год коллектив тобольского зверосовхоза.

Круглые сутки не прекращается трудовая жизнь в речном порту — крупнейшем перевалочном пункте на Иртыше,— у добытчиков рыбных богатств, в аэропорту...

Рыба — золото этого края. Находящийся в Тобольске трест «Обьрыба» располагает многими сотнями рыболовецких судов, ведущими лов от Тобола до Карского моря. Рыба 20 различных сортов в свежезамороженном и консервированном виде отправляется отсюда в различные концы Советского Союза.

Доставка улова на рыбозаводы идет не только водным путем. Широко применяется и воздушный транспорт. В Тобольском гидроаэропорту то и дело садятся самолеты со свежей рыбой. «Воздушные рыбовозы» регулярно доставляют ее с озер за 200 километров, где рыбным промыслом занимаются многие колхозы.

Вот на водную гладь опустилась очередная машина. Быстро выгружаются из самолета выловленные полтора часа назад караси. Эскадрилья обслуживает не только озерные рыболовецкие колхозы, прилегающие к Тобольску, но и систему богатых рыбой озер у Салехарда и Ханты-Мансийска. Воздушная доставка рыбы с отдаленных озер значительно дешевле, чем какой-либо другой транспорт. Это во многом способствовало развитию колхозного озерного рыбоводства на Севере.

Много нового в старом сибирском городе. И хотя по внешности своей, как заверяют старожилы, он мало изменился — те же дощатые тротуары и мостовые, обилие старых деревянных зданий,— но с каждым годом город приобретает все более промышленный характер. Здесь строится завод по переработке льна. Реконструируется старая судоверфь, которая в ближайшие годы будет выпускать суда новейшего типа для сибирских рек. В нескольких километрах от нее вырос большой поселок строителей. Здесь, у старицы Иртыша, сооружается судоремонтный завод, рассчитанный на одновременную стоянку значительного числа крупных судов.

В тяжелых скафандрах с небольшого плотика спускаются на дно реки водолазы. Это бывшие военные моряки Михаил Сухов, Константин Мартынов, Николай Ушаков и Владимир Васильев. Не так давно они служили на флоте, окончили там водолазные школы, а теперь, вернувшись в родные края, продолжают трудиться по специальности.

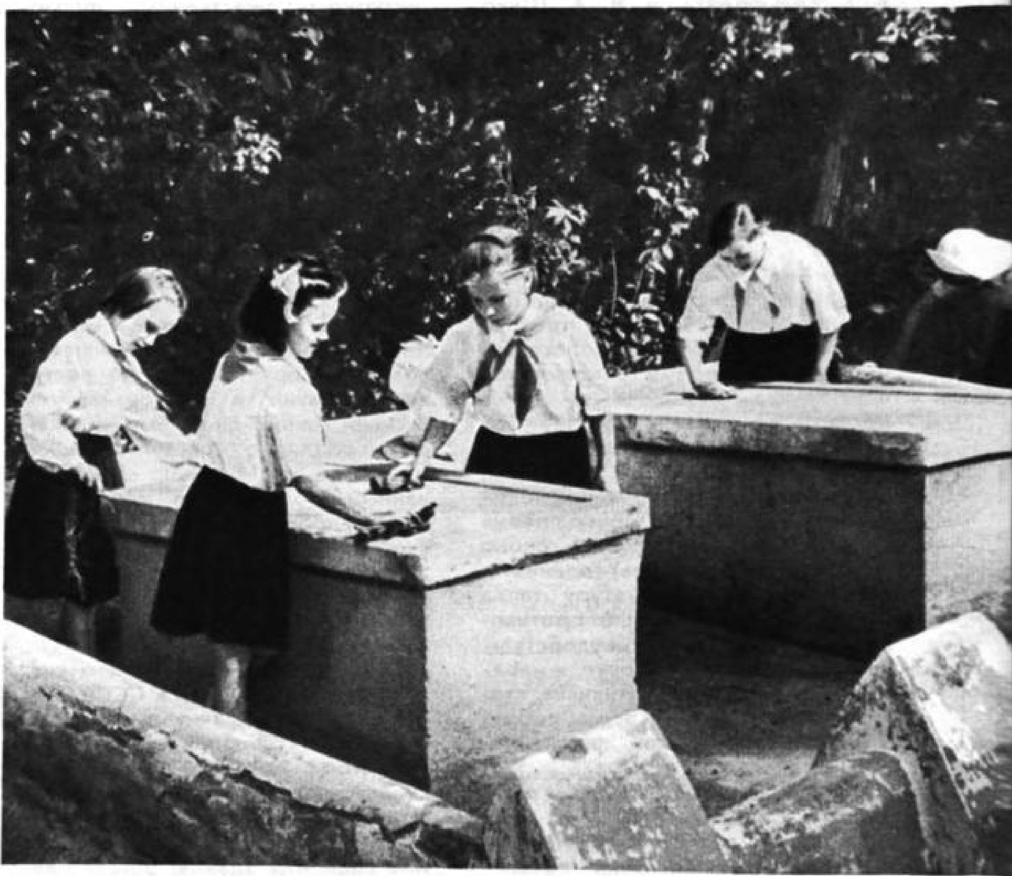
— Спасибо флоту, хорошие специальности там получили! — говорит уволенный из армии осенью прошлого года Николай Ушаков.

Сорок лет назад в Тобольске было 27 церквей и всего 2 гимназии. Ныне в городе 27 учебных заведений. Значительная часть населения города — школьники, студенты. В нынешнем году сдало выпускные экзамены около тысячи молодых специалистов — учителей, библиотечных работников, техников рыбной промышленности, судоводителей и механиков.

...Вечерело. Низко над городом пролетели вертолеты. Они обслуживают разведчиков природных богатств Сибири. Много изыскательских партий и окрест Тобольска. На берегах Иртыша одна за другой появляются сорокаметровые буровые вышки. У стен старого сибирского города ведутся разведочные работы.

Зверовод песцовой фермы Зоя Вахрушева.

Разведчики — бурильщик Л. Комаров и буровой мастер инженер Н. Морозов.



Здесь похоронены декабристы В. Кюхельбекер и А. Барятинский.

Copyrighted material

Здесь будет воздвигнут Дворец Советов.
Фото С. Фридлянда.

Интервью «Огонька»

ДВОРЕЦ СОВЕТОВ

П. В. АБРОСИМОВ,
ответственный секретарь
Союза архитекторов СССР

С чувством удовлетворения воспринял советский народ сообщение о том, что в Москве возобновляется строительство памятника В. И. Ленину — Дворца Советов, работа над которым была приостановлена во время войны.

Наш корреспондент обратился к ответственному секретарю Союза архитекторов СССР П. В. Абросимову с просьбой ответить на вопросы, связанные с предстоящим проектированием.

Вопрос. Нельзя ли напомнить читателям некоторые детали первоначального проекта Дворца Советов, разработанного в 1934 году?

Ответ. Проект Б. М. Иофана, В. Г. Гельфрейха и В. А. Щуко предусматривал высотную композицию. Большой зал, перекрытый куполом, был рассчитан на 20 тысяч человек, а Малый зал — на 6 тысяч. Увенчанный скульптурой Ленина в 50—75 метров, Дворец должен был бы иметь общую высоту (вместе со статуей) в 415 метров. Для сравнения скажу, что высота парижской Эйфелевой башни — 300 метров.

Большой зал возвышался на цокольном этаже, над ним предполагалось разместить колоссальный зал «Панорама революции», еще выше — музеи. По этому проекту все здание Дворца Советов служило постаментом для скульптурной фигуры В. И. Ленина, выполненной из хромоникелевой стали. Сама идея превращения грандиозного (объемом около миллиона кубометров) здания в постамент под скульптуру таила в себе непреодолимые противоречия и приводила к неудобствам во внутренней планировке, к нерациональным конструктивным схемам, к подчинению всего сооружения архитектурной форме постамента.

Вопрос. Каким же должен быть Дворец Советов?

Ответ. Трудно предугадать возможные проекты. Ведь каждый участник конкурса по-разному представляет себе облик Дворца и будет идти к решению задачи своими, отличными от других путями. Но при всем том программа конкурса выдвигает обязательное условие: сочетать архитектурно-художественные формы здания с его функциональным назначением, отчетливо выявить идейное содержание Дворца, призванного стать на века памятником Владимиру Ильичу.

Вопрос. Просьба кратко сформулировать творческую цель конкурса.

Ответ. Создать проект монументального сооружения, которое воплотило бы в себе все передовое, что накоплено зодчеством прошлого, и вместе с тем опиралось бы на лучшие достижения советской архитектуры, на достижения науки и индустриальной техники наших дней. Это должен быть подлинно современный по трактовке, рационально спланированный, обладающий максимальными удобствами образец советского социалистического архитектурного стиля. Долг архитекторов, инженеров, строителей — сделать его понятным миллионам трудящихся.

Дворец станет средоточием жизни Верховного Совета СССР, местом самых значительных конгрессов, собраний, заседаний. Гипертрофированные размеры, свойственные первоначальному проекту, исключаются программой конкурса. Определены реальные габариты здания: общая площадь — не свыше 36 тысяч квадратных метров, Большой зал — на 4 600 мест, два зала для раздельных заседаний палат Верховного Совета СССР — на 1 500 мест каждый, залы правительственных приемов площадью 4 100 квадратных метров.

Интерьеры залов, предназначенных для заседаний Верховного Совета СССР, должны быть строгими, простыми, лаконичными. В оформлении залов правительственных приемов, на наш взгляд, возможно сочетать средства архитектуры со скульптурой и живописью, широко использовать народное творчество.

Вопрос. Расскажите о проблемах, возникающих в связи с проектированием и последующей реализацией принятого проекта.

Ответ. Их много. Перечислю лишь некоторые из них.

Дворец Советов воздвигается в центре города. Выделяясь своими архитектурными формами на фоне столичной застройки, он должен не подавлять ее, а стать органической частью городского пейзажа.

Разрабатывая архитектуру Дворца Советов, следует помнить, что его ближайший «сосед» — Московский кремль. Следовательно, необходимо достичь слитности объема и силуэта Дворца с замечательным, неповторимым ансамблем Кремля. В то же время надо предостеречь от подражательства, от слепого копирования классики. Ведь Дворец Советов — творение советской эпохи, эпохи созидания коммунистического общества.

От площади Дзержинского, от Красной площади к Дворцу Советов протянется широкий проспект. Авторам проекта надо увязать Дворец с проспектом, решить всю систему подходов и подъездов к Дворцу Советов, а также разработать облик прилегающей к нему площади, на которой будут происходить массовые народные демонстрации и митинги. Это большая градостроительная работа. Она включает не только архитектурно-планировочную часть, но и вопросы транспорта, благоустройства и озеленения.

Вопрос. Поскольку архитектурный вариант, трактующий здание как постамент для скульптуры, вызывает возражения, как мыслится памятник В. И. Ленину?

Ответ. На дискуссии, происходившей в Союзе архитекторов, подавляющее большинство выступавших критиковало самый принцип установки скульптуры на высоте в триста пятьдесят метров. В хмурые дни она скроется в туманной дымке. Очень трудно рассмотреть ее невооруженным глазом с земли и в ясную погоду. Памятник Владимиру Ильичу — составная часть Дворца Советов, неотделимая от здания. Но он, мне кажется, может быть воздвигнут и на площади перед Дворцом.

Вопрос. Видно, много придется поработать и над оснащением Дворца?

Ответ. В нашей строительной практике еще не приходилось встречаться с задачей подобной сложности. Это и понятно, если учесть характер и назначение здания. Даже по сравнению с уникальным инженерным оборудованием университета на Ленинских горах или Дворца науки и культуры в Варшаве будет сделан крупный шаг вперед по пути технического прогресса.

Не теряя времени, следует, в частности, начать исследовательскую работу по созданию совершенных установок для кондиционирования воздуха, радиотехнических, светотехнических и других устройств. Во всех без исключения помещениях Дворца, а в первую очередь в Большом зале, надо обеспечить идеальную слышимость и видимость.

Вопрос. Готовы ли мы к строительству подобных масштабов?

Ответ. О нашем богатейшем опыте достаточно убедительно говорят грандиозные электростанции, промышленные гиганты, вступившие в строй за последние годы, крупнейшие общественные и жилые здания, самый большой в Европе комплекс спортивных сооружений в Лужниках.

Двадцать лет тому назад, при работе над первоначальным проектом, архитекторы и инженеры не знали многих современных конструкций, новейших методов возведения сооружений, эффективных материалов, которыми мы сейчас владеем и, естественно, применим на площадке. На службу строительству Дворца Советов будут поставлены наши высококвалифицированные инженерно-строительные кадры, наша могучая индустрия.

Вопрос. И последнее. Можно ли назвать какие-либо даты и сроки строительства?

Ответ. Конкурс только начинается... Но нет сомнения, что уже в ближайшие годы определятся контуры Дворца — достойного памятника гениальному Ленину.

Copyrighted material

ЛЕНИНСКИЕ ПРЕМИИ

ЦК КПСС и Совет Министров СССР вынесли постановление о восстановлении премий имени великого основателя Советского государства и Коммунистической партии Советского Союза Владимира Ильича Ленина. Премии имени В. И. Ленина будут присуждаться за наиболее выдающиеся научные труды, архитектурные и строительные сооружения; внедренные в народное хозяйство изобретения, конструкции машин, новые материалы; усовершенствования методов производства; за наиболее выдающиеся произведения литературы и искусства.

Советские ученые с огромным воодушевлением встретили это постановление Советского правительства.

Премии имени В. И. Ленина были утверждены еще в 1925 году. Ими была удостоена славная плеяда советских исследователей, совершивших выдающиеся работы в области науки и техники, медицины и сельского хозяйства.

В 1931 году премией имени В. И. Ленина были отмечены исследования молодого профессора электрохимии Московского университета, ныне академика А. Н. Фрумкина.

Тогда Александр Наумович разработал теоретические основы явлений адсорбции на поверхности водных растворов и активированном угле.

Явления адсорбции имеют большое практическое значение. Они лежат в основе многих процессов химической промышленности.

Бережно хранит академик Фрумкин пожелтевшую от времени вырезку из газеты, в которой было опубликовано постановление о присуждении ему в числе других ученых столь высокой награды.

С тех пор прошло четверть века. Выдающийся советский физико-химик, основатель крупной научной школы в области поверхностных явлений и кинетики электродных процессов А. Н. Фрумкин воспитал немало своих последователей.

— Сейчас,— говорит А. Н. Фрумкин,— мы готовимся к всесоюзному совещанию по электрохимии. В нем примут участие и представители зарубежных стран.

Гостящий в СССР представитель Франции в Комиссии Организации Объединенных Наций по разоружению, депутат Национального собрания Жюль Мок с супругой посетил рабочий кабинет и квартиру-музей В. И. Ленина в Кремле.

На снимке: Жюль Мок с супругой (в центре) в кабинете В. И. Ленина.

Фото В. Егорова (ТАСС).

Их заработок возрастет

Работницы столовой (слева направо) Т. Лобаева, Т. Сараева и М. Виноградова знакомятся с новым постановлением.

Фото Е. Семенова.

Опубликованное на днях постановление Совета Министров СССР, Центрального Комитета КПСС и ВЦСПС о повышении заработной платы низкооплачиваемым рабочим и служащим встретило горячее одобрение трудящихся. Как новое проявление заботы партии и правительства о благе советских людей воспринимает этот важнейший государственный документ и коллектив Московского автомобильного завода имени Лихачева.

Производственные рабочие этого предприятия получают больше, чем тот минимум, который предусмотрен постановлением. Но есть на заводе — главным образом в таких отделах, как жилищно-бытовой и жилищно-коммунальный, в комбинате общественного питания — работники, чья заработная плата теперь возрастет...

Когда обеденный перерыв кончился и большой светлый зал столовой инструментального цеха опустел, директор столовой Сергей Дмитриевич Кочетков по просьбе работниц разъяснил им постановление о повышении заработной платы. Завязалась непринужденная беседа. Официантка Мария Виноградова сказала:

— На завод я пришла восемь лет назад. Стала работать прессовщицей. Но врачи посоветовали мне перейти на более легкую работу. Стала я официанткой. Все мне в этой работе нравится. Столовая у нас хорошая, посетители вежливые, терпеливые, приветливые. А вот насчет заработной платы дело обстояло хуже.

— У тебя муж обеспеченный,— говорит старая работница столовой Ксения Петровна Бекетова.— Он слесарь, больше тысячи получает.

— Ну что ж,— улыбнулась Мария Виноградова,— мы недавно поженились. Нам хозяйством обзаводиться надо.

Увеличивается заработная плата посудомойки Людмилы Куриковой, уборщиц Анны Ивановны Гусевой, Евдокии Александровны Усачевой, Марии Николаевны Надоровой, сотрудницы столовой Татьяны Лобаевой и других.

И. ЛЕМБЕРИК

Французский гость на целине

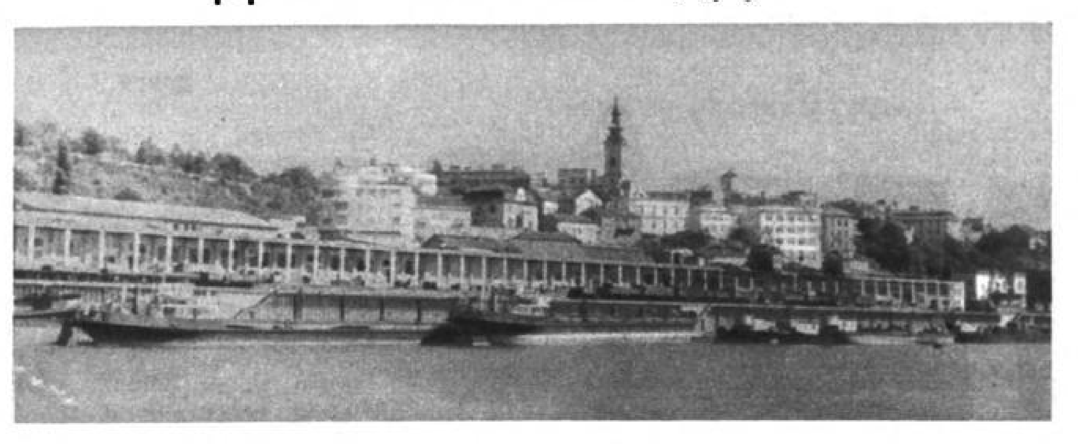
«Освоение столь огромных массивов ранее не использованной земли — это поистине великий трудовой подвиг советского народа», — так заявил в Кустанае депутат Национального собрания Франции, бывший председатель совета министров г-н Эдгар Фор.

Совершая поездку по Советскому Союзу, он недавно посетил целинные земли Кустанайской области.

На снимке: Эдгар Фор (в центре) на полях целинного совхоза «Московский».

Фото Ю. Немова (ТАСС).

Для югославских друзей



Караван советских барж на рейде Белградского порта.

Фото автора.

Караван из шести барж направлялся к берегам братской Югославии. На баржах — тракторы из Сталинграда, Харькова и Минска, комбайны из Ростова и Таганрога, автомобили из Москвы и Горького, станки, изготовленные на Уралмаше и в Краматорске. Это — типовая машинно-тракторная станция, подарок советского народа югославским друзьям.

В течение недели советские суда стояли под разгрузкой в Белградском порту. Моряки знакомились с достопримечательностями Белграда и повсюду, где бы они ни были, слышали слова дружбы и привета:

— Живео Саветский Савес! Да здравствует дружба югославов и русских на вечные времена!

Недавно из Измаила в Белград отправился новый караван советских судов с оборудованием для МТС.

Г. СТРИГИН

Copyrighted material

Из новой книги

Михаил ЛЬВОВ

ПОЭТУ УРАЛА

Тебе Урал на песни отдан!
Перед тобой раскинут — вот он!
Ты прикреплен к его заводам,
К его лесам, горам и водам.

Когда ты отправлялся в путь,
В путь от Урала до Байкала,
Себя ты чувствовал, бывало,
Во всех краях не кем-нибудь,
А представителем Урала!

Далёко, в Греции, Парнас,
А здесь Магнитка и Миасс,
Здесь, в этой кузнице Союза,
Твоя воспитывалась муза,
И потому, когда война
Гремела пушками, она
С дней отступления, сначала,
До Дня Победы не молчала.

Парнас, он несколько южней,
Там воздух, может, понежней,
А здесь металл, огонь, гранит
Устами музы говорит.

Не огорчайся, если критик,
Читая стих, не как политик,
А как вне времени эстет,
Найдет, что мало
или нет
В стихах, мол, «самовыраженья»,
Не придирайся к выраженью:
Не о себе стихи слагал,
Ты говорил за весь Урал
И потому высоты брал,
С которых дали прояснились,
Какие критику не снились.

«ДВУХЭТАЖНЫЙ» ЧЕЛОВЕК

Майский день.
XX век.
Он шагает по Москве,
«Двухэтажный» человек,
С дочерью на голове!

И считает «двухэтажный»,
Что второй его этаж —
Самый главный, самый важный!
Жизнь за жизнь его отдашь!

Был когда-то он беспечен,
Был вниманьем окружен,
Всем на свете обеспечен —
Сам был верхним этажом!

«Проезжал» не раз со всеми
Площадь Красную верхом!
...Годы шли, настало время —
Стал он первым этажом.

Жизнь идет, со смертью споря.
Школа. Фронт. Война и труд.
Есть и радости и горе,
Этажи забот растут.

И дороги нет обратно.
Это трудно.
Это жизнь.
Но и чувствовать приятно,
Что ты носишь «этажи»!

Нелегка порою ноша,
Нелегко нам, друг хороший,
Все же справимся мы с ней.
У кого труднее ноша,
У того душа сильней.

Стихни, улицы движенье,
Придержи машин разбег.
Вам поклон и уваженье,
«Двухэтажный» человек!

* * *

Мы в землю стольких положили,
На фронте столько пережили,
Мы столько видели всего,
Что не страшимся ничего...

И если все-таки про войны
Я думать не могу спокойно
И если против войн борюсь,—
Не потому, что войн боюсь,
А если даже и боюсь,—
Не за себя боюсь, за тех,
Кто нам, отцам, дороже всех,
Кого суровый век наш нежил
И кто пока еще и нè жил,
Кто ни слезы не уронил,
Кто никого не хоронил.

ДРУГУ

Он считает, что мешает
Сочинять стихи семья,
И немедленно решает
Ехать в дальние края.

...Перегоны. Остановки.
Домны дымные в окне.
В творческой командировке
Он в своей родной стране!

Никого он не обидит.
Только ездит там и тут.
Только смотрит. Только видит.
Люди борются. Живут.

Уголь грузят. Нефть качают.
Только он один зато
Ни за что не отвечает,
Не болеет ни за что...

Разве так он жизнь изучит?
Хоть и комнаты тихи,
В номерах гостиниц лучших
Не идут к нему стихи.

Вдруг зайдет, смущаясь очень,
Начинающий поэт,
Первой строчкой озабочен,—
И уже застоя нет,
И опять желанье биться,
Помогать, бороться, и
От подстрочников укрыться,
И писать стихи свои,
Ветер жизни встретить грудью...
И понятно самому,
Что, когда «мешают» люди,
Легче дышится ему,
Лучше пишется ему.

* * *

Асе

Любви задачи не решить
Арифметическим путем,
Чтоб вместе плюсы все сложить
И вычесть минусы потом...
И все ж я действовал и так!
Когда уже разрыв грозил,
Все качества твои — чудак! —
На чистый лист я заносил:
На этот полюс — плюсы,
На этот полюс — минусы...
Пишу и тороплюся,
А полюс взял да сдвинулся.
А я за плюс
как уцеплюсь,
Не хочет плюс,
уперся плюс:
— Пускай со мною минус,
Я чуточку подвинусь...

Врывались тучи в жизнь семьи,
Но рвать нам было невозможно,
Поскольку минусы твои
Прикрыты плюсами надежно!

* * *

Бывает так: не спится ночью,
И ничего не сделать тут,
Как облаков летящих клочья,
Воспоминания бегут.
Всю жизнь свою перебирая,
Желая сам себе помочь,
Проводишь, сам себя карая,
Самокритическую ночь.
Приняв суровые решенья,
На годы заглянув вперед,
Выходишь в город.
В шум.
В движенье.
А там уж утро настает.

СТРЕЛЫ

«Мемуарист»

Прожил жизнь от жизни в стороне,
Не был ни в тылу, ни на войне,
Голову он, правда, сохранил
И теперь при помощи чернил
Сочинил издателям на страх
Мемуары в сорока листах
Под названьем «Сорок лет в кустах».

Напрасная скачка

Слава... книги... легендарность...
И всю жизнь он к ним скакал;
Оседлав свою бездарность,
Он себя к вершине гнал.

Проскакал он верст немало —
В основном вокруг горы!
А вершина как стояла,
Так стоит до сей поры.

* * *

Он испугался чувств однажды,
И в сердце доступ им закрыл,
И высох, словно степь от жажды,
И стал бесплоден и бескрыл.

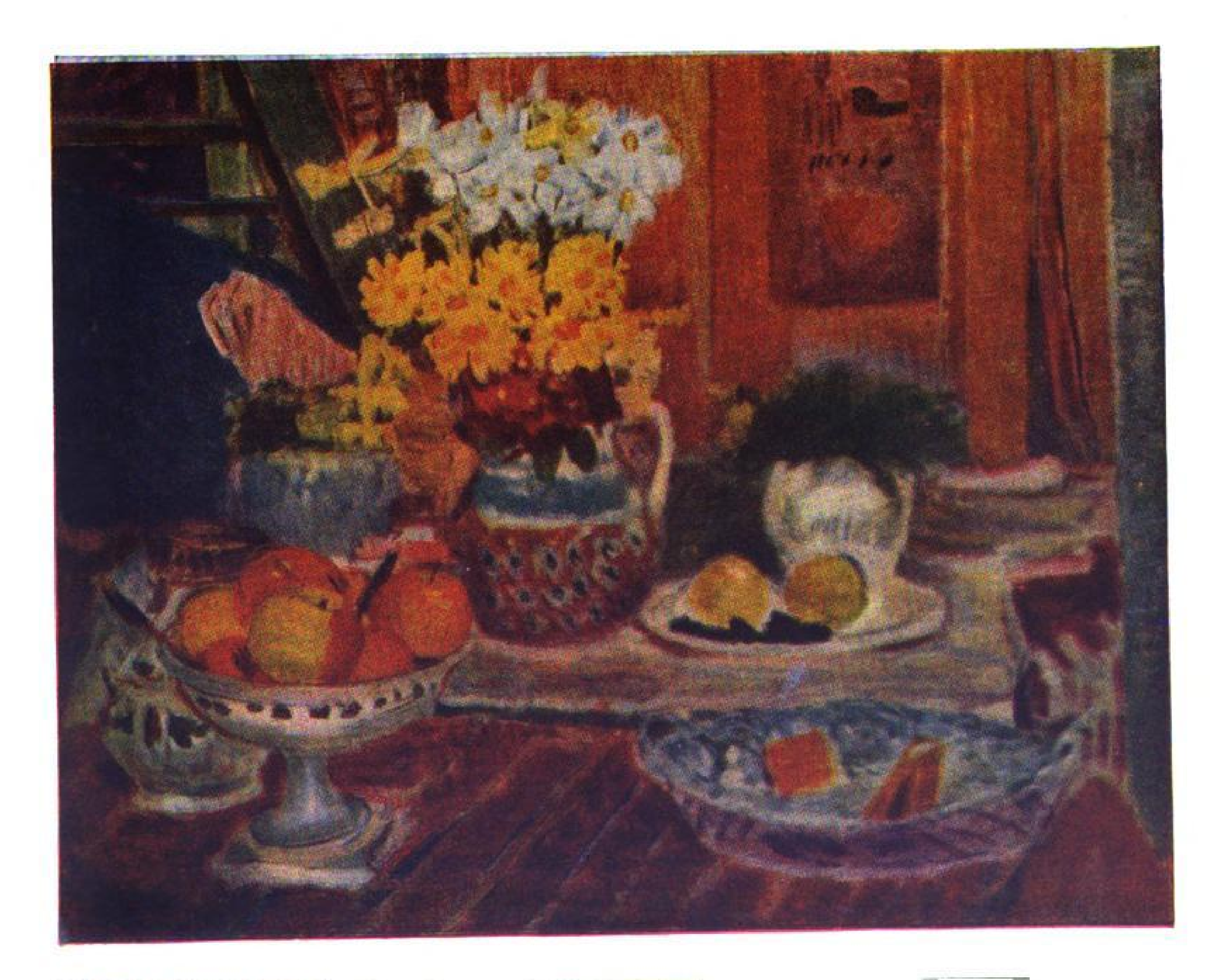
Но от людей он это скрыл.

Copyrighted material

Юльюш Студницки. МЕЛЬНИЦА.

Copyrighted material

Витольд Фридрих. ОБЕРЕК.



Ганна Руцка-Цибисова. НАТЮРМОРТ.

Copyrighted material

МОНОЛИТ

Рассказ

Владимир КОЗИН

Рисунки И. ГРИНШТЕЙНА.

Изыскательская партия прибыла в Асканию-Нова в начале октября. Изыскатели немедля взялись за дело.

Внезапно начались дожди.

Много изведали изыскатели пустынь и полупустынь, предгорий и гор, степей и равнин, но такой грязи, как асканийская, таврическая, пожалуй, не видели.

Шофером асканийского почтового автобуса был специалист по грязи; его называли «грязевиком»: через невероятную грязь он провозил почту и людей. Но в эти осенние дни даже асканийский почтовый автобус не выходил из Аскании-Нова: она стала островом.

Ранним утром машина изыскателей «отваливала» в открытую степь и через час возвращалась, тяжело облепленная грязью.

Геолог Голубко и топограф Кныш после обеда вышли из столовой. Алексей Голубко нес буханку белого хлеба. Ноги его прилипли к мостику у столовой. Он рванулся. Грязь крепко держала ступни его ног, и он упал, высоко держа хлеб в левой руке. Кныш услышал мягкий, как всегда, голос Голубко:

— Отлепите меня от грязи!

— С какого места начинать? — деловито осведомился Кныш.

Полевые работы приостановились.

В комнате за длинным столом сидел начальник изыскательской партии, в мрачном спокойствии просматривал записи теодолитной и инженерно-геологической съемки. За окном подвывал ветер. Голубко читал книгу.

Начальник партии сказал:

— Алексей Прохорович, приходил директор ботанического сада, хочет воспользоваться нашей бедой: нельзя ли взять образцы грунта в саду, пока буровая вышка не у дел? Сад орошается более пятидесяти лет. Конечно, делать это мы не обязаны.

— Интересно! — прошептал Голубко и встал. Ему хотелось читать книгу, но помочь асканийцам надо, если они просят и есть возможность.

Голубко направился во двор. Посреди просторного двора топограф Кныш и техник Миронов проверяли нивелиры. У высокого крыльца, спиной к ветру, сидел верхом на стуле буровой мастер Травченко, недавно прибывший из Киева. Держа в толстых грязных пальцах кусочек сахару, он учил служить белую восторженную собачонку, удивительно чистую среди липкой грязи. Травченко был дороден, лицо презрительное.

— Бурить в саду? — небрежно переспросил он геолога. — Мы не обязаны.

— Надо помочь! — просительно молвил Голубко.

— Сколько заплатят?

— У директора сада нет на это ассигнований!

Травченко отвернулся от геолога и показал собачонке кусочек сахару.

— Так вы возьметесь за это, Яков Наумович: делать нам все равно нечего! — сдержанно произнес Голубко.

— Бестактно меня уговаривать! — не оборачиваясь, ответил Травченко.

Голубко растерянно посмотрел на оживленную собачонку, на меховую шапку бурового мастера и пошел прочь.

— Вот зараза! — воскликнул Кныш, нетерпеливо выслушав рассказ геолога о новом буровом мастере. — Не знаете, как с хамами бороться? У меня огромный опыт! Хамы делятся на два типа — старый и новый; наивно предполагать, что за последние десятки лет хамы не изменились, не было у них эволюции! С усовершенствованным типом бороться труднее, со старым — легче. К какому типу относится Травченко? Ваше мнение?

— Страдать от хамов и мне приходилось, но я их не изучал.

— Я перевожу копер в сад, и научная беседа о хамах окончена! — сказал техник Миронов. — Разрешите?

Буровую вышку — копер — установили рядом с «гледичией невооруженной» — рослым деревом с мелкими листьями, без шипов. Василий Миронов заменил бурового мастера.

Почти три недели работали изыскатели в асканийской степи, но Голубко, занятый разными делами, не успел осмотреть знаменитый асканийский сад. Он отраден, как оазис после скудного величия пустыни.

Кончался украинский месяц жовтень. В живой тишине сад менял свои цвета.

У первой поляны Голубко замер. Поляна зеленела мягкой росной травой, была окружена желтыми деревьями всех оттенков. Жарко было смотреть на них! С краю краснел остролистый клен. Через поляну неторопливо проскочил высокий сытый заяц, мелькнули его красные глаза. И вышел фазан. Спокойный, яркий, как осенний сад. Он важно шел с неподвижно вытянутым хвостом, покачивая нарядной головой.

Голубко никогда не видел таких птиц, фазан поразил его. Он долго смотрел вслед фазану, удивляясь все более. За спиной геолога запел девичий голос. Чуть слышный, бодрый. Простая русская песенка; голос старательный, как у подростка. Песенка затихла, сменилась иной, позадорнее. Голубко очнулся и вошел в кусты.

Песенка звенела рядом. Никого не было.

Геологу показалось, что песня доносится из-под земли. Он наклонился, озираясь, и увидел над землей голову девушки. Волосы ее были темнее опавших листьев, цвета каштановой почвы. Она была в малиновом лыжном костюме, на плечах зеленый плащ.

Девушка стояла на дне глубокой ямы и перочинным ножиком внимательно, осторожно зачищала почвенный монолит. На разноцветной земле, выкинутой из ямы, лежали лопата, большой нож, новый ящик для монолита — длиною в метр — и шурупы на разорванной бумажке. Они рассыпались. Голубко начал их собирать.

Девушка перестала петь. Обернулась.

— Спасибо! — удивленно произнесла она. — Вы кто? А, вы изыскатель, я вас видела в столовой! Знаете, это мой первый самостоятельный монолит. Очень боюсь, как бы не распался!

— Вы из Москвы?

— Да, от Музея землеведения. Скоро назад, торопимся! Вы у других наших ям не были? На опушке и целине... Там ковыль и шампиньоны. Интересно! Пойдете? Отдайте, пожалуйста, эти шурупы Руслане. Сегодня она все забывает: у нее неудачный монолит!

Стена лесосада желтела за спиной Голубко, перед ним в синеве неба чуть колыхался старый пирамидальный дуб, за ним длинным строем высились сильные молодые дубки. В стороне обильно зеленел холм «казацкого можжевельника» — отрада парковых фазанов; за ним — живописные тополя, одинокие широкие сосны, приниженные свирепыми ветрами. А дальше ковыльно седела заповедная целинная степь.

Осень озеленила часть степи; овечья овсяница — типчак — стала свежей, в травяном покрове белели шампиньоны — «печерица» по-украински.

В степи среди шампиньонов виднелась девичья голова в пестром платочке.

Голубко приблизился к ней. Девушка стояла в глубокой, тщательно очищенной яме. На ней был тоже малиновый лыжный костюм. Сильная, крепкая девушка, лет двадцати. Пальцы ее рук были забинтованы. Губы обиженные.

Голубко сказал:

— Я принес вам шурупы от вашей подруги, привет от нее и вопрос: как ваши почвенные дела?

— Несчастный день, ничего не получается!

— А что с пальцами?

— Оббились. Монолит рассыпается!

Она взяла рамку, наложила ее на вырез почвы, села на дно ямы и ногами начала вдавливать рамку в монолит. Нижний край его оторвался и осыпался.

— Ой, Руслана! — вскрикнул Голубко, жалея девушку.

Руслана подняла голову и посмотрела прямо в глаза Голубко влажными, темными глазами:

Copyrighted material

— Измучилась я!
— Сама виновата!
К яме подошел старый, низкорослый человек. Присел на край ямы, устало свесил ноги, вытер ладонью влажное лицо, сказал:
— Люблю горячую баню, перепарился, теперь бы чайку, а чая в столовой нет! Сколько раз я говорил, Руслана: когда уже все готово, одним ударом лопаты надо отрезать монолит! В это время, Русланочка, нужно быть заботливой, нежной: зачистила весь монолит, наложила рамку — ударь заступом, отсеки монолит от грунта! А ты?
— Сергей Михайлович, я сделаю новый, другой!
— Не надо! Залатаем.
Старший почвовед Пташкин спустился в яму и рассчитанными, быстрыми движениями начал смачивать монолит водой, накладывать на него осыпавшиеся частички почвы.
— Вот так, Руслана, продолжай! — сказал старый почвовед и обратился к Голубко: — Пусть Русланочка латает свой монолит, а мы с вами пройдем, если хотите, к лесостепной яме.
Вблизи «казацкого можжевельника», за украинскими тополями, была третья яма.
Пташкин сказал геологу:
— Смотрите, какая убедительность! Три ямы — три зоны: степь — бесструктурная почва, нет влаги — нет жизни; полустепь, лесостепь — полужизнь; и, наконец, лесосад — структура, образованная почва!
Вечер спадал на ковыли, на лесостепь, лесосад; желто-красная стена сада в сумерках была незабываемой, мирная тишина исходила от нее; в «казацком можжевельнике» дико, страстно кричали фазаны.
По лесосаду разлился предночной мнимый свет. Все новые деревья вспыхивали осенним цветом, и был он особенно отчетлив там, где росли голубые ели.

Ольга была довольна: ее первый монолит удачен, он лежит в чистом длинном ящике. Побежать бы к старшему почвоведу Сергею Михайловичу, к подругам, поделиться радостью.
Ольга обогнула зеленый пруд с отраженными в нем прибрежными деревьями, быстро пересчитала диких уток на пруду: «Вчера было семь, сегодня тринадцать, наверное, собираются улетать на юг, а мы на север!» Великолепные селезни резво поплыли к Ольге. Она пожалела, что нет у нее с собою хлеба покормить непуганых птиц, помахала им нежной рукой и вышла к «гледичии невооруженной».
За кустом резко закричал фазан и шумно поднялся на высокий сук. Ольга вскрикнула от неожиданности.
— Здесь фазанов, как блох в шубе, — сказал ей техник Миронов. — Если вздрагивать от каждого фазана, дрожать будете непрестанно, как осиновый лист!
Глаза у Василия Миронова были огромные, навыкате, голубые, пристальные. Рослый, горделивый, он свысока, со спокойным любопытством осмотрел Ольгу и вдруг, смущаясь, озорно протянул руку:
— Техник-геолог Василий Иванович!
— Техник-почвовед Ольга, — скромно, чуть лукаво отозвалась девушка. — Что вы делаете тут с буровой вышкой?
— С копром всегда делают одно и то же: берут керн.
— А я сегодня взяла мой первый монолит!
— Поздравляю. Где он у вас?
Яма была с гладкими отвесными стенками. В нее упали осенние листья. Ольга присела над ямой, сказала:
— Полюбуйтесь моим монолитом!
— Для полноты почвенной картины ему не хватает червей.
Ольга быстро, снизу вверх, взглянула на Миронова и засмеялась, покачнулась от смеха, чуть не упала в свою образцовую яму, совсем развеселилась и зазвенела на весь лесосад. Смех ее был детский, горячий, заразительный; она радостно раскраснелась; глаза, сияя, не отрывались от настойчивых глаз Миронова. Техник-геолог старался быть спокойным, но не выдержал и рассмеялся.
— Вы, оказывается, хохотушка!
— Вы танцуете?
— На работе нет.
Сговорились вместе посмотреть в клубе новую кинокартину, поплясать. В саду темнело, необычным становился облик деревьев. Погода к ночи хорошела, над «гледичией невооруженной» прояснилась звезда.
— Наше счастье! — строго произнес Миронов, указывая на звезду, и ушел, встревоженный, как мальчишка.
Ольга вспыхнула и вновь залюбовалась монолитом, задумалась, запела. Простая русская песенка. И звезда простая, красивая. Ольга подняла голову. Перед ней стоял Травченко.
Буровому мастеру развлекаться было нечем, он пошел в сад. Он был равнодушен к совершенству природы, но асканийский сад надо посетить: потом можно сказать с беспощадной уверенностью: «Я отлично знаю Асканию-Нова!»
Девушка поразила Травченко: лицо ее было пылким, открытым, волосы вольно спадали на гладкую шею, на щеку и переливались, чуть сияя. Сколько девичьей силы в плавном наклоне ее тела!
— Я знал, что встречу вас! — властно произнес Травченко, рассматривая девушку так, словно ему подарили ее. — Познакомимся,

дабы не терять драгоценного времени: я инженер, с высшим образованием, из Киева!
— А я без высшего образования. Что делать? Не придется знакомиться!
— Вы игривая, мне это нравится. Ваше имя, дорогая?
— Я не хочу вам нравиться!
— Люблю девичьи шуточки. Образцы берете? Очаровательная вы землеройка! Сходные у нас профессии.
— Мой первый монолит!
— Прекрасно, прекрасно, как первая любовь! Давайте устроим пикничок вдвоем в этом сказочном саду. Вашу ручку!
— Я не хочу с вами разговаривать!
— От слов к делу? Намек принимаю!
Травченко нагнулся, толстой ладонью охватил шею девушки, другой ладонью оттянул ей голову и, задыхаясь, поцеловал полные отчаяния губы.
Ольга вырвалась, ударилась затылком о землю и вскочила, растерянно вытирая губы пальцами, на которые налипла земля. Подняла лопату и сказала спокойным голосом:
— Если вы подойдете ко мне, я вас ударю наотмашь!
— Дура! — небрежно произнес Травченко, с силой вдавил каблук сапога в монолит и повернулся, чтобы идти. В кустах стоял Миронов.
Ольга склонилась над изуродованным монолитом, робко тронула его пальцем и заплакала.
— Уходите! — грубо крикнул ей Миронов. — Бегите!
Ольга унеслась. Миронов подошел к Травченко и сказал, вздрагивая от ярости:
— Драться будете?
— Василий Иванович, детское недоразумение!
Глаза у Миронова расчетливо прищурились, он мгновенно боком повернулся к Травченко и ударил его в подбородок, снизу. Травченко откачнулся, пошатался, вскинув руки, и с шумом исчез в яме.
Тишина. Кленовый красный лист отлетел от ветки и стал медленно падать в яму. Яма заголосила. Травченко удобно лежал на дне ее и кричал настойчивым, тонким голосом.
Миронов послушал, прошептал успокоенно:
— Свинья — всегда свинья! — И ушел, растирая кисть правой руки.
На сильные, неутомимые вопли прибежали Голубко и Руслана, за ними — остальные почвоведы. И вдруг влетел высокий Кныш. От удивления Голубко спросил шепотом:
— Что случилось?
— Колесо отлетело! — отчаянно-спокойным голосом ответил Кныш.
— Техник Миронов убил меня, убил! — пронзительно закричал Травченко, не показываясь из ямы.
— «Смотрю, дывлюсь и бачу», — закричал неистовый Кныш, — на повороте отлетело! Ну, ловко Степа затормозил, иначе вам больше мною не любоваться бы! Сидит Степан в грязи, на безногой машине, а я пешком сюда продрался, взгляните!
Левый сапог Кныша был без подошвы: грязь оторвала. Брезентовый плащ по пояс в грязи. И брюки, и руки, и лицо.
— Ноги из суставов вырывались! — деловито заметил Кныш. — Встретилась бричка колхозная, подвезли было, да лошади в пахоте завязли!
Кныш умолк и бессильно опустился на край ямы; дрожащими ладонями отер пот с лица, взглянул в яму, на свежее, толстое лицо Травченко и устало произнес:
— Работать надо, друже, а не валяться!

Отлогий месяц лежал среди вечерних облаков; под ними смутно темнел курган; окна домов, растянутых за дорогой, были ярки.
Ольга быстро переоделась в номере гостиницы; прихорашиваясь, сказала подругам:
— Отстаньте, не пойду я в читальню!
Клуб. Василия Ивановича нет.
— Буду ждать. Придет! — сказала Ольга.
Танцевать ни с кем не хотелось. Смотреть кинокартину было не интересно. Ольга вышла из клуба, посмотрела в просвет заоблачного неба и побежала так резво, как позволяла асканийская грязь, к лесопарку.
Он грузно темнел за белой прозрачной оградой. Ночная тишина жила в саду. У черепичной ограды пахло полынью. Ветром сдуло месяц, от него в непогожем небе остался лишь слабый свет. Ветер и легкий туман неслись от кургана.
Миронов шел в ночную степь.

Дружба шофера Степана и Василия Миронова была неровной, порывистой — то веселой, сердечной, то сдержанной. Миронова порой навещали черные настроения; в такие дни голубые глаза его становились бесстрастными, и никто не хотел разговаривать с ним, опасаясь свирепой насмешки или грубости. Но в солнечные свои дни Миронов был хорош: отзывчив, вежлив, дружелюбен, и такая детская радость жизни сияла в его приветливых глазах, что нельзя было не улыбаться ей. Миронов становился взволнованным, находчивым, стройным во всех движениях, и не один шофер Степан смотрел на него влюбленными глазами.
Миронов ушел в грозную, грязную степь не только потому, что считал себя другом Степана: старушка-машина была до поры, до времени единственной у изыскательской партии; машину надо было выручать.
Ветер голосил в степи. Незримо было небо. Последние асканийские огни отошли во тьму. Впереди — заветренная, размазанная степь: приморская, половецкая, чумацкая, таврическая, изыскательская. На каких просторах нет их, изыскателей! Миронов любил удалые поступки. Пой — и смело иди, пока не дойдешь!
Дорога порой чуть поблескивала разливами воды, колдобинами. С края дороги было посуше. Миронов скользил, прыгал, подпевал.

сдирал с ботинок огромные налипы грязи, шел и шел, стараясь не отчаиваться.

Наплевать на грязь. Наплевать на ветер и тьму. Наплевать на усталость. Пошел — иди!

Кныш точно описал место, где отлетело колесо: за мельницей. Миронов давно миновал мельницу, видел во тьме ее громадные крылья.

Машины не было.

Кричал. Устал кричать. Ни звука. Ветер. Ни огня.

«А если нет Василия Ивановича? Что я скажу?» — подумала Ольга, несмело постучала и вошла в ослепительную комнату.

Длинная комната была заставлена топчанами. В дальнем конце стоял громадный голый стол под яркой электролампой. Голубко лежал на топчане; он читал книгу в зеленом переплете, другая покоилась на его животе. Начальник изыскательской партии, сияя опрятной лысиной, с увлечением стучал на счетах; таких огромных счетов видеть Ольге не доводилось. У края стола сидел Травченко в меховой безрукавке и большой ложкой ел консервы.

Он первый заметил Ольгу, громко, самоуверенно сказал:

— А, монолит и так далее! Выйдем, поговорим!

Травченко подумал, что девушка пришла жаловаться начальнику партии, рассказать о раздавленном монолите, но на темном крыльце Ольга горячо спросила:

— Василий Иванович где?

— Неизвестно. Ушел.

— Вы не станете мстить Василию Ивановичу?

— Девушка, я не мститель! Но я должен уведомить прессу о безобразном поведении техника Миронова при исполнении служебных обязанностей.

— В это время он не служил, не был он у буровой вышки, он прав был, вы непорядочно поступили, гадко!

— Это страсть! Девушка, я все прощу за поцелуй!

Ольга сбежала по высоким ступенькам в лужу, проворно выскочила из нее, приостановилась: «Не буду от подлеца бегать!»

Травченко настиг Ольгу, шумно вздохнул и произнес настойчивым, деловым шепотом:

— Я все прощу, дайте взаймы двести рублей!

Ольга отступила от него в другую лужу.

— Нет у меня!

— Возьмите у подруг!

— Хорошо, я соберу у девушек.

— Ни звука обо мне! Я провожу вас.

Широкая липкая дорога неясно светилась. Дома, подступившие к дороге, спали; вдали, у гостиницы и конторы связи, были огни. Травченко шел чуть сзади Ольги, не прикасаясь к ней, говорил о черном степном мраке, о светлом Киеве, о луне, пылающей над морем, о том, что самое прекрасное — взгляд девушки, которая вдруг смотрит на тебя с откровенной женской лаской.

«Такой прохвост, а поэт!» — подумала Ольга и замедлила шаг.

Травченко говорил неторопливо, низким, слегка взволнованным голосом: его воодушевляло ожидание прекрасного.

«Кажется, двести — мои! — думал он, не вдумываясь в то, что говорил девушке.— Двести рублей! Я их получу, сейчас. Двести!»

Через полчаса Ольга вынесла ему толстую пачку денег, сказала:

— Двести! — и ушла, опустив голову.

Лирика

Николай РЫЛЕНКОВ

* * *

В тростниках — утиные озера,
Речек голубые пояса,
В поле — ровный рокоток мотора,
На лугу — звенящая коса,

Роща — с соловьем на каждой ветке,
Темный бор без окон, без дверей,—
Все в моей грудной вместилось клетке,
И еще немало места в ней!

* * *

Помнишь, в сумерках весенних, синих
Мы с тобой смотреть посевы шли.
Как пруды, стоял туман в низинах,
Зов кукушки слышался вдали.

Что она тебе накуковала,
В перелесок за реку маня,
Я не знаю, только ты назвала
В первый раз по имени меня.

* * *

Снопы последние на жнивьях
Горят в безветренные дни.
В скирды высокие сложив их,
Уселись девушки в тени.

Склонили головы, мечтая,
И разрумянились слегка.
Усталость, в теле разлитая,
Здесь в час полдневный так сладка!

Ведь, волосы тихонько гладя
И щеки трогая пушком,
О том, что скоро время свадеб,
Им шепчет август на ушко.

* * *

С годами в пору вешнего цветенья,
Покоя не давая ни на миг,
Меня все больше донимают тени
Невоплощенных замыслов моих.

Они ко мне протягивают руки,
Вставая из-за каждого куста:
— Бери все краски, запахи и звуки
И дай нам жизнь. Вели открыть уста!

Иль хочешь ты, чтоб над тобой нависли
Как облака на раздорожье гроз,
Твои оставшиеся втуне мысли,
Слова, которых ты не произнес!

Как я могу сказать им: погодите,
Для вас еще не наступил черед,—
Когда уж солнце дней моих в зените,
Вот-вот — и на закат оно пойдет!

Уже влекут не помыслы о славе,
А то, в чем мы пред родиной в долгу,
И я назавтра оставлять не вправе
Того, что нынче совершить могу.

Вот почему в дни вешнего цветенья,
Покоя не желая ни на миг,
Я сам в ночи вас вызываю, тени
Невоплощенных замыслов моих.

Ранним утром, через день, шофер Степан и Василий Миронов вернулись в Асканию-Нова.

Заоблачное солнце прорвалось сквозь долгую хмару. Заблестели степные дороги, во все стороны открылась степь — необозримая страна изыскателей. Ветер сушил пути и пахоту. Осенние миражи — леса и воды — подымались в степных далях. Восторженно пели асканийские петухи. Во дворе двухэтажного дома, где жили изыскатели, исправленная автомашина деловито пахла под солнцем бензином и маслом.

Шофер Степан не отводил от Миронова горячего взгляда:

— Вот помог так помог!

Геологи и топографы смотрели с благодарностью на высокого молодого техника.

— Продрог я в степи насквозь,— сказал Степан.— За ветром не слышал я криков Василия Ивановича,— бродил он, пока не заблудился. Проблуждал в ночи километров пятнадцать, вышел на Молочный хутор, поспал до рассвета. На рассвете пошел ко мне. Обрадовался я ему, словно ангелу. Сбегал в недальний колхоз, в мастерскую, стали с Василием Ивановичем ладить машину. Заночевали в степи. На заре машина пошла. Ну, радость! Выскочил Василий Иванович из кабинки — и плясать!

Все засмеялись. Миронов обидчиво сказал:

— Я стряхивал грязь с ботинок!

Свет и простор были в сердце начальника партии: солнце подымалось над степью, готовая машина стояла во дворе. Спокойным, как всегда, голосом начальник произнес:

— Будем переезжать в Ивановку. Нужно договориться о рабочих, подводах, квартирах. Со мною поедут Семен Иванович Кныш и Василий Иванович Миронов.

Миронов выскочил на высокое крыльцо двухэтажного дома и остановился, нетерпеливо озираясь.

«Нет,— подумал он,— так, на своих на двоих, я ничего не успею: надо на почту, сняться с учета, помочь погрузиться! А к Ольге?.. Забегу-ка я на конюшню!»

У крыльца, сияя под солнцем, стоял Травченко — вельможный, великолепный. Он смотрел на Миронова снизу вверх и улыбался длинным ртом.

— Василий Иванович, с приездом! Героический поступок, поздравляю, о вас должны писать все газеты, я позабочусь об этом!

Травченко легко поднялся на крыльцо, взял Миронова за грязные отвороты стеганой куртки и раздельно, внушительно прошептал:

— Я все прощу, помогайте мне в работе безотказно, я многое забыл!

Миронов улыбался солнцу, себе, всей обновленной жизни. Улыбаясь, он ответил:

Copyrighted material

Интервью «Огонька»

ВОСК ИЗ ТОРФА

Президент Академии наук Белорусской ССР
В. КУПРЕВИЧ

Сжигать сырую нефть в топках — все равно что топить печи ассигнациями. Это образное сравнение великого русского ученого Д. И. Менделеева вспоминается каждый раз, когда я думаю об огромнейших запасах торфа в Белоруссии и о способах и перспективах его использования в народном хозяйстве. Ведь в шестой пятилетке добычу торфа в республике предстоит увеличить в 1,8 раза, в Белоруссии будут построены новые торфодобывающие и торфоперерабатывающие предприятия.

Торф сейчас применяется главным образом в качестве топлива, если не считать его второго и столь же древнего назначения — сдабривания малоплодородных почв для повышения их урожайности. В обоих этих случаях торф служит человеку в своем естественном виде.

Однако, когда знакомишься с ныне уже известными химико-физическими свойствами торфа, то легко убеждаешься в том, что этот неказистый на первый взгляд материал таит в себе, подобно нефти и каменному углю, весьма значительный ассортимент ценных химических продуктов. Из торфа, например, можно получить высококалорийный газ и уксусную кислоту, азотное удобрение и сырье для производства пластических масс, пек для асфальтирования дорог и воск...

Так ли уж ценится воск, может заметить кто-либо. Однако воск имеет прямое отношение к самолето- и кораблестроению, к никелированию и хромированию материалов, к блеску кузовов легковых автомобилей, к высшим сортам мебели, отделке кож, копировальной бумаге, изготовлению карандашей, к сотням других предметов, вплоть до крема для чистки обуви.

Да, все это связано с воском. И современная жизнь требует его в таких количествах, что трудолюбивым пчелам, в свое время прославившим наших предков на внешних рынках, когда воск шел главным образом на свечи, теперь уже никак не успеть за темпами роста промышленности. Кроме того, качество пчелиного воска не всегда удовлетворяет современным требованиям.

Предоставив пчелам их сладкое ремесло, человеку пришлось самому добывать воск. И вот к известным уже рецептам получения искусственного воска прибавился еще один, над которым потрудились ученые Белоруссии. Случилось это не так давно. Сырьем для получения искусственного воска, как уже известно, служат те виды торфа, которые содержат значительные количества восковых веществ. Технологическая схема не сложна: торф промывается бензином, который затем испаряется, а торф вновь возвращается в дело, оставляя битум, состоящий из воска, парафина и смол. После дополнительной обработки из битума получают чистый воск.

Эта научная работа уже вышла за стены академических лабораторий, и перед белорусскими учеными поставлена задача — обеспечить в шестой пятилетке создание новой отрасли промышленности — производство воска из торфа.

Из тонны торфа можно получить до 40 килограммов воска, который примерно в 20 раз дороже той самой тонны торфа, из которой он добыт. К этому нужно добавить, что торф после удаления из него битума не теряет своих теплотворных свойств и без дополнительной обработки его можно использовать для изготовления брикетов.

Уже сегодня следует говорить о возможности создания не только отдельных предприятий для производства из торфа газа, воска, пластмасс, жидкого топлива и т. д., но о целых торфяных энергохимических комбинатах.

В этой связи обратимся хотя бы к проблеме газификации. Торфяной газ сжигается в мартеновских и стеклоплавильных печах. Потребность в нем огромна, однако деятельность газогенераторных станций наталкивается на серьезные препятствия. Отходы этих станций до сих пор должным образом не используются и либо как бесцельно сжигаемые торфяные смолы приносят народному хозяйству сотни миллионов рублей убытка, либо как ядовитые подсмольные воды отравляют водоемы.

Но стоит только газогенераторные станции превратить в энергохимические комбинаты, как оба эти препятствия снимаются. По технологическим схемам, разработанным белорусскими учеными, вместе с газом из торфа можно получить множество ценных химических продуктов. Важнейшие из них — фенолы, антисептические материалы для консервирования древесины, форсуночное топливо, уксусная кислота, этилен, сульфат аммония, вяжущие материалы.

На Уралмаше, например, в ближайшее время будет создана опытно-промышленная установка по использованию всех ценных водорастворимых соединений, находящихся в подсмольной воде. В Гомеле решено построить смолоперерабатывающий завод, который будет выпускать антисептирующие материалы для древесины. Продукция этого завода позволит ежегодно сберегать большое количество древесины. На газостанции гомельского же стеклозавода из подсмольной воды можно каждый год получать до тысячи тонн уксусной кислоты. Это еще 60 тысяч кубических метров древесины, сэкономленной в течение года.

Вот они, новые богатства, которыми страна овладеет при полном использовании тех ценностей, какие содержит в себе торф. Как велики эти богатства, можно судить хотя бы по тому, что почти четверть территории Белорусской республики занимают болота. Много горя приносили они людям, и только в советское время человек научился не только открывать их сказочные тайники и клады, но и использовать их на благо народа.

— Помогать буду, а с «безотказно» идите к черту!

— Хорошо. Дайте триста рублей взаймы!

На конном дворе был у Миронова дружок — старший конюх Чумак, он сердечно интересовался обширными делами изыскателей. Миронов кратенько рассказал ему историю с колесом, с веселой уверенностью молвил:

— Выручай, Чумак, дай на часок «собственный выезд»!

Довольный собою, выехал Миронов с конного двора на «биде» — одноколке, свернул в густую грязь к столовой, обогнул ее и через сухую полынную полянку лихо порысил к ботаническому саду.

Сад стоял в стройной яркости деревьев; от раскидистых грабов и остролистых кленов так желто, что казалось, само солнце лежало в саду.

Миронов пробежал под «гледичией невооруженной» и пошел по тропинке меж кустов, зеленой травы, палых листьев.

Ольги не было.

Почвенная яма пуста, засыпана листьями. Миронов постоял у ямы, послушал ровный шум вершин. Прозрачный день голубел в саду; казалось, солнце и сияющая осень будут бесконечно. Миронов торопливо вышел за калитку, оправил хомут на гнедом коне, сказал ему:

— Ну, конь, простёпил я все на свете!

К почте Миронов подъехал в задумчивости. Хотел выпрыгнуть из «биды», вздрогнул и застыл, услышав знакомый чистый голос:

— Василий Иванович, мы уезжаем!

Грузовая машина почвоведов стояла по другую сторону улицы, у белой сквозной ограды. Машина была новая, крытая, завидная. К кузову приставлена лесенка. Девушки несли из гостиницы к машине матрацы, чемоданы, плащи, мешки, ящики, свертки. Ольга подбежала к «биде».

— Василий Иванович, вы живы? Куда же вы пропали?

— Оля, я делал дело, я должен был...

— Девушки, девушки,— крикнул из кузова машины старый почвовед,— скоро полдень, время не ждет, нам до Москвы четверо суток!

Ольга отвела Миронова за борт машины.

— Прощайте, Василий Иванович!

— Оля, так получилось, я не спал в степи две ночи!

— Убирайте лестницу! — крикнул старый почвовед.

— Я вас ждала. Я думала о вас.

Шофер дал протяжный гудок. Лестницу втянули в кузов машины.

Миронов поднял Ольгу на руки и посадил ее на борт, под брезентовую зеленую кровлю. Машина тронулась. Девушки замахали руками.

— Адрес, адрес! — отчаянно вскричал Миронов.

— Москва, почтовое отделение семнадцать!

Машина ушла, колыхаясь. Видны были лицо и приветливые руки Ольги. Потом одна белая рука. Машина быстро покатилась по степной солнечной осенней дороге.

В конторе связи толпился народ. Травченко грузно, безмолвно, привычно растолкал людей и придвинулся к окну. Получив бланк денежного перевода, Травченко подошел к столу.

На единственном стуле сидел голубоглазый старик в белом кожухе и, потея от усилий, сочинял телеграмму.

— Встань на минуту! — сказал ему Травченко.

Старик удивленно, послушно поднялся. Травченко сел на стул, распахнул свою дорожную шубу и отчетливым почерком написал: «Золото мое, я уже заработал пятьсот рублей сверхурочных. Тружусь. Перевожу, копи. Целую, люблю и так далее. Яков».

Асканийские монолиты неслись в Москву. Их ждало новое высотное здание Московского университета на Ленинских горах.

Огромные серые облака проносились над дорогой Симферополь — Москва. Лютый ветер нагонял машину почвоведов. Круглые кусты сухого курая — «перекати-поле» — стремительно катились по равнине; за ними — холодный дождь.

Ольга думала: «Как работают в такую непогоду геологи, топографы? Какая хмарь вокруг и ветер, ветер! Как он там, в окоченелой степи, мой Василий Иванович?»

Начальник изыскательской партии, геолог Голубко и Василий Миронов устроились в Ивановке в одной хате. Начальник спал на деревянной широкой постели, Голубко — на длинной лавке, поставленной вдоль всей стены.

Миронов сидел у огромного кованого «семейного» сундука и писал первое письмо в Москву. В хате было тесно, тепло, ласково. Письмо у Миронова получилось вдруг длинным, и много раз в нем повторялось слово «монолит».

«А прекрасно быть геологом-разведчиком,— подумал Миронов,— бродишь, изучаешь, смотришь, сравниваешь; сколько памятных неожиданностей, славных встреч!»

«Прекрасно, просто прекрасно!» — вновь подумал Миронов, потушил лампу и «валетом» пристроился рядом с Голубко на длинной лавке. Ветер лютел, лунный свет обширно, властно жил за оконцами хаты.

«Она прекрасна!» — подумал Миронов и заснул.

Copyrighted material

Политика «плаща и кинжала»

Люциан ВОЛЯНОВСКИЙ

Недавно конгресс США одобрил поправку к законопроекту о помощи иностранным государствам, предусматривающую ассигнование 25 миллионов долларов на финансирование подрывной деятельности в странах социалистического лагеря.

Публикуемая ниже статья польского журналиста Л. Воляновского проливает некоторый дополнительный свет на то, куда идут доллары, ассигнуемые по «закону о помощи иностранным государствам».

Адреса темных закоулков

Местечко, носящее название Оберурсель, находится на восток от Франкфурта-на-Майне, в Федеративной Республике Германии. Это как бы предпоследняя станция на жизненном пути шпионов и диверсантов. Разными способами — морем или по суше — их засылают в Польшу, где их и постигает то, что полагается предателям родины.

Франкфурт-на-Майне насчитывает на своей территории немало разных шпионских центров. Взять, например, дом № 109 на Одервег. Там на втором этаже работники разведки США обучают шпионов перед их переброской через польскую границу. Пансионат на Франкеналлее, 183,— «общежитие» только что завербованных шпионов. Еще одно логово находится в доме 166 на Эккенхеймер-ландштрассе; прежде чем агенты попадут в это тщательно укрываемое от постороннего глаза «гнездышко», где их подвергают шпионской шлифовке, они предварительно выдерживаются в карантине — в ночлежном доме на Мюнхенштрассе, 5. А когда агенты окажутся в Польше, то о своих шпионских «впечатлениях» им велят доносить по адресу: Франкфурт-на-Майне, 11-е почтовое отделение, почтовый ящик № 7091.

В последнее время бегство из Польши стало редкостью, и шпионским центрам приходится ныне искать себе «кадры» среди людей, уже давно обитающих за границей. Многие из этих сбившихся с пути поляков находятся сейчас в так называемых «сторожевых ротах» США на территории Федеративной Республики Германии или же ютятся в разных лагерях для перемещенных лиц.

Конец «карьеры»

Типичными агентами этого сорта были, например, Тадеуш Котовский и Ромуальд Станкевич, шпионская карьера которых закончилась в Польше не так давно. Оба они были завербованы американской разведкой во Франкфурте-на-Майне, там же прошли свой шпионский «университет».

Тадеуш Котовский еще в 1946—1948 годах занимался контрабандным провозом товаров в целях спекуляции. Когда у него «подвернулась нога», то есть его противозаконные экспедиции были пресечены польскими властями, он сел за решетку. По выходе из тюрьмы Котовский не стал заниматься общественно-полезным трудом, а попросту сбежал на Запад. Сначала он служил в упомянутых выше «сторожевых ротах», однако вскоре его выгнали оттуда за пьянство. В прошлом году Котовский попал на глаза профессиональному «загонщику» американской разведки, некоему Яну Новаку, который и передал его разведцентру во Франкфурте-на-Майне. Котовский прошел там курс шпионских наук и в недавнее время был переброшен в Польшу. Хозяева велели шпиону заняться «разработкой» воинских частей в одном из польских городов. Задание Котовский выполнял старательно, но был арестован. При нем оказались фальшивые документы и обычное шпионское «снаряжение», на предметах которого красовалась марка «Сделано в США».

Немногим отличается и «карьера» Ромуальда Станкевича. В 17 лет он сбежал в Западный Берлин. Долго скитался по всяким лагерям для «перемещенных» на территории Западной Германии и Франции, потом служил все в тех же «сторожевых ротах», пытался даже поступить в армию Соединенных Штатов. Однако у «дяди Сэма» нашлась для него другая «работа» — в апреле этого года Станкевич был завербован во Франкфурте-на-Майне. «Обучение» длилось недолго. В середине июня снабженного фальшивыми документами Станкевича перебросили в Польшу с заданием вести подрывную работу в районе Познани. Сейчас его персона увеличила коллекцию агентов американской разведки, ожидающих суда в народной Польше.

Я просматриваю переданный мне для обозрения список. В нем 32 имени. Все это зря загубленные деньги из кассы американской разведки. О загубленных людях упоминать не приходится: невелика штука — человеческая жизнь для господ из Оберурселя!

Последний из перечисленных на этом листе бумаги — 23-летний агент американской разведки Чеслав Рытлевский. В конце мая этого года его перебросили в Польшу через ГДР. После перехода границы он оказался вблизи села Братково, в уезде Згожелец, и, возможно, проник бы в глубину страны, если бы не гражданская сознательность одной из жительниц села. Ее насторожило подозрительное поведение Рытлевского. Своими сомнениями она поделилась с солдатами ближайшей погранзаставы, которые и задержали диверсанта.

Большинство шпионов, которые значатся в списке, взяты недавно, пойманы с поличным. Не помогли изощренные методы и хорошо продуманная подготовка, не помогли и пресловутые «добрые советы», какими снабдили их в дорогу попечители из Оберурселя. Бдительностью, мужеством, тяжелым, кропотливым трудом органы безопасности народной Польши, поддерживаемые всем народом, перечеркивают хитроумные планы американских мастеров «плаща и кинжала».

Их «тайны»

Оберурсель (официальное его название — штаб 513 военной разведки армии США, АПО 757) расположен на территории бывшего лагеря американских летчиков «Кэмп Кинг». Вся территория шпионского центра обнесена проволочно-сетчатым забором высотой в 4,5 метра. Далее идут ограждения из колючей проволоки. Сотни ярких рефлекторов освещают ночью весь этот оградительный пояс. Солдаты специальных войск США днем и ночью охраняют территорию Оберурселя, без устали проверяя состояние запоров и сигнализации.

За проволочной оградой служебные кабинеты, учебные классы (есть даже «кафедры» шпионажа и диверсии), квартиры некоторых официальных сотрудников американской разведки, отдельные помещения для агентов, проходящих подготовку, особые комнаты для завербованных, пригодность которых еще исследуется. Оберурсель располагает мощной радиостанцией, собственной типографией, фотолабораториями, госпиталем, складами шпионского «снаряжения» и даже... гауптвахтой.

Этим мрачным комбинатом, посылающим сотни людей на смерть, управляют преимущественно американцы польского происхождения. Таковы капитан Роман Эминович, поручик Станислав Станашек, капрал Домбровский.

В шпионской школе Оберурселя занятия продолжаются три — четыре часа ежедневно. «Теория» подкрепляется «практикой». Как показали недавно арестованные шпионы, им демонстрируют альбомы со снимками различного оружия, принятого в польской армии, диафильмы с образцами обмундирования, а потом требуют в деталях описать виденное. «Лекторы» пространно разъясняют своим ученикам, как подходить к различным людям, чтобы получить от них сведения, нужные американской разведке.

Комплекс шпионской подготовки включает умение пользоваться химикалиями, тайнописью. Шпионы обучаются микрофотографии, ориентировке на местности.

Когда агент готов к «путешествию», ему обычно предлагается следовать пешим порядком. Но бывает и так, как в случае с шпионом Ежи Рыбаком: немецкий рыбацкий куттер подвез его к берегам Польши, а дальше предатель перебрался к месту высадки на резиновой надувной лодке.

Шпион получает на руки сфабрикованные в Оберурселе фальшивые паспорта, разные «свидетельства», военные билеты, марки ГДР и польские злоты, ножницы для перерезания проволочных заграждений, компас, пистолет. Порой ему вручают фотоаппарат, микрофильмы. В дорогу дается еще водонепроницаемый нейлоновый мешок, который должен сохранить от влаги одежду диверсанта при переправе через Одер или Нису, или надувная лодка, если агента перебрасывают морским путем. Все предусмотрено до мелочей, кроме одной «мелочи» — бдительности польских пограничников.

Явившийся с повинной Эмиль Гурецкий.
Фото автора.

Вынужденные перемены

С некоторого времени оберурсельское начальство пришло к мысли о необходимости внести существенные изменения в методы подготовки своих «питомцев». Объяснить это можно только одним: безнадежно возрастающим числом провалов.

Раньше агенты отправлялись американской разведкой в Польшу, как правило, на длительный срок — до нескольких месяцев. Денег выдавали на руки, в общем, не жалея. Правда, одновременно агенту вручался капсюль с ядом, который он обязывался использовать, если ему явно грозил арест.

Сейчас «выпускникам» Оберурселя редко дается поручение пробыть в Польше больше двух недель, а то и двух — трех дней. Денежное довольствие сильно урезано. Ужимают агентов и в части «проводников»: еще не добравшись до места перехода границы, шпион предоставляется собственной судьбе.

Раньше бывали в Оберурселе случаи групповой подготовки шпионов. При этом для конспирации «одноклассники» могли знать друг друга только под вымышленными именами. Теперь подготовка ведется исключительно в одиночку и «ученик» поручается одному офицеру или сотруднику разведки США.

Все чаще готового в путь агента испытывают при помощи специального аппарата, сконструированного на базе электрокардиографа. Испытуемому ставят различные неожиданные вопросы, и аппарат должен зарегистрировать сердцебиение, которое, по мнению американских «специалистов», сопутствует «лжи или неискренности». Сверх того, агент должен подписать обязательство под страхом смерти сохранить свое задание в строжайшей тайне. Небезынтересная деталь: такое обязательство сохраняет силу до... «начала третьей мировой войны»!..

Гурецкий находит выход

История Эмиля Гурецкого весьма характерна: он уже катился в пропасть, но...

Ему сейчас 30 лет. Арестованный гитлеровскими оккупантами и брошенный в концлагерь, Гурец-

Copyrighted material

кий остался затем в американской зоне оккупации Германии. В 1954 году он попадает в американскую «сторожевую роту» № 4002. В феврале прошлого года вместе с двумя другими караульными он похитил из охраняемого им склада обмундирование и был приговорен к 8 месяцам тюрьмы.

На третий день после окончания срока заключения Эмиль Гурецкий знакомится в кабачке с неким Яном Кохом. Тот заявляет, что хочет «помочь» земляку. Но послушаем то, что рассказывает сам Гурецкий:

— Кох сказал мне: «Знаешь ли, мне известно такое место, где можно заработать хорошие деньги»... Я спросил его, что это за место. Кох ответил, что там хорошо платят и не очень принуждают работать. Тогда я сказал: «Давай эту работу, а то мне не на что жить». Вскоре к столику подошел неизвестный мне мужчина, он назвал себя Новаком. Он стал расспрашивать меня о разных личных делах и уговорился встретиться в этом же кабачке через неделю. В тот день он явился еще с одним человеком, которого представил коротко — Рольник. Этот тоже расспрашивал меня о разных делах, старательно записывал мои ответы и сказал, что все проверит. Потом Рольник встречался со мной довольно регулярно и каждый раз оставлял мне по сто марок...

В начале февраля Рольник на автомашине отвез Гурецкого в Оберурсель. Началось систематическое обучение «найденыша». Особенный упор Рольник делал на военную разведку. Он проводил с Гурецким практические занятия на местности. Кстати сказать, владельцы западногерманского автомобильного завода «Таунус» едва ли были очень довольны, узнав, что американские шпионы упражняются в своем ремесле, набрасывая схемы расположения их предприятия.

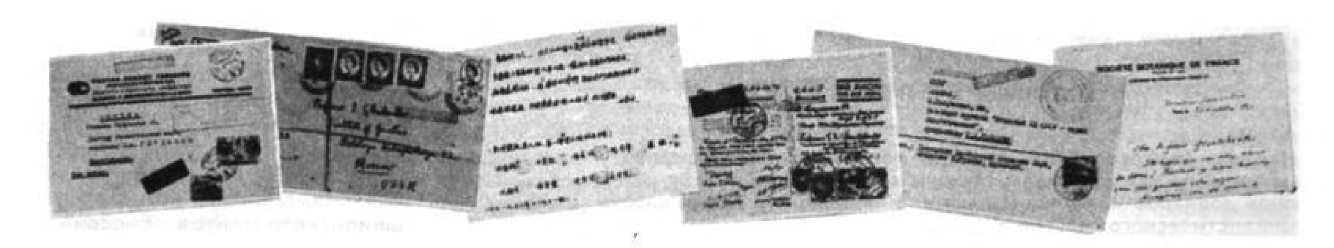
9 апреля этого года с аэродрома под Франкфуртом-на-Майне поднялся в воздух скоростной американский военный самолет. На борту было «трое»: Клаус Каминский из Бытома, Мечислав Буровский из Познани и Эмиль Гурецкий из Буккова. Однако все «трое» были... одно и то же лицо. Из двух дополнительных «липовых» биографий одна должна была использоваться Гурецким в ГДР, а вторая в Польше.

Вечером Гурецкого в западноберлинском отеле навестил некий джентльмен, он заботливо расспрашивал агента по-английски, не засыплется ли он. Присутствовавший при разговоре Рольник заверил гостя, что он вполне спокоен за Гурецкого и целиком доверяет ему. «Проводник» довел Гурецкого до Котбуса... Оттуда он уже сам добрался до Герлица и добровольно явился на польскую погранзаставу. Здесь он рассказал подробно обо всем: ему было поручено действовать на территории Познани и по возвращении в Западный Берлин немедленно связаться по телефону с пунктом разведки США.

Нет, господа из Оберурселя! Эмиль Гурецкий к вам не вернется. Он живет сейчас в своей семье и просит своих знакомых — вербовщиков и агентов американской разведки Петра Сочыка, Генрика Яновского, «Сокола», «Янка», «Ивана» и Попиолка — больше не рассчитывать на него!

ПОЧТА СОВЕТСКОГО УЧЕНОГО

Научные учреждения Советского Союза ведут обширную переписку с заграницей, часто принимают у себя зарубежных гостей, посылают делегации в другие страны. Тесную связь со своими иностранными коллегами поддерживают многие советские ученые. Вот что рассказал нашему корреспонденту о своей научной переписке действительный член Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук им. В. И. Ленина, доктор биологических наук, профессор И. Е. Глущенко.



Профессор И. ГЛУЩЕНКО

Много воспоминаний возникает в памяти, когда просматриваешь письма, оттиски научных трудов, фотографии, поздравительные открытки и телеграммы, приходящие из-за рубежа. В последние годы мне, как и многим другим советским ученым, довольно часто приходилось выезжать за границу, встречаться с зарубежными коллегами в Москве, и вот результат — оживленная переписка.

Осенью прошлого года я получил открытку из ФРГ, из города Брауншвейга. Доктор Гартвих из Биологического федерального института сельского и лесного хозяйства просил прислать ему одну из моих работ. Западногерманский биолог, видимо, не знал, что Академия наук СССР много лет уже находится в Москве, и адресовал открытку в Ленинград.

...Объемистый пакет. Его прислал г-н Мацуура, президент Японского Мичуринского общества и вице-президент Японской ассоциации демократических ученых. В нем целая пачка изданий общества.

Интересная почта была получена из редакции японского журнала «Кагаку». В письме сообщалось, что редакция направляет опубликованную в журнале статью профессора Синото, президента Японского генетического общества. Он повторил наши опыты по получению прививочных гибридов и пришел к тем же результатам, что и советские ученые.

Вот голубой с красными полосками и японской маркой конверт воздушной почты. Биолог Кодзи Ямало благодарит за присланные ему книги и сообщает, что собирается прореферировать их в японском научном журнале.

Г-н Митоси Токуда посылает статью профессора Юсака о породообразовании у животных и просит опубликовать ее в советском журнале. Он сообщает также, что Японская академия наук серьезно занимается этой проблемой.

Замечу попутно, что в Японии влияние мичуринских идей захватывает и таких ученых, которые в недавнем прошлом вообще не имели отношения к биологии. На мичуринском юбилее в Москве побывал японский ученый г-н Кикути. Он специалист по истории американских негров. В ходе своих научных занятий Кикути столкнулся с фактами жестокой дискриминации негров в Соединенных Штатах. Историк, он стал интересоваться сочинениями, которые научно опровергают расизм и тесно связанные с ним реакционные взгляды в генетике. Кикути обратился к работам И. В. Мичурина и так ими увлекся, что стал серьезно заниматься биологией.

Совсем недавно я получил письмо от г-на Кикути. Побывав в Москве, он на обратном пути задержался в Китае и в Корейской Народно-Демократической Республике, чтобы ознакомиться там с положением в сельскохозяйственной науке и практике. На него произвели большое впечатление новые методы ведения сельского хозяйства и проникновение мичуринского учения «во все уголки, в большие деревни, в строящиеся научно-исследовательские институты, на опытные станции, в школы»...

Мичуринское учение привлекает представителей самых разнообразных специальностей. Пришло письмо и из Бразилии от известного ученого-социолога Жозуэ де Кастро, автора книги «География голода». Де Кастро пишет новую книгу, в которой ставит целью опровергнуть теорию неомальтузианцев о «перенаселенности» земного шара. Одну из глав этой книги Жозуэ де Кастро собирается посвятить возможности акклиматизации сельскохозяйственных культур и продвижения их на север. Он намерен широко использовать результаты экспериментальных работ советских ученых. В своем письме Жозуэ де Кастро просит помочь ему получить материалы по проблемам орошения и ведения сельского хозяйства в засушливых и полузасушливых районах Советского Союза.

Особенно обширна моя переписка с французскими учеными. Среди них — сторонник мичуринского учения д-р Клод Матон, профессора Сорбонны Эфрусси, Готерэ, д-ра Прево, Делюн и другие. Я поддерживаю связь с Роже де Вильмореном — одним из представителей «династии научно-практических деятелей», как назвал род Вильморенов К. А. Тимирязев. Эта «династия» работает в науке уже более двух веков. Ее представители из поколения в поколение занимаются селекцией, генетикой, ботаникой.

Роже де Вильморен — видный ученый. Он решил повторить некоторые опыты советских агробиологов, подтверждающие, что приобретенные свойства растений переходят в наследственные.

В апреле пришла открытка, которую подписали профессор Матон, его жена и супруги Бузи. Супруги Бузи — крестьяне, замечательные животноводы-практики, достигшие исключительных успехов в разведении мичуринскими методами породистых кроликов и кур. В бытность во Франции я посетил их ферму в сопровождении Клода Матона. Супруги Бузи вручили мне несколько десятков яиц от племенных кур, взяв обещание, что я передам их на одну из наших птицеводческих опытных станций. Обещание я выполнил и вскоре «рапортовал» Клоду Матону, что под Москвой благополучно вывелись французские цыплята.

Приятная весть пришла недавно из Швейцарии. Г-н Морис Струн в марте нынешнего года с отличием защитил в Женеве докторскую диссертацию на тему о вегетативной гибридизации. Насколько известно, это первый случай, когда в западном государстве было присвоено научное звание за оригинальную работу, строго базирующуюся на принципах мичуринского учения.

Среди моих корреспондентов немало людей, научные взгляды которых в области биологии резко расходятся с нашими. Когда я был в Швеции, а позднее в письмах и на страницах печати мне довелось немного поспорить с руководителем Института генетики в Лунде профессором А. Мюнцингом и его ближайшим сотрудником г-ном А. Леваном. Иные из замечаний, которыми мы обменивались, были, возможно, излишне резки. Тем не менее, когда я позднее выступал с докладом в Дании, профессор Мюнцинг специально приехал из Швеции, чтобы послушать мое сообщение. В редактируемом им журнале «Наследственность» была опубликована моя статья.

Интересны письма из Югославии. Профессор Ружица Главинич — человек с большой и яркой биографией. В годы фашистской оккупации она девушкой ушла в партизанский отряд. После войны Главинич окончила университет и приехала в Советский Союз. В Ленинграде и в Горках Ленинских она работала над проблемой прививочных гибридов. По возвращении на родину Ружица Главинич занялась селекцией хлопчатника и создала первый его отечественный сорт, приспособленный к местным условиям.

Ныне Р. Главинич — профессор Белградского университета, участница многих международных конгрессов. Ее доклады отличаются необычайным блеском и убедительностью. Сообщение на генетическом конгрессе в Италии произвело такое впечатление, что некоторые западные ученые специально поехали в Белград, чтобы на месте ознакомиться с ее экспериментами.

Разумеется, особенно тесные связи установились у нас с учеными Китая и других стран народной демократии. Там выросла целая армия мичуринцев — талантливых экспериментаторов-селекционеров из среды ученых, агрономов, крестьян.

Помню встречу в Шанхае с видным биологом профессором Чжу Си и его ассистентом Чжан Ко. Чжу Си был воспитан на теории Моргана — Менделя. Но позднее опыты с тутовым шелкопрядом поколебали его веру в эту теорию. В беседах он говорил о большом впечатлении, которое произвело на него знакомство с трудами советских биологов. Это было в 1952 году. С тех пор переписка с Чжу Си продолжается. Сообщение о его опытах было опубликовано в Москве.

Узы творческой дружбы связывают нас и с болгарскими учеными — академиком А. Хаджиноловым, профессорами К. Братановым, Н. Нестеровым. Особый интерес представляют для нас работы профессора Кирилла Братанова по изучению влияния чужой крови и чужого белка на изменение наследственности у птиц. Результаты опытов К. Братанова мы опубликовали в Москве.

Большую работу в области биологической науки ведет Румынская академия наук. Ее президент Траян Савулеску — выдающийся биолог, крупный специалист по борьбе с болезнями сельскохозяйственных растений. К мичуринскому юбилею он прислал восемь статей румынских ученых, в том числе свою статью о развитии мичуринского учения в Румынии.

— Генетика на Западе теперь не та, и сегодня мы не прочь бы вступить в самые тесные творческие связи с советскими генетиками-мичуринцами,— говорил во время пребывания нашей делегации в Париже заведующий лабораторией генетики Сорбонны профессор Б. Эфрусси.— Было бы неплохо, если бы представители советской науки приняли участие в ближайшем международном конгрессе генетиков...

В ответ я высказал убеждение, что развитие международных связей ученых способствует не только процветанию наук, но и упрочению мира и росту взаимопонимания между народами.

Copyrighted material

ШЕСТЬ ЧАСОВ В СТАМБУЛЕ

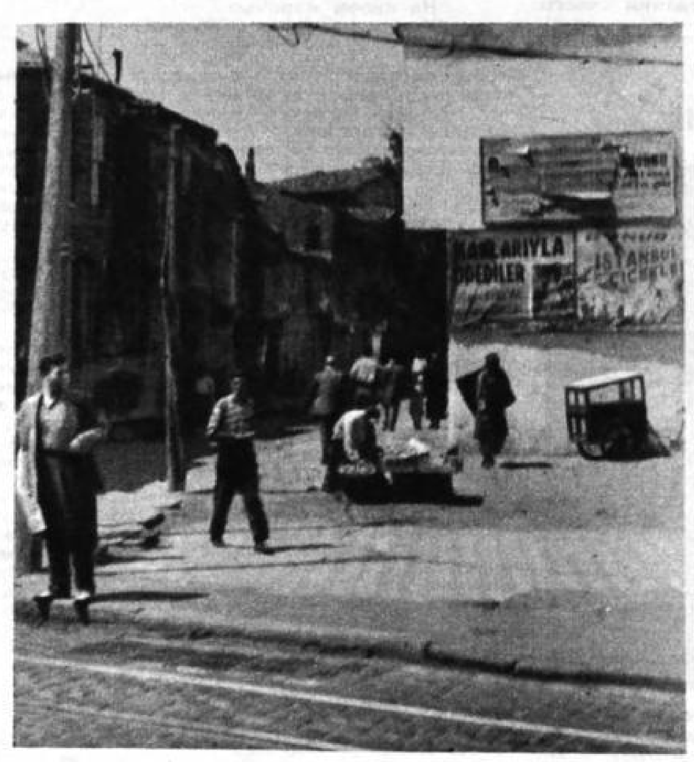
В. ПОНОМАРЕВ

Обжитая за три недели «Победа» мерно бороздила бледносиние воды Эгейского моря... Около пятисот обитателей теплохода — советские туристы — коротали последние дни путешествия, обменивались адресами и телефонами, приводили в порядок путевые дневники, когда радио теплохода сообщило, что турецкие власти разрешили нам посетить Стамбул.

Говорят, что «Победа» — первое советское пассажирское судно, причалившее к Стамбульской пристани за последние пятнадцать лет. Вот несколько фотографий, на которых запечатлено короткое пребывание советских туристов на земле Турции.

Древний Истамбул — так называют турки свою столицу.

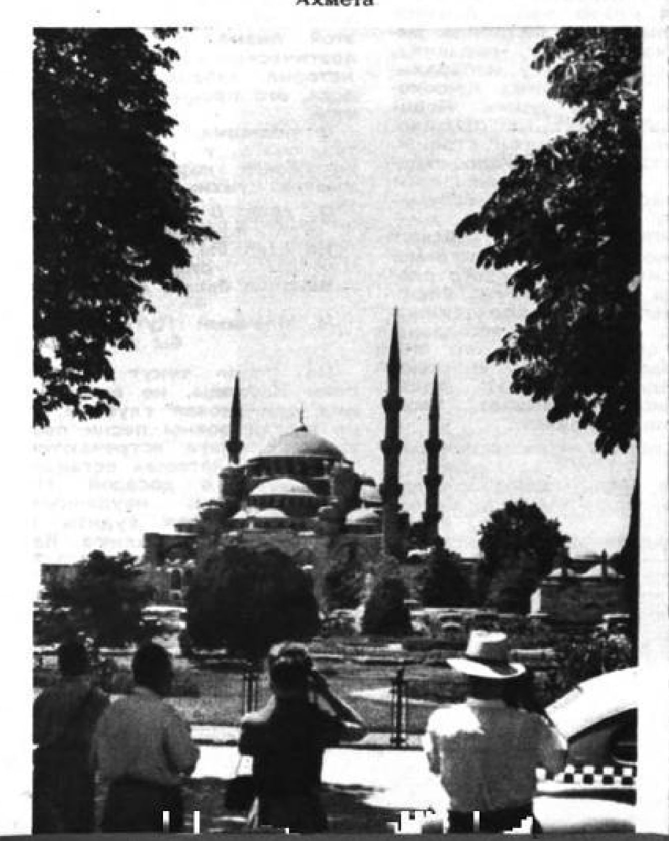
В Стамбуле сохранилась древняя византийская стена.



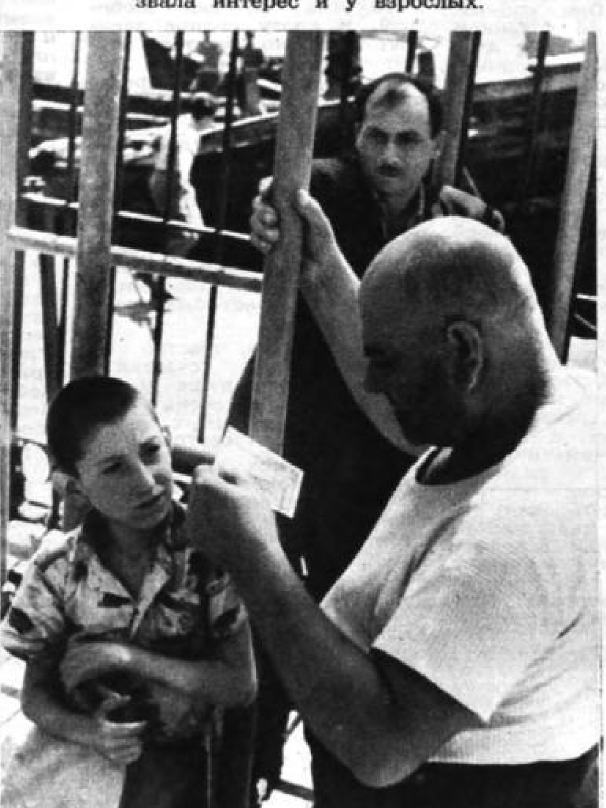
В старой части города.

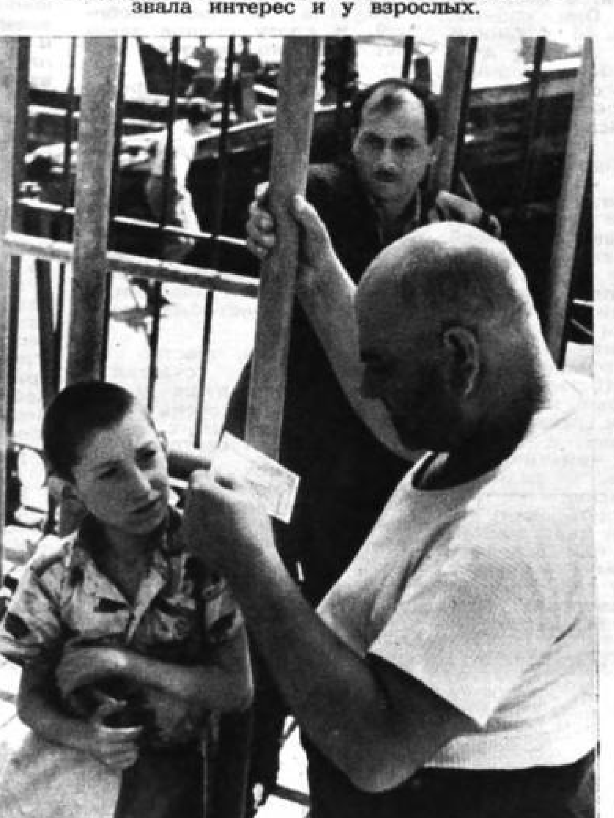
Фешенебельная гостиница в центре Стамбула.

Внимание туристов привлекла мечеть султана Ахмета



Советская открытка, подаренная мальчику, вызвала интерес и у взрослых.





Туристы на одной из центральных улиц.

Двухтомник Михаила Исаковского

— Стихи у него простые, хорошие, очень волнуют своей искренностью...

Без преувеличения, миллионы советских читателей могут повторить как свои собственные эти слова Горького, тридцать лет назад сказанные об Исаковском. Для десятков миллионов стихи и песни поэта стали неотъемлемой частью труда и быта, будней и праздников...

В чем обаяние поэзии Исаковского? Почему не залеживается в магазинах ни один его сборник?

Новаторское следование классическим традициям русской поэзии, живая связь с народным творчеством, богатство тем и мелодий, умение передать тончайшие переливы чувства — от лирического юмора до торжественного пафоса — откуда все это у Михаила Исаковского?

В смоленской деревне Глотовке впервые забилось живое сердце поэта. Не аллегорические красоты, не заманчивость словесной эквилибристики, не надрыв изломанной души, а дальние дали русских равнин и холмов, трудная и светлая доля вчерашнего батрака — теперешнего хозяина страны — этим дышали и дышат безыскусные, легко и свободно льющиеся стихи поэта, здесь истоки их неподдельной народности.

Талант видеть все самое большое и самое малое глазами простого труженика, талант передать читателю самые сложные душевные переживания людей труда точно и просто — этот талант не приобретается никакими «творческими командировками», он — богатство поэта, кровно и навсегда связанного со своим народом. Простота лучших стихов Исаковского — это высокая степень мастерства, достигнутая напряженной и любовной работой поэта над словом и музыкой народной речи.

...Народ рождает своего поэта, и поэт щедро отдает ему лучшие создания своего таланта.

Дм. СТАРИКОВ

М. Исаковский. Сочинения в двух томах. Гослитиздат. Москва. 1956.

В строю

Поэту Ильгизу Калимуллину, выпустившему первую книжку, хочется сказать не только традиционное «счастливого пути», но по-дружески поздравить его с настоящей победой.

Трудно, очень трудно прикованному с детства к постели человеку. Четыре стены больничной палаты — вот весь простор, который видит своими глазами Ильгиз. Но неугомонный жизнелюб и творец видит дальше больничных палат. Его жизнеутверждающая воля простирается по широким просторам нашей страны, и он идет вместе с нами в едином строю.

Живы еще Павки Корчагины! Не в грохоте боев, не в студеных степях, не в безбрежном бушующем море, а тут, рядом, в будничной жизни они совершают поистине героические подвиги.

Любя отчизну добрую, как мать,
Возможно ль праздно вековать свой век!
Я взял перо,
Чтоб жить и побеждать,
Как тот рожденный бурей человек.

Молодой поэт воспевает подвиг Раймонды Дьен и корейских школьников из волости Кока, уезда Пхачжю, певших перед лицом палачей песню о Ким Ир Сене; он слагает стихи о дружбе и любви.

Радостью жизни наполнены лирические стихи поэта. Вы забываете о его недуге, когда читаете такие строки:

— Ну-ка, птица певчая,
На своем наречьи
Кликни — пусть любимая
Выйдет мне навстречу.

Вы листаете тонкую книжку и знакомитесь не только с одаренным поэтом, но и с талантливым переводчиком. Прекрасно владеющий татарским и русским языком, Ильгиз Калимуллин переводит на русский язык произведения классиков татарской литературы и современных татарских поэтов. Свежестью интонаций, необычайной страстностью привлекает перевод стихотворения Нури Арсланова «Бессмертному поэту», сделанный Калимуллиным. Это стихотворение посвящено поэту-патриоту, Герою Советского Союза Мусе Джалилю.

Стихи твои нам жгут сердца
Огнем больших страстей.
Ты путь поэта и бойца
Прошел сквозь сто смертей.

Эти же слова можно сказать и о молодом мужественном человеке, поэте и переводчике Ильгизе Калимуллине.

Гр. ХАИТ

И. Калимуллин. В строю. Стихи. Таткнигоиздат. Казань. 1956. 54 стр.

У Ильгиза Калимуллина много друзей. Они пишут ему из разных городов страны, часто посещают поэта. На снимке: ассистент кафедры гистологии Казанского медицинского института Д. В. Бурнашева и Ильгиз Калимуллин.

Фото врача В. Смирнова.

Марийские поэты

Прежде всего надо сказать, что марийских поэтов много. Этот факт даже сам по себе отраден и значителен. Ведь марийская литература молода: по существу, она ровесница Октября. И хотя первые марийские поэты С. Чавайн и Микай начали писать еще в предреволюционные годы, большинство их произведений тогда так и не увидело света. Царизм безжалостно угнетал маленький народ, лишал его человеческих прав, обрекал на гибель. Только после Великой Октябрьской революции, когда «над краем нужды и муки» взвилось ленинское знамя,

На ноги встали
и в крепкие руки
Взяли судьбу свою
люди мари!

Только что в Йошкар-Оле вышел на русском языке сборник стихов «Марийские поэты». В нем представлены стихотворения десяти авторов, поэтов разных поколений. Это Миклай Казаков, Анатолий Бик, Никандр Ильяков, Макс Майн, Илья Стрельников, Васлий Чалай, начавшие печататься в годы первых пятилеток, и более молодые — Семен Вишневский, Аркадий Канюшков, Геннадий Матюковский, Михаил Якимов, чьи свежие голоса звонко зазвучали в послевоенные годы.

Книжка открывается стихотворением Миклая Казакова «Я иду по столице». Оно в известной мере характерно для всего сборника.

Я иду по Москве,
москвичи мне навстречу,
Наши думы едины, и
путь наш един.
— Кто ты? — спросят меня,
и тогда я отвечу:
— Я мариец, Советской
Страны гражданин!

Да, лирический герой марийских поэтов живет едиными думами, идет единым путем со всеми своими советскими братьями. Именно поэтому, когда читаешь стихи о простых марийских колхозниках, лесоводах, лесорубах, плотогонах, все время ощущаешь, как их труд вливается в труд всей большой советской Родины, как радует и воодушевляет их сознание этого.

О чувствах, о любви счастливой и неразделенной, стойкой и не выдержавшей испытаний, в сборнике много стихов. Они разные. Тут и тонкая, с оттенком легкой грусти лирика Анатолия Бика; и задорные, восходящие по своему строю к народным песням стихотворения Макса Майна; и своеобразные «Житейские песни» Никандра Ильякова. Некоторые из этих произведений неглубоки по мысли, спорны по замыслу, но все они подкупают своей непосредственностью, живым и горячим чувством.

Не будем по установившейся традиции под занавес ставить оценки и делить стихи сборника на отличные, просто хорошие и посредственные. (Есть в нем и первые, и вторые, и третьи.) Скажем лучше, что содержание сборника в целом, его идейная и тематическая направленность, разнообразные творческие приемы помогают увидеть, как растет и набирает силы марийская поэзия, как все увереннее и громче вплетает она в могучий хор многонациональной советской литературы свой ясный и чистый голос.

В. ТЕЛЬПУГОВ

Марийские поэты. Сборник стихов. Марийское книжное издательство. Йошкар-Ола. 1956. 151 стр.

Лирика Маро Маркарян

Перед нами лирический дневник Маро Маркарян. Листаем его, «как книгу, за годом год».

Вот героиня — студентка университета. В перерыве между лекциями она стоит с другом, юным, сильным; он смеется и шутит: «Автор лирических стихотворений, ты хоть разок напиши обо мне!» Ей хорошо и тепло от этой дружеской шутки. На страну обрушивается война. Юность друга обрывается где-то. Героиня смотрит на окна университета, и ей слышится тихий, с упреком голос: «Напиши обо мне».

Вот она идет по пустынным, снежным улицам, свистящий ветер рвет ставни... Ей кажется, что весь мир застыл от этого холода. И вдруг в этом обледенелом мире слышны звуки шагов, из-за угла выходит любимый. И сразу солнце заливает весь мир, лед тает, шумит зеленой листвой лес, поют птицы. Но он проходит мимо, даже не заметив ее.

И снова ветер ставни
рвет,
Зима, студеная зима...
И снова снег, и снова лед
Одел продрогшие дома.

Жизнь, полная поисков идеала, стремления к красоте, мучений и восторгов любви, не может быть прожита даром.

Чувство боли, чувство
счастья
Не сгорит в душе дотла.
Наступающая осень
Обаяньем прошлых весен
Благодатна и светла.

Так поэтесса приходит к утверждению жизни, со всеми ее радостями и удачами, ошибками, заблуждениями — всем тем, чем так богата жизнь человека. И если остается чувство грусти по невозвратимой чудесной юности, то это не безнадежная скорбь, а светлое чувство ранней осени, украшенной плодами, с ее здоровым холодком.

Таков путь лирической героини поэтессы.

Благодаря труду коллектива переводчиков: А. Ахматовой, М. Петровых, В. Звягинцевой, Е. Николаевской — большинство переводов сохраняет не только глубину поэтической мысли, но и особенности мастерства поэтессы.

Г. ИЛЬЧЕНКО

Маро Маркарян. Раздумье. Перевод с армянского. Армянское государственное издательство. Ереван. 1956. 143 стр.

Песни Кабарды

По-новому раскрытые образы, новые, незнакомые мне, северянину, картины южного пейзажа и в то же время что-то очень близкое и волнующее заставило меня, карельского прозаика, взяться за книгу кабардинского поэта Алима Кешокова «В новом доме». Наши народы живут на противоположных концах страны, и, казалось бы, мало сходного между карельскими оленеводами и кабардинскими пастухами, но, оказывается, народы слагают во многом сходные легенды и песни. У карельского оленевода или охотника, блуждающего в непроходимых лесах, есть своя звезда, и если он нашел ее, то она приведет его к счастью. Кабардинский поэт Алим Кешоков открывает свой сборник строками:

Я помню — несмышленым
детям,
Нам, пели песню иногда,
Что каждому на белом
свете
Загадана своя звезда.

Когда настоящий поэт знает и любит свой край, свой народ, его песни открывают для читателя другой нации новый мир и в то же время пробуждают у него мысли о судьбе своего народа. Дело не в географическом расстоянии между народами, не в различии труда и образа жизни, дело даже не в том, что слово «звезда» звучит совершенно по-разному у карелов и у кабардинцев, — народы сближает общее стремление к счастью, общий путь, пройденный под руководством Коммунистической партии:

Куда б меня ни заносило,
В какие б земли и края,
Не угасая, мне светила
Звезда Кремля, звезда
моя.

Если нас спросят, что за книга Алима Кешокова «В новом доме», мы вспомним прежде всего, что это книга, в которой опубликована поэма «Тиссовое дерево». В этой поэме в волнующих поэтических картинах встает история кабардинского народа, его прошлое и настоящее.

О больших, смелых мечтах поэта, о подвигах ради своего народа говорят многие стихи:

О, если б мне чудесный
конь достался,
Не стал бы я на нем
сидеть в седле:
Вскочил бы на хребет его,
помчался
И Млечный Путь провел
бы по земле.

Не ровно текут горные реки Кабарды, не всюду у них одинаковая глубина, и не всегда ровны песни поэта. В книге встречаются строки, на которых останавливаешься с досадой. Но по отдельным неудачным строкам нельзя судить о книге. Сборник Алима Кешокова, несомненно, является заметным явлением в советской многонациональной поэзии.

Антти ТИМОНЕН

Алим Кешоков. В новом доме. Стихи и поэма. Перевод с кабардинского. Изд-во «Советский писатель». Москва. 1955. 132 стр.

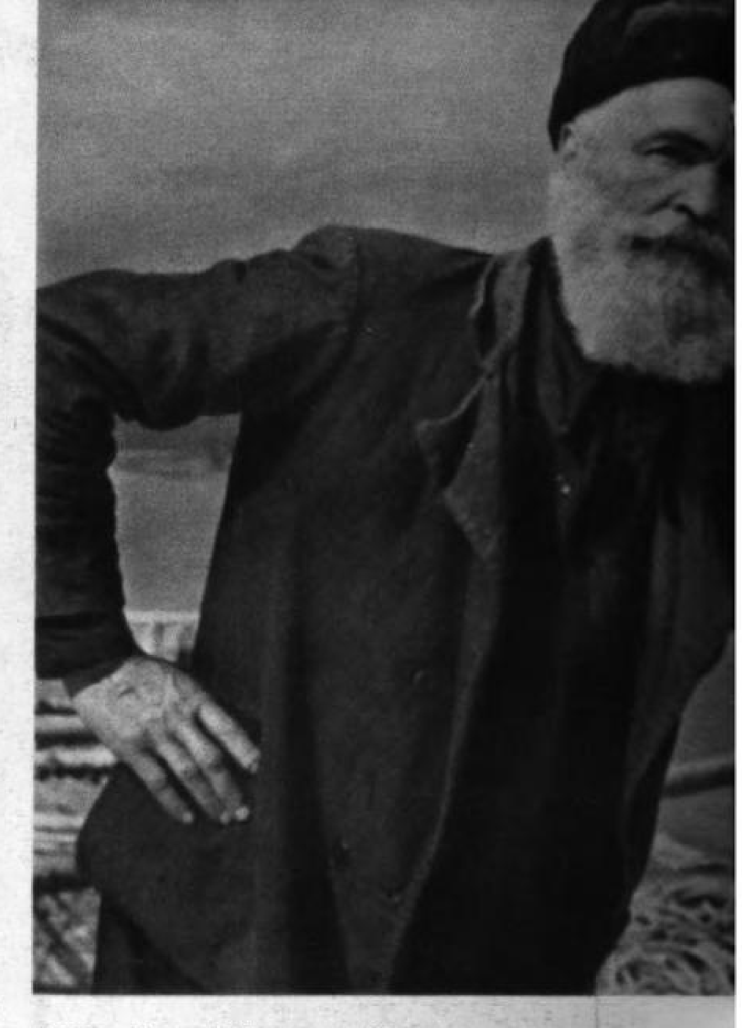
Copyrighted material

Лес—наше богатство

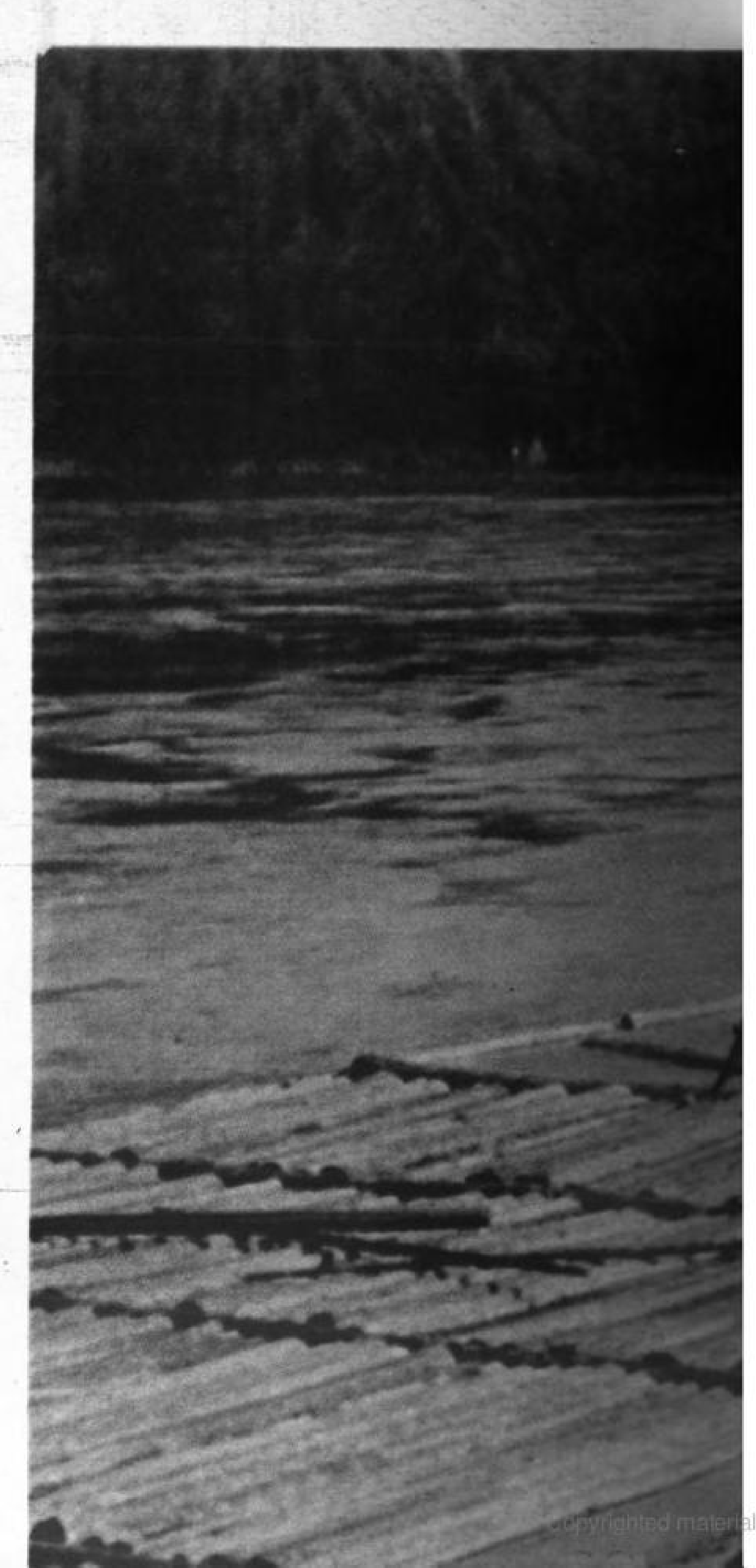
Фото А. Скурихина.

Лесоруб-электропильщик Леонид Иванович Мельков.

Copyrighted material



Лоцман Василий Яковлевич Шавкунов.

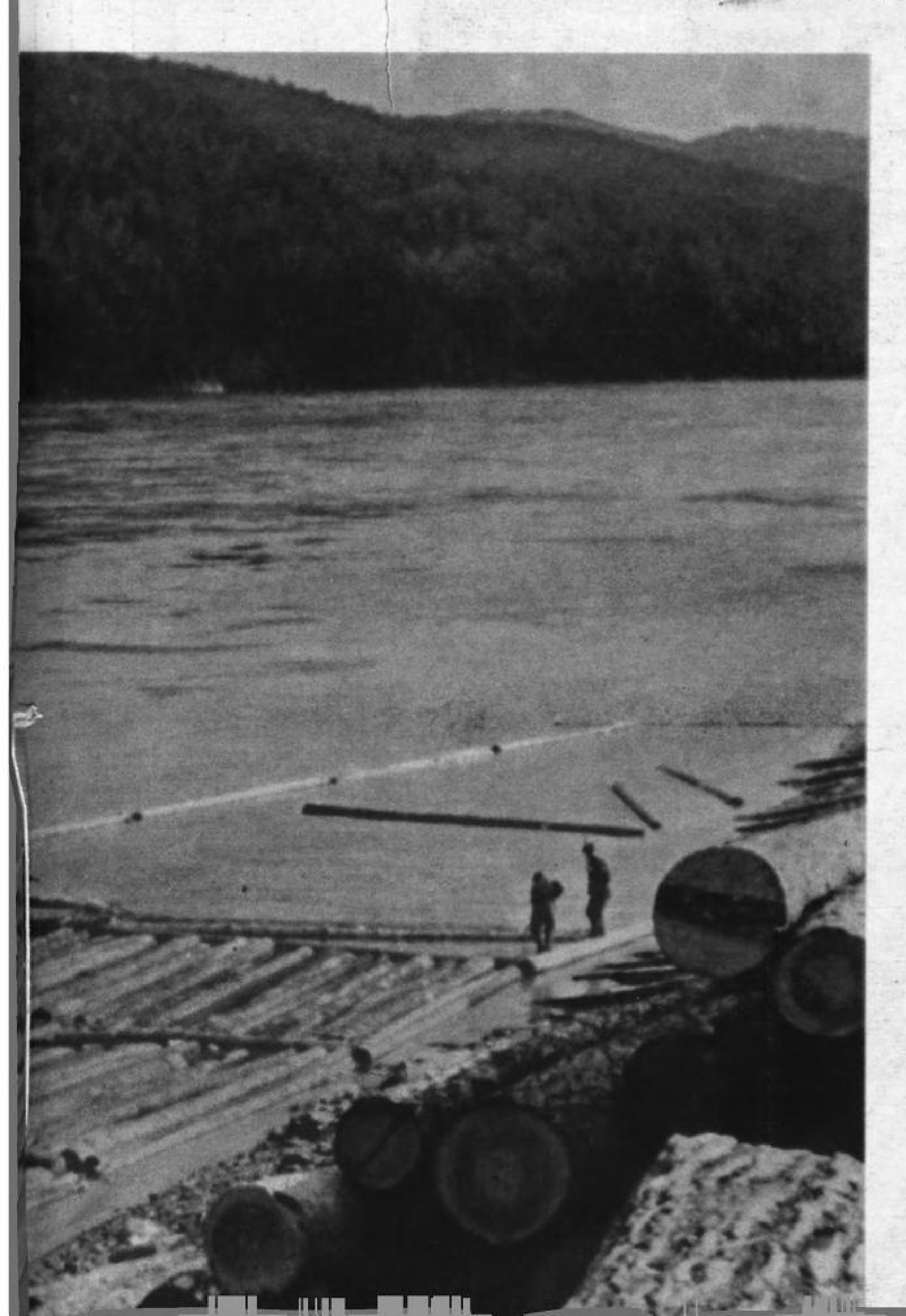


Мощный трактор «С-80» вывозит спиленные столетние сосны.

Лес из горной тайги у поселка Шумиха, недалеко от Красноярска.

Copyrighted material

Молодые сплавщики Александр Сурков, Евгений Овечкин и Леонид Егошин работают на сплотке звеньев плота.



Лес, лес, все лес!

Мы окружены лесами. Весь север наш до берегов Белого моря и до сибирских гор — все сплошные леса. Едем ли мы поездом, плывем ли пароходом, летим ли на самолете,— они всюду сопутствуют нам. Вот новая дорога врезалась в неизведанный, еще необжитой край. Поезд бежит среди девственных, нетронутых лесов. И вы любуетесь их красотою. Как смело взбежали березы и ели на крутую гору, полонили ее, окружили со всех сторон, а дальше уж чувствуется долина, распадок, и там, должно быть, качаются кедры и дышат смолистым неукротимым ароматом молодые лиственницы! Там, наверное, и сосна пробилась и пихта есть. Где это? В Сибири! На Енисее, на Ангаре, на Оби.

Но лес и там, где бежит Ветлуга и Вятка, он на Вытегре, за Вологдой, и там, где плещет Ладога и бежит Свирь. А дальше пойдешь — и за Молотовом, и за Соликамском, и под Чердынью, и под Петрозаводском — все леса и леса шумят прибоем.

Лес — наше богатство. Зеленое золото. Наша страна в стройке лесов.

Дом, в котором мы живем, стол, за которым мы сидим, бумага, на которой мы пишем, даже порою ткань, которую мы носим, дает нам лес.

Лес долго растет, медленно спеет. Но коли окрепло дерево, недолго ему и стоять — валится! Вот тогда, когда выспело дерево, и бери его на то, на что оно нужно. Их много у нас, спелых лесов, и на севере и на востоке. Поселки встали в этих лесах. И какой крепкий, здоровый народ живет в них!

Мы видим, как спелое дерево берется из леса. Вот у дерева стоит лесоруб Леонид Иванович Мельков, что уже 29 лет работает в Котельничском леспромхозе Кировской области. Мастерски электропилою и без подсечки топором повалит он сейчас дерево наземь, а потом... Потом его просто и надежно возьмет из леса мощный трактор. Это на вывозке дерева работает могучая машина «С-80». Поглядите, как свободно и просто тащит она за собою "пачку" деревьев! Это ли не возок! Прежде, во времена старые, тут потребовался бы не один конь и не один человек при дереве! На «верхний склад» теперь пойдет дерево, где его разделают как подобает: расчленят на «стандарты»,— а потом уже и сплотка. Там, где нет железных дорог,— там поднимут лес реки. Поглядите на снимки. Вот так его и сплачивают в огромные плоты на могучих реках, как на верхнем снимке, что сделан на рейде Дубовое, на Вятке-реке.

А на Вятке, на рейде Дубовое, сплотили его умелые, молодые, сильные сплотчики Александр Сурков, Евгений Овечкин да Леонид Егошин. А принял сплот и в путь караваном повел старый лоцман Василий Яковлевич Шавкунов, что уже не одно десятилетие водит лесные караваны водою. Вот он стоит на плоту и смотрит вдаль по реке: не плывут ли там впереди еще плоты, свободна ли дорога? А они плывут, плывут и там! То Вятка-река, то все вятский лес плывет.

Лес, лес, все он! Но старый-то лоцман знает и полную цену лесу. Своим молодым помощникам и в караване и на рейде он говорит:

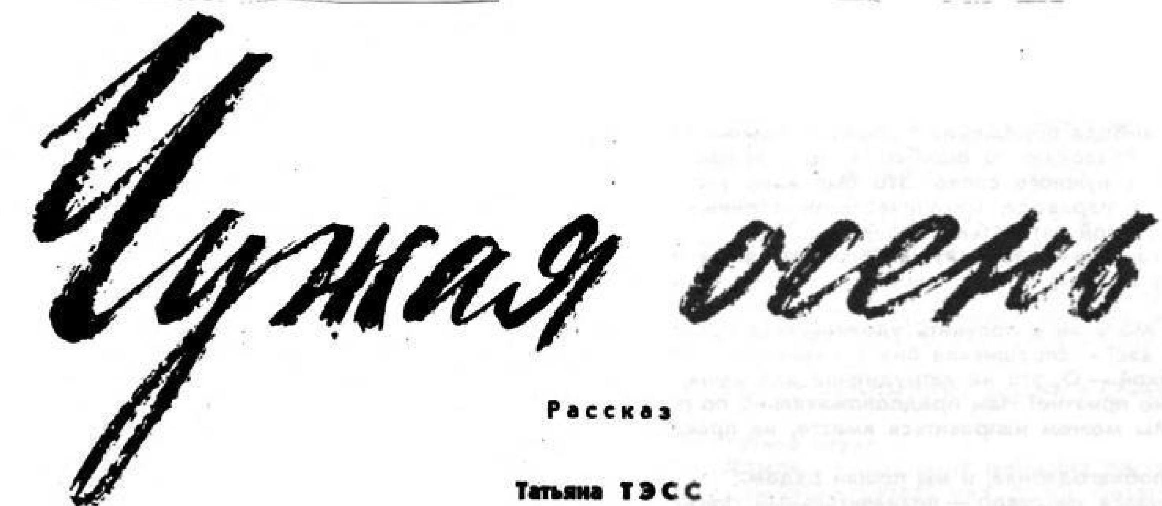
— Думайте, ребята, не только о рубке, но и о возобновлении лесов.

В. СЕРГЕЕВ

Copyrighted material

Сплав леса на Вятке.

Copyrighted material



Рассказ

Татьяна ТЭСС

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА.

Этот большой загородный отель, стоящий на берегу залива, засыпал рано. Когда я возвращалась после театра, в коридорах отеля стояла тишина. Бесшумно ступая по толстому ковру, я шагала мимо холодно поблескивающих дверей. Почти перед каждой дверью на полу, носами в коридор, стояли туфли, словно они решили пойти погулять, пользуясь сном своего владельца. Рядом с туфлями на полу возвышались цветы, вынесенные на ночь из номера. Сонный и теплый аромат вянущих роз смешивался с запахом натертых полов, хорошего мыла, туалетной воды — чинными запахами чистоты.

Отель спал.

Лишь иногда вместе со мною в лифте поднималась старая американка в вечернем платье, с обнаженными желтыми плечами, на которые была накинута меховая пелерина. В подкрашенных мочках ушей сверкали бриллианты пугающей величины. Вместе с нею входил высокий негнущийся человек с седыми волосами и кирпично-румяным лицом. Молча, не произнося ни одного слова, они стояли рядом со мною в лифте, наполнив его теплом нагретого меха, запахом духов и сигарет. Я выходила на третьем этаже, а они возносились куда-то вверх, оба молчаливые, сверкающие и неподвижные, точно монументы.

Я просыпалась ранним утром: в чужой стране мне не спалось. В коридорах попрежнему стояла тишина. Но паркет был уже натерт, а начищенные до зеркального блеска туфли стояли носами к дверям. Немолодая горничная в потрескивающем крахмальном переднике желала мне доброго утра и уплывала по коридору дальше.

Как бы рано ни приходила я завтракать, в кафе отеля уже были заняты два столика.

За одним из них восседали чопорная няня в чепце с лентами и двое близнецов: белокурые девочки в клетчатых платьицах. За другим столиком завтракала худенькая женщина с короткой стрижкой, одетая в строгий серый костюм и найлоновую блузку — туалет деловых женщин. Я никак не могла определить ее возраст. Большей частью она выглядела молодо. Иногда же в ее лице как бы что-то смещалось, возле глаз проступала желтизна, углы губ утомленно опускались... Но пока я вглядывалась в это постаревшее и подурневшее лицо, в нем снова происходила неуловимая перемена, и передо мною опять сидела моложавая, хорошо одетая дама, перелистывающая утренний выпуск газеты с деловитостью биржевика.

Обычно она выпивала чашку кофе, съедала два поджаренных ломтика хлеба с джемом и спускалась вниз, чтобы ехать в Стокгольм.

Так было и на этот раз.

Когда я вошла, она уже кончала свой завтрак.

Клетчатые одинаковые девочки повернули ко мне головы с белокурыми косичками и сказали в унисон:

— Гуд мо-нин...

Мы уже успели познакомиться и даже гуляли однажды вдоль берега залива, и я уже знала, что девочек зовут Пэгги и Лиззи, они приехали из Англии вместе с няней-датчанкой.

Поздоровавшись с ними, я села за столик. Дама в сером костюме допила кофе, провела по губам палочкой помады и вышла из кафе.

Вскоре ушла и я.

За оградами дремали виллы, ветер тихонько овевал края опущенных штор. У калиток чинно, как часовые, стояли оставленные молочником бутылки молока. По пустынному шоссе проехала на велосипеде молодая женщина в жакете с капюшоном; впереди нее, на креслице, прикрепленном к велосипедной раме, сидел сердитый маленький мальчик.

Пэгги и Лиззи, обе крайне деловитые и озабоченные, прошли вглубь аллеи, держа в руках мячи; за ними, тяжело ставя ревматические ноги, торопилась няня с развевающимися лентами на чепце.

От залива шел осенний, тусклый блеск. Впереди толпились клены, пылающие, точно факелы. Осень шагала по земле Швеции, одетая так же пышно и хрупко, как в лесах Подмосковья. Но каменистые шхеры, валуны среди кустарника, запах незнакомых трав, тяжелый всплеск лебедя в озерных камышах — все было непривычным.

Подъехал автобус. И вот уже остались позади берег залива, вереск на песке, клетчатые близнецы, шагающие по аллее, прилежно размахивая мячами...

Автобус мчался по улицам города в грозно шелестящем потоке машин, в котором, как стрекозы на реке, отважно вились велосипеды.

Мы пролетали мимо площадей, где вздымали бронзовых коней давно усопшие короли, мимо набережных с сиротливо покачивающимися голыми яхтами, мимо универмагов с плывущими в глубине эскалаторами, на которых чинно и безмолвно стояли покупатели...

И вдруг улицы как бы распахивались, открывая бульвар. Там было пустынно и тихо. На скамейках отдыхали пожилые господа; белки с идиллической доверчивостью прыгали к ним на плечи, выпрашивая орешек. Кленовый лист задумчиво слетал с ветви, но тут же сторож, солидный и важный человек с лицом банкира, устремлялся к нему, размахивая метлой. И снова на гравии дорожек сияла беспощадная чистота.

Не успевала я разглядеть все это, как автобус мчался дальше, пока, взвизгнув тормозами, не замирал у светофора.

Теперь из окна было видно, как пешеходы перебегают дорогу. Рядом с кокетливой дамой, державшей на поводке дрожащую голую собачку, плыла полная монахиня с проворными глазами, в темном одеянии и огромном белоснежном головном уборе.

Но светофор вспыхивал зеленым светом — и все оставалось позади. И снова мелькали улицы, набережные, здания банков, дворцы с их нежилой тишиной и ласточками, вьющимися над шпилем... Я выскочила из автобуса и свернула в переулок, решив отправиться дальше пешком.

Значительно позже, чем следовало, мне стало ясно, что я заблудилась.

Третий раз подряд я попадала на одну и ту же площадь, к витрине, где томились три манекена, кутая в трикотаж пластмассовые плечи и вперяя в прохожих отрешенные глаза.

Казалось, давным-давно я должна была выйти на набережную, попасть к королевскому замку, где в этот час обычно происходит смена караула и солдаты в белых касках и белых гетрах маршируют по дворцовым камням, как маршировали и триста лет назад. Но снова и снова я блуждала среди незнакомых домов и, как заколдованная, выходила к витрине с тремя манекенами.

— Что за чепуха! — сердито сказала я вслух.

Женщина, разглядывающая витрину, обернулась.

Я увидела серый костюм, тонкую шею, охваченную воротничком блузки, щеки, тронутые пылающими коричневатыми румянами... Это была моя утренняя соседка в кафе.

— Могу ли я помочь вам? — сказала она по-английски ту учтивую, ни к чему не обязывающую фразу, которую говорят в этой стране приезжим многие, от полицейских до благовоспитанных школьников.

— О! — смущенно вздохнула я. — Не скажете ли, как пройти к замку?

Женщина молча смотрела внимательными блестящими глазами. Она даже наклонила голову набок, как птица.

— Вы русская? — неожиданно спросила она и покраснела. — Ну конечно же, русская! —

Copyrighted material

сказала она, не дожидаясь ответа.— Как я сразу не догадалась! В отеле мне давно сказали, что приехала дама из России. А я не сообразила, что вы и есть эта русская дама... О мой бог!

Она продолжала смотреть на меня, приветливо улыбаясь. Ее костюм, манеры, отличный английский язык — все говорило о том, что передо мною хорошо воспитанная женщина, много ездившая по свету, умеющая быть любезной... Вблизи она показалась мне даже более молодой, чем тогда, когда я видела ее в отеле, но попрежнему я не могла бы точно определить ее возраст.

— Какая неожиданность! — вдруг сказала она по-русски и даже засмеялась от удовольствия. Очевидно, ей было приятно произносить русские слова.— О, какая приятная неожиданность! Могла ли я думать, что буду иметь сегодня такую милую встречу?

Глаза ее блестели. Маленькой рукой в перчатке она придерживала замшевую сумку, похожую на бочоночек. Шея у нее была слабая и тонкая, но руки казались крепкими, жестикуляция энергичной. Женщина продолжала говорить, с явной радостью вслушиваясь в звучание русской речи.

Но, милые мои, как удивительна была эта русская речь!

В ней совершенно отсутствовала та спокойная свобода обращения с родным языком, которая позволяет то ошибаться, то заикаться в поисках нужного слова. Это был язык ученического перевода, механически-оживленный, с деревянной четкостью интонаций.

Я так изумилась, слушая его, что даже не сразу поняла, о чем говорит моя собеседница.

— Могу ли я получить удовольствие проводить вас? — спрашивала она с очаровательной улыбкой.— О, это не затруднение для меня, а только приятно! Нам предположительно по пути. Мы можем направиться вместе, не правда ли?

Я поблагодарила, и мы пошли рядом.

Начался разговор — незначительный, легкий разговор случайных попутчиков. Я рассказала, что приехала в Швецию три недели назад, побывала и в Мальмё, и в Гётеборге, и в провинции Вермланд; спутница спросила, понравилась ли мне здешняя природа, и я ответила, что пейзажи Швеции прекрасны. От спутницы моей я узнала, что она русская, дочь инженера-металлурга. Из России она уехала в шестнадцатом году, во время первой мировой войны. У нее начался процесс в легких — родители увезли ее на курорт за границу...

Продолжая разговаривать, мы благополучно миновали площадь с тремя манекенами и вышли к мосту. Теперь я уже знала дорогу: здесь я бывала не раз. Но моя новая знакомая попрежнему шла рядом, оживленно разговаривая.

— Разве мы знали, что за горе будет встречать нас за границей? — говорила она, качая своей кудрявой головкой.— Бедный отец скончался. Разрыв от сердца, как это называют... Я думала, мать навсегда потеряет рассудок... Отец оставил небольшие сбережения в банке — Лионский кредит, вы, конечно, знаете... Мы много путешествовали по Европе. Там спустя годы я встретила своего будущего мужа...

Она замолчала. Ее глаза сощурились, и я отчетливо увидела в их углах веера морщинок. Но тут же она снова широко раскрыла глаза, и морщинки исчезли.

— О, я разговорилась, как школьная девчонка! — сказала она и засмеялась.— Быть может, вам вовсе не интересно это слушать? Но мне так приятно иметь беседу с человеком из России...— Она искоса, уголком глаза взглянула на меня.— Если вы не очень торопитесь...— проговорила она нерешительно,— мы могли бы немножко посидеть в кафе. И поболтать. Тут небольшое кафе за углом, в нем довольно уютно... У вас есть несколько свободных минут?

В кафе, куда мы вошли, было почти пусто.

Подозвав официантку, моя спутница начала заказывать завтрак. Делала это она серьезно, обстоятельно, и склонившаяся к ней официантка — строгая блондинка с фарфоровым лицом — тоже была исполнена серьезности. Пока я блуждала по улицам, очевидно, наступил час второго завтрака, а я уже знала, что здесь этот час соблюдают свято.

— Вы не возражаете против креветок? — озабоченно спросила моя спутница.— Их не все любят, я знаю... А как вы относитесь к паштету из дичи?

Я заверила ее, что готова есть все что угодно.

Наконец официантка ушла с заказом, и моя спутница, легко вздохнув, принялась стягивать перчатки со своих маленьких рук. И по тому, как привычно разложила она свою сумку и перчатки, как удобно уселась, облокотившись, как обвела взглядом постепенно заполняющийся зал, было ясно, что в любом кафе она чувствует себя дома.

— Мне приходится много разъезжать,— сказала она, словно угадав мои мысли.— В каждом городе новые отели, кафе, рестораны... А я привыкаю к месту, как кошка. Но что поделаешь? Работа! — Улыбнувшись, она пожала плечами.

— Вы давно в Швеции? — спросила я.

— После свадьбы я переехала к родителям мужа. Они жили в Эскильстуне, вы знаете этот город, конечно. Ну вот, с той поры я тут...— Она вздохнула.— В нашей семье женщины рано вдовеют, печальная примета, не правда ли? Муж умер, я одна воспитала дочь. Сейчас моя Соня учится в колледже.— Женщина улыбнулась, на ее щеках заиграли ямочки.— Вы б ее видели! — сказала она.— Хороша, точно фея! В свои шестнадцать лет командует взрослыми мужчинами, как хочет. Поклонников у нее — уйма! Мной она тоже командует, должна сознаться... Но что поделать! — Она развела руками.

В кафе слышался негромкий, учтивый говорок,— все столики уже были заняты. Креветки аппетитно розовели под листками молодого салата. Моя спутница жалобно посмотрела на них.

— В моем возрасте опасно полнеть...— сказала она, сделав огорченную гримаску.— А я так люблю креветки!..

На улице стало людно, мимо окон непрерывным потоком шли прохожие. Торопились на завтрак служащие, бежали куда-то школьницы, улыбаясь детскими, пухлыми губами, повзрослому умело обведенными сиреневой помадой... Моя спутница задумчиво положила себе на тарелку немножко паштета.

— А где вы работаете? — спросила я.

— Я служу в конторе господина Якобссона. Фирма Олаф Якобссон,— вы, наверное, слыхали? Лучшие трикотажные фабрики! — В голосе моей собеседницы прозвучала почтительная гордость.— На предприятиях фирмы Якобссон вы можете приобрести все, что хотите,— от найлоновых чулок до платья из трикотина,— произнесла она профессиональной, отчетливой скороговоркой.— Что может быть

Copyrighted material

элегантней, чем трикотажное шерстяное платье? — Тут моя собеседница молитвенно подняла к небу глаза.

Передо мной вдруг всплыла витрина и три надоевшие мне девицы, с неживой элегантностью обряженные в платья из трикотажа. На ярлычках был отпечатан вместо марки пингвин и стоял росчерк: «Якобссон». Так вот откуда я знаю эту фирму!

— Модели фирмы Якобссон отправляют даже в Париж, да, да! — серьезно сказала моя новая знакомая и прибавила вполголоса, тоном заговорщицы: — Трикотаж — это сейчас большая мода! Мне приходится много ездить по делам фирмы: господин Якобссон поручает мне представительство...— продолжала она.— Главным образом я посещаю скандинавские страны. Но в этом году я была и во Франции! Господин Якобссон меня очень ценит. Он доверяет мне очень, очень серьезные деловые поручения! — с достоинством и значительно произнесла она.— Господин Якобссон вполне уверен в моей преданности интересам фирмы.

Она умолкла и поправила свои каштановые локоны. Щеки ее порозовели. Говорила она быстро, почти не останавливаясь, задавала вопросы и тут же сама себя перебивала, а когда обращалась ко мне, я видела, как возбужденно блестят ее глаза. Худенькая ее фигурка казалась хрупкой, все вещи на ней были хорошие, подобранные со вкусом, вероятно, привезенные из Парижа...

«Что-то в ней есть жалкое все-таки...» — вдруг подумала я.

— Так приятно вспомнить свое детство, не правда ли? — щебетала моя новая знакомая, подняв круглые бровки.— Я хорошо помню Петербург, мы часто бывали там с мамой. Но постоянно мы жили в Москве, отец работал на заводе Гужона. А перед войной отца пригласил на свой завод Юз, и мы всей семьей переселились туда. Вы бывали там?

— Как вам сказать...— ответила я не совсем уверенно.

Спутница моя вспоминала совсем другую Россию, которой я не помнила и не знала.

— Как бежит время! — вздохнула женщина.— Вот уже моей Соне шестнадцать...

— А что собирается делать ваша дочь после окончания колледжа? — спросила я.

— О, господин Якобссон обещает, что со временем примет Соню в свою контору. Это будет превосходно! Соня очень нравится господину Якобссону. Он говорит, что из нее выйдет настоящая femme chic[1]. Это мило с его стороны, не правда ли? — сказала она, щуря глаза, словно отгоняя от себя какое-то видение.

И мне вдруг в первый раз показалось, что в голосе ее прозвучала скрытая тревога.

Я внимательно посмотрела на нее. Но женщина, полуотвернувшись, глядела в окно.

Вдали виднелся каменный Орфей; окруженный завесой фонтанов, он поднимал свои руки к солнцу. Мимо окон кафе, обнявшись и не глядя на прохожих, прошли влюбленные — девушка в узких брюках, с волосами прямыми и длинными, как у пажа; широкоплечий юноша в клетчатом свитере... Тревожно шурша и тесня друг друга, по неширокой улице двигался бесконечный поток машин. Было непонятно, куда стремятся все эти машины, куда торопятся сидящие за рулем элегантные дамы в шляпках и перчатках того же цвета, что и крылья автомобиля, в мехах, с плюшевыми тиграми, развалившимися на заднем сиденье... Вдруг стало душно, захотелось пить, от мелькания машин разболелась голова.

Моя спутница продолжала задумчиво смотреть в окно.

Встрепенувшись, она вынула из сумочки пудреницу и провела по лицу большой розовой пуховкой, словно смыла с лица задумчивость. Большие ее глаза с торчащими ресницами были широко раскрыты, это придавало лицу немного кукольное, наивное выражение. «Видно, немало ты, милая, потрудилась, пока выучилась так смотреть! — подумала я не без досады.— Каждое движение продумано, ничего не скажешь...»

Я поискала глазами фарфоровую официантку. Моя соседка, наклонив голову набок, бросила на меня быстрый взгляд.

— Мне бы так хотелось, чтобы вы посетили мой дом! — сказала она.— Это всего несколько часов езды отсюда. Маленький модный текстильный городок,— вы, быть может, знаете... Я хотела бы, чтобы вы вкусили у нас обед. Например, в субботу. И познакомились с моей Соней. Так приятно иметь встречу с человеком из России...

— Видите ли, сегодня вечером я уезжаю... Так что, к сожалению, не успею побывать у вас.

— Уезжаете? О, как жаль! — Женщина покачала своей кудрявой головкой.— Вы едете путешествовать дальше? Вероятно, в Норвегию и Данию?

— Нет... Я возвращаюсь домой, в Советский Союз.

Наступила пауза.

— Домой...— повторила женщина растерянно.— Домой! — сказала она почти беззвучно, одними губами.— Да, конечно, я понимаю... Когда же вы будете в Москве?

— Дня через три, вероятно...

— Дня через три! — повторила она, как эхо.— Через три дня вы будете в Москве!..

Она хотела еще что-то сказать, но лишь перевела дыхание. Расплатившись, я встала.

— Прощайте! — сказала я, протягивая ей руку.— Желаю вам счастья.

Женщина молчала, не поднимая головы.

— Прошу вас,— наконец проговорила она тихо.— Посидите еще немного! Ну, хотя бы несколько минут...

Достав из сумки сигарету, она закурила.

— Кофе! — коротко сказала она официантке.— Только покрепче, пожалуйста.— Она подняла на меня глаза.— Ну, останьтесь еще немного...— проговорила она почти умоляюще, и я снова села за столик.

Теперь мы обе молчали. Принесли кофе, и мы пили его, не произнося ни слова. Спутница моя смотрела перед собою, сощурив глаза и о чем-то сосредоточенно думая. Я не мешала ей.

— Простите меня,— наконец сказала она.— Все это может показаться вам странным... И мне не так легко объяснить вам. Ведь я первый раз сижу вот так, запросто, с человеком, приехавшим оттуда...

Она хотела что-то добавить, но только махнула рукой.

— Конечно, это смешно — рассказывать свою жизнь при случайной встрече...— сказала она устало.— Откровенность за чашкой кофе недорого стоит. Я это понимаю. За столько лет я отлично выучилась говорить не более, чем положено в соответствующих обстоятельствах. И, может быть, именно поэтому...

Кафе постепенно пустело. Завитые девицы, бесшумно ступая на высоких каблуках, убирали посуду.

Женщина закурила вторую сигарету. Движения ее стали резкими, жесткими...

— Мой отец был очень хорошим человеком,— сказала она отрывисто, как бы выдохнув эти слова вместе с табачным дымом.— И он был настоящий русский, он любил свою страну. А мать в доме называли «птичкой»,— я помню это с детства... Она так и пропорхала всю свою жизнь, до седых волос. Она никого не любила, кроме себя, хотя и утверждала, что любит меня до безумия. Но если бы она меня любила, разве так построила бы она мою жизнь? После смерти отца надо было немедленно вернуться в Россию, домой. Я была девчонкой, что я могла решать? А мы ездили вместо этого в Ниццу, в Монте-Карло, в Париж. Каждую неделю другие отели, другие счета от портных... Мать опомнилась только тогда, когда все деньги, оставшиеся после отца, были прожиты.

Женщина помолчала.

— Надо было устроить мою судьбу,— сказала она, пожав плечами.— Я вышла бы замуж за любого, только б уйти из дома. Мой муж оказался хорошим, честным человеком, ничего дурного не могу о нем сказать. Но не дай вам бог узнать когда-нибудь, что такое одиночество, когда живешь с человеком вдвоем...

Она отвернулась.

Передо мной сидела совсем не та женщина, которую я видела и как будто узнала раньше: это говорил какой-то незнакомый мне, печальный, растерянный человек с голосом моей прежней собеседницы. А ведь еще совсем недавно мне казалось, что эту женщину я вижу до дна души, и душа-то невелика, с ее американизированной деловитостью и равнодушным холодком...

— Вот так мы и жили,— сказала она отрывисто, продолжая глядеть в окно.— После смерти мужа я заменила в доме мужчину: надо было зарабатывать на жизнь, помогать матери, растить дочь... К счастью, от отца я унаследовала умение трудиться.— Она невесело усмехнулась.— Но не думаю, чтобы он желал мне такой судьбы...

Она закурила новую сигарету и села в кресле удобней, заложив ногу за ногу.

— Как бы вам объяснить...— проговорила она. Чуть сощуренные блестящие глаза глядели прямо на меня, но мне почему-то показалось, что женщина меня не видит.

В кафе вошла худая высокая дама, чинно уселась за столик и заказала кофе. Мимо окон, заложив руки за спину, прогулочной походкой прошел полицейский. Седой представительный господин с белым платочком в кармашке покупал в уличном киоске газеты, учтиво не глядя на лежащие рядом яркие обложки с изображением обнаженных красоток.

Моя собеседница ничего не замечала.

— Как бы вам объяснить...— повторила она, попрежнему смотря на меня.— До господина Якобссона я работала на предприятии, где он был компаньоном. Потом он открыл собственное дело. Но, в общем, это было одно и то же. Все мои сослуживицы казались мне похожими друг на друга — хорошо причесанные, хорошо одетые, деловые женщины, для которых умение учтиво улыбаться было так же обязательно, как и железная преданность интересам фирмы. Однако очень скоро я стала такой же, как они. Из меня быстро вытряхнули все, что отличало меня от других. О, это делается очень просто! Господин Якобссон хорошо платит своим служащим, но не любит платить зря: ему нужны хорошие служащие. Если я в чем-нибудь допущу маленькую ошибку, он может сделать вот так...

Женщина согнула коленку, обтянутую дымчатым чулком, и, показывая, как именно господин Якобссон поступит с неугодным ему работником, сделала коленкой то непереводимое движение, которое, тем не менее, толкуется на всех языках мира совершенно одинаково.

Тряхнув локонами, она засмеялась быстрым невеселым смехом.

[1] Шикарная женщина.

Copyrighted material

— Я все время тороплюсь, все время стремлюсь чего-то добиться...— сказала она с горестным изумлением.— Но чего добиться? Я не должна отставать от других, от людей моего круга. И я делаю это ради дочери. Из одной квартиры я стремлюсь переехать в другую, в лучшем районе. Купив обстановку, я через некоторое время должна сменить ее на другую, более современную. Выходят из моды платья, выходит из моды мебель, на все это нужны деньги и деньги, надо торопиться, нельзя отстать от других. И так все время, как на перекладных... И этот страх перед будущим... Если бы вы знали, как я устала! Бог мой, я не стыжусь вам в этом сознаться!..

Она помолчала.

— Я живу в стране, которая не воевала около ста пятидесяти лет,— проговорила она тихо.— Это было и тогда, когда моя родная страна переживала одну из самых страшных войн, какие знал мир. Что из того, что я не спала по ночам, думая об осиротевших детях? На чашках весов это ничего не весит...

Женщина испытующе поглядела на меня.

— Вы молчите, и я понимаю вас,— сказала она.— Что вы можете сказать мне? Упрекать? Советовать? Через десять минут мы с вами простимся и, вероятно, никогда больше не увидим друг друга. Но я хочу вам сейчас сказать о том, что меня особенно мучит...— Она покачала головой.— У меня было одно оправдание своей жизни: я делала все для счастья дочери. Я трудилась, чтобы у нее были платья, комфорт, деньги... А сейчас мне иногда кажется, что ей, кроме этого, ничего в жизни не нужно,— сказала она шепотом.— И меня охватывает страх. Пустое, бездумное довольство разъело ей душу, как ржавчина. Я кажусь моей дочери старомодной, сентиментальной. Мои поучения ее смешат. Она не знает своей родины, не любит родного языка. Бог мой, я мечтала о ее счастье и упустила ее душу! — сказала она с отчаянием.— Когда я думаю об этом, я боюсь сойти с ума...

Она глубоко вдохнула воздух.

— А ведь мне надо было сделать только один шаг — и все могло быть иным...— произнесла она почти беззвучно.— Почему же у меня не хватило для этого решимости и воли? Да и нужна ли я сейчас своей стране, я, которая не была с нею в тяжкие годы, не страдала вместе с ней, не трудилась для нее?..

— Послушайте...— начала я, но она не дала мне докончить.

— Не надо,— почти резко сказала она.— Не надо, прошу вас!

Она посидела несколько минут молча, продолжая смотреть перед собой. Потом медленно поднялась с места.

За нею встала и я.

На улице было тепло и влажно. С бульвара повеяло запахом палых листьев — царственным и печальным запахом осени.

— Прощайте...— сказала женщина глухо, протягивая мне руку.— Счастливого вам пути.

— До свидания! — мягко ответила я.— Может быть, мы с вами еще встретим друг друга...

Женщина молча долго смотрела на меня. Потом крепко пожала мне руку и медленно пошла по улице.

Я глядела ей вслед.

Было видно, как она пересекла площадь. Плечи ее опустились, походка стала тяжелой. Это шел пожилой человек; только сейчас было понятно, какого труда стоит этой женщине моложавая, упрямая осанка. И даже элегантный костюм, дорогая сумка, розовый жемчуг на тонкой шее — все это показалось мне сейчас на ней чужим, нарочитым, за всем этим я видела существо слабое, одинокое, неприкаянное.

У светофора ее окликнули.

Высокая красивая дама, приложив рупором ко рту розовые ладони, проворковала: «Тиу-тиу»,— подражая сигналу автомобиля. Моя собеседница обернулась на этот звук. Ее знакомая стояла, беззаботно улыбаясь, и махала ей рукой.

И тотчас же женщина, сделав усилие, распрямила плечи, разогнула спину — вся подобралась, словно в ней развернулась какая-то пружинка. Помахав в ответ рукой, она улыбнулась безжизненной улыбкой и пошла своей обычной, быстрой, упругой походкой через площадь.

Через минуту я потеряла ее в толпе.

Новый тип комбайна

— Машина прошла тысячу километров и тысячу препятствий.

— Что еще массовая уборка покажет...

— Проверим... Нынешним летом десять «СК-3» будут убирать хлеб в различных районах СССР...

Разговор происходил в конце апреля на площадке возле массивного заводского корпуса в Таганроге. Здесь помещается ГСКБ — Государственное специальное конструкторское бюро по самоходным зерновым комбайнам. Только что вернулась после полевых испытаний машина новейшей конструкции — «СК-3», заводской номер 0001. Ее окатили из шланга, смывая пыль, застрявшую солому. Капли воды блестели на выступах универсального мотовила. Работники конструкторского бюро придирчиво осматривали детали и узлы.

— Что существенно нового в конструкции «СК-3»?

— Обратите внимание на общую конструктивную компоновку,— говорил нам главный конструктор Х. И. Изаксон.— Несущий корпус расположен на симметричном шасси. Это значит, что на базе основной модели мы можем создавать различные варианты: комбайн на гусеничном ходу, прицепной моторный или безмоторный, с фронтальной жаткой и другие. Вы, наверное, уже слышали о принципе самоходного шасси. Мы работаем над тем, чтобы наилучшим образом использовать в конструкции этот передовой технический принцип. На шасси, которое станет самостоятельной частью «СК-3», будет смонтирована с копнителем и жатка. Кончилась уборка хлеба — можно снять молотилку и жатку, водрузить на их место кукурузоуборочный, или силосоуборочный, или рисоуборочный агрегаты.

Экономически это очень выгодно. Ведь комбайны старых конструкций по десять—одиннадцать месяцев в год простаивали.

— Сколько человек нужно для обслуживания «СК-3»?

— Один человек на машину.

Недавно пришла весть из Таганрога. Все десять новых степных кораблей готовы. Их любовно собрали, окрасили под цвет травы и отправили на завершающие испытания в разные районы Советского Союза.

З. МИХАЙЛОВ

Фото О. Кнорринга.

Мотоцикл «М-1-М»

Читатель журнала «Огонек» тов. Сидоров из села Кузовино, Калининской области, попросил редакцию рассказать о новом мотоцикле Минского мотовелосипедного завода «М-1-М».

Наш корреспондент побывал на этом предприятии.

Машина «М-1-М» уже выдержала заводские испытания. Новая модель имеет приятный внешний вид, машина покрыта краской салатного цвета. Изменена конструкция передней вилки, сделана мягкая подвеска заднего колеса, система электрооборудования переменного тока. Это делает мотоцикл не только надежным в эксплуатации, но позволяет заводить машину даже в том случае, если откажет аккумулятор.

Вес машины не увеличен. Максимальная скорость равна 80 километрам в час. При прежнем объеме цилиндра в 123,7 кубических сантиметра мощность мотора превышает 5 лошадиных сил.

Многих интересует вопрос: когда же мотоциклы «М-1-М» появятся в магазинах? В конце текущего года — так сказали на заводе.

Фото В. Пономарева.

Челябинские часы

В этой небольшой комнате много часов разных форм и размеров — наручные, карманные, настольные... В отделе главного конструктора Челябинского часового завода создаются и испытываются новые модели.

Завод широко использует творчество уральских умельцев: настольные часы одновременно будут и приятным комнатным украшением. По заказу конструкторов каслинский мастер П. С. Аникин сделал скульптурную группу оленей. Новые скульптуры — корпуса для часов — создали каслинские художники А. С. Гилев и А. В. Чиркин. Один из корпусов изображает медведя, прислушивающегося к тиканью часового механизма, другой сделан по мотивам известного сказа Бажова — группа изображает мастера Данилу и Хозяйку Медной горы.

Сейчас разрабатывается модель карманно-настольных дорожных часов в футляре. Их можно носить в кармане, в сумочке. Нажатием кнопки они превращаются в миниатюрные настольные часики. Механизм настольных часов рассчитан на восьмисуточный завод. Но если подведет память, специальный счетчик точно укажет, когда часы были заведены. Изготавливаются настольные часы с механическим календарем, на котором ровно в полночь будут сменяться числа и дни недели.

Скоро завод даст первую

партию наручных часов новой марки «Урал», овальной формы, со светящимися стрелками и часовыми делениями.

В будущем году намечен выпуск более семисот тысяч часов новых марок.

Г. ГОРИН

Фото А. Ходова.

Copyrighted material

ВЫСОКИЕ низы

Александр МИХАЛЕВИЧ

Фото К. Лишко.

Феодосий Евгеньевич Цибулько.

...Сразу за Полтавой, по пути к Харькову, ларек при дороге — приглашают покупать овощи и фрукты. Чья продукция? Каких садов, каких огородов?

Уютным, похожим на беседку ларьком подает весть о себе, по всему видно, крепкий и даже могучий колхоз имени Калинина, Полтавского района, Полтавской области. Но когда он успел стать могучим? Приходилось бывать мне как-то в этом районе на партийной конференции, и я отлично помню, что колхоз имени Калинина тогда, как острили ораторы, «пас задних». А теперь уверенно, весело вышел со своей продукцией на центральную автостраду.

Вот кто расскажет нам об этом превращении — Феодосий Евгеньевич Цибулько, в прошлом председатель Полтавского райисполкома, а сейчас тридцатитысячник, председатель крепко ставшего на ноги колхоза. Кстати, у председателя именно в эти дни своеобразный юбилей — исполнился год его работы в колхозе.

Рассказывает Цибулько, а еще красноречивее — само хозяйство, сами посевы. Их много, не сразу объедешь, свыше пяти тысяч гектаров земли в колхозе. Время летнее, а в такую пору земледельческая наука особенно наглядно раскрывает свои достижения прямо на полях.

— Был в прошлом году на этом участке подсолнечник. Остались бодылья. Намечалось поле под пар... Думаю: что, если участок задисковать, не убирая бодыльев, используя их и как удобрение и как своеобразную мульчу, да засеять овсом с чиной, да потом предложить такое блюдо коровам нашим? Будут возражать животные? Вряд ли. А озимой пшенице осенью не будет хуже? Нет, очевидно. Так и сделали. Правда, весной поле это некрасиво выглядело. Напугало некоторых районных и областных начальников. Шум было подняли. Цибулько, мол, вместо порядка беспорядок на земле творит. К ответу нарушителя! «Погодите,— говорю,— вы ведь агронома в колхоз председателем поставили, очевидно, для того, чтобы он что-то соображал. А если просто «для порядка», так ставили б милиционера с жезлом. Не спешите кричать да разносить, проверим, что получится через пару месяцев...» А когда вновь приехали,— ничего не узнают: на «некрасивом» поле — отличное меню для коров: тут тебе и зелень и кормовые единицы, а белка сколько! Коровы под присмотром электропастуха не только все чисто поедают, лишние килограммы молока дают, но и тут же удобряют поле, оставляют на каждом гектаре по нескольку тонн навоза. Так что не обидится на них озимка!

И штука совсем немудреная — электропастух. Оголенный провод опоясывает участок поля. Дотронешься до провода — «кусается». И корова сама поворачивает обратно. Рефлекс, можно сказать, вырабатывается.

Только кусочек «биографии» одного случайно встретившегося поля рассказал Цибулько, а как много сторон хозяйствования оказалось сразу затронутым! Не самый ли верный это признак «уровня руководства»? Чем квалифицированнее хозяйство, тем теснее в нем все связано: и навоз, и электричество, и пар, и озимка, и молоко, и чина — большая, интересная цепь, в которой слажены, надежно подобраны все звенья, все заранее продумано.

Феодосию Евгеньевичу за пятьдесят, у него густые с проседью волосы, он высок, широкоплеч, красив, и многое можно прочесть в его глазах — то проницательных и острых, то добродушных, искрящихся юмором. Лет тридцать назад Цибулько стал агрономом. Есть у него опыт не только районной, но и областной работы. Очень поучительно все, что он говорит о хозяйстве, но что при этом у него самого на душе, внутри? Как теперь он оценивает перемену в своей жизни? Что тут было главное: стечение служебных обстоятельств, выполнение долга, веление момента или и это и что-то другое? Что же именно? «Свернулся» он, перейдя в колхоз, или, наоборот, «разворачивается»? Я не спешу спрашивать об этом Феодосия Евгеньевича, но спешу наблюдать, стараясь из всего, что слышу и вижу, извлечь ответы на свои вопросы.

...Еще одно зеленое сочное пастбище. На этот раз пустая молодая кукуруза. Коров только что напоили. Мы видим необычное сооружение — огромный бак, укрепленный на санях, которые можно передвигать трактором, а вокруг бака — автопоилки. На наших глазах животные охотно входят в очередной загон, обнесенный проволокой, через которую пропущен слабый ток, и с аппетитом принимаются за кукурузу. Загон, наверное, поменьше гектара, за день животные успевают очистить три таких загона.

— Раньше, при единоличной жизни, дядька, конечно, не знал электропастуха. Но чарку горилки пастуху ставил за то, чтобы тот череду скота через его поле прогнал. А мы теперь и эту выгоду и многие другие совместим, если полностью свою идею развернем.

— Какая же идея, Феодосий Евгеньевич?

Не сразу, немного в обход отвечает Цибулько, но глаза выдают: затронули в человеке заветную струну.

— Может быть, знаете наших соседей, через дорогу от нас — бывший совхоз имени Красной Армии? Теперь это — хозяйство Полтавской опытной станции. Интересное вообще хозяйство, недавно оно ввело новый хороший опыт откорма свиней — сухими кормами из самокормушек, применив автопоилки. Отказались люди от станков, переделали полы, есть теперь в свинарнике общая площадка для отдыха свиней и устроены, так сказать, столовые. Помещалось раньше в свинарнике триста голов, теперь пятьсот разместили. И все пятьсот голов обслуживает на откорме одна работница, Ольга Дзиковская. Хороший опыт? Хороший. Экономия? Экономия. И мы у себя это обязательно применим... Но почему же на одном экономить, а на другом терять, прогадывать? Вы посмотрите, как летом на этой опытной станции коров содержат! Нашим животноводам сейчас это кажется просто неразумным, чтобы не сказать диким. Тракторная косилка косит, скажем, ту же кукурузу или другую зеленую массу. Ее затем надо собрать, погрузить на подводу, перевезти, сгрузить, раздать животным. Сколько трудоемких операций! Расточительство труда, средств. У нас бы по нашему стаду на это потребовалось ежедневно не менее сорока человек, а также сорок лошадей да еще косилки, подводы. Пока везли бы, сгружали, раздавали корм, он и терялся бы, и пылился, и вянул... А теперь вот здесь со всей этой работой управляются Коллар Запека — электрик-механизатор, передвигающий электропастуха, да скотник Панас Корецкий, пригоняющий коров к передвижному баку с водой и месту доения. Корова сама «убирает» для себя корм.

— Значит, вы решительно колеблете общепринятую стойлово-лагерную систему содержания скота?

— Сама жизнь толкает на это, по крайней мере, в наших полтавских условиях. Нам другая система нужна — лагерно-загонно-выпасная. Так, что ли, ее можно назвать? Давно я о ней думал, толковал с народом, а только сейчас довелось практически применить хорошую идею непосредственно в колхозе. Тут не только экономия рабочих рук, не только озимым подмога. Подумайте о здоровье, о самой физиологии животных. Другие, естественные условия, другое развитие и, конечно, другая продуктивность. Чистый воздух, не кратковременные моционы и прогулки, а все время свободное движение под живительным солнечным лучом. Понимаете, какой обмен веществ? Тут уж без авитаминоза! Пастбище в три — четыре раза сократит всякие заболевания скота... Не только корове пастбище, у нас и свиньи признали электропастуха, и птицу будем содержать на поле...

...Что замечательно, что подкупает: пока Цибулько с эрудицией и увлеченностью, которой может позавидовать любой лектор, излагает свою идею, свои мысли, они, эти мысли, тут же в хозяйстве претворяются в дело, развиваются, продолжаются большим дружным коллективом... Присмотритесь к тому, как кипит жизнь в мастерских, на хозяйственном дворе. Первый экземпляр электропастуха Цибулько доставал с трудом, переписывался с Москвой, Ригой, Киевом, вел переговоры в области и наконец выпросил по старому знакомству у министра совхозов республики, который когда-то работал в Полтаве. Но, получив один экземпляр, колхозные умельцы не держали его для моды, для экзотики, а быстро «размножили», и вы видите, как в мастерской самостоятельно изготовляют уже десятого «пастуха»...

А вот сооружение посерьезнее: для полноты новой, лагерно-загонно-выпасной системы колхоз решил оборудовать передвижной «электродоильный зал». Остов этой установки уже перед вами. Когда он будет полностью оснащен, система станет еще экономичнее: в передвижной «зал» будут заводить поочередно по десять коров, и одна доярка с помощью электричества сможет выдаивать сто коров...

Три передвижных домика для птицы заканчивают сооружать на хозяйственном дворе. Никогда еще не случалось на инкубаторной станции, чтобы какой-нибудь колхоз закупал сразу 15 тысяч цыплят. Цибулько, посоветовавшись с правлением, закупил. Для других это было бы непомерной обузой, но чем же он, в конце концов, рискует, если полевые дома почти готовы, а пастись птице всегда есть где? На трехстах гектарах поспевает, например, просо — великолепное просо, центнеров по 30 с гектара. Видел я, как зашел в это просо Феодосий Евгеньевич и, ласково обнимая широким взмахом обеих рук буйные растения, приговаривал:

— Ай, просо! Это просо! Говорят, пропала озимка. Брехня, не

Copyrighted material

пропала. Оце той баланс зерна, який нам потрибен!.. Уберут просо, пустят на просянище птицу — получай, город, дешевое куриное мясо!

Так обрастает со всех сторон живыми делами одна только идея тридцатитысячника. Да одна ли она?

— Первое время в колхозе мне все казалось, что я ухватился только за хвост хозяйства. А сейчас, кажется, уже за кусочек гривы держусь. По отношению людей чувствую. Люди-то, особенно в отсталом колхозе, разные и поразному встретили. Были же такие, что пытались в свое время растаскивать колхоз. Помню, на одном из первых собраний вопрос «Зачем голова распорядился сад окопать?» «Затем,— говорю,— чтобы ты из колхозного сада ворованные фрукты не возом вывозил, а лишь торбой выносил». Видно, в цель попал: покрыл народ смехом этот ответ. Но еще долго можно было слышать: «И что это у нас в колхозе все копают? Закопает Цибулько колхоз, ох, закопает!» Ну, а как же, посудите, не копать было? Я давно присматривался, думал: сколько у нас на Украине речек, можно сказать, впустую течет! Не следим, не обсаживаем, не расчищаем мы русла, мало птицы на речках держим, не приводим эту воду на наши огороды, сады. Как же тут утерпеть было, не начать сразу рыть канаву, чтобы наш Коломак — речка, что пересекает колхоз и в Ворсклу впадает,— по трубопроводу давал воду и на огород и в сад? Поставили насос, провели орошение. Тут еще какая выгода? Зимой в саду можно наслонить побольше льда — это не только добавочная зарядка влагой, а и оттяжка цветения сада, чтобы весенние заморозки не повредили цветению. Выкопали канавы, и... опять копать надо: сад-то теперь будет плодоносить ежегодно, продукция огорода удвоится и утроится — как же без солидного хранилища для овощей и фруктов, без сушилки, без винодельни, без своего колхозного винного подвала? Все это уже построили быстро, основательно. Из нетоварной продукции, из падалицы, приготовили первые 10 тысяч литров яблочного сока и вина... Как, кстати, вы думаете, зачтется это в соревновании с воронежцами? Раз соревнование, то по всем статьям!

...Он бы, Цибулько, мог давать обо всем этом «директивы» из райисполкома и, очевидно, давал — и насчет речек, и насчет пастбищ, и насчет механизации, и насчет экономики. Но как мучила его, особенно в последнее время на районной работе, большая дистанция между словом и делом! Сколько хороших советов партии, науки обидно повисало в воздухе у них в районе! Сколько больших, серьезных замыслов дробилось на разрозненные канцелярские директивы и бумажки, вырождалось в малоперспективные «текущие мероприятия»! И сколько жгучих вопросов, волнующих народ, годами оставалось без ответа!

Вот попали в этом году на Полтавщине в беду озимые. Пришлось большую часть озимой пшеницы пересевать яровыми культурами. Не первый раз, кстати, случается такая беда. Был бы Феодосий Евгеньевич на прежней руководящей работе, вздыхал бы по этому поводу вместе с другими начальниками, подгонял пересев, требовал «принять меры». Какие, собственно, меры? Только теперь агроному Цибулько многое стало яснее. Здесь, на месте, он не только удачно, рационально подобрал культуры, какими пересеял погибшие озимые. Не только по-новому вник в сроки посева, лучшие способы содержания занятого пара. Надо искать дальше, смелее. Не поднимать же, в самом деле, руки еще и еще раз перед этой стихией — вымерзанием озимых! Цибулько задумывается: нельзя ли для этого по-новому сдружить озимую пшеницу и кукурузу, а может быть, озимку и подсолнечник? На одном из полей в междурядия молодой кукурузы, а на другом — в междурядия подсолнечника он высеял в необычно ранние сроки озимку. Как она разовьется? Как перезимует, что ей угрожает? Много у агронома в этой связи соображений, каждый день он бывает на опытных клетках, наблюдает, думает, сопоставляет. В одном уверен Феодосий Евгеньевич: если хорошо спросить, как он говорит, «коллективный ум украинского народа», всех таких же, как он, низовых работников, умудренных немалым опытом, взвесить все это на научных весах,— забудет Украина про пересевы озимых!

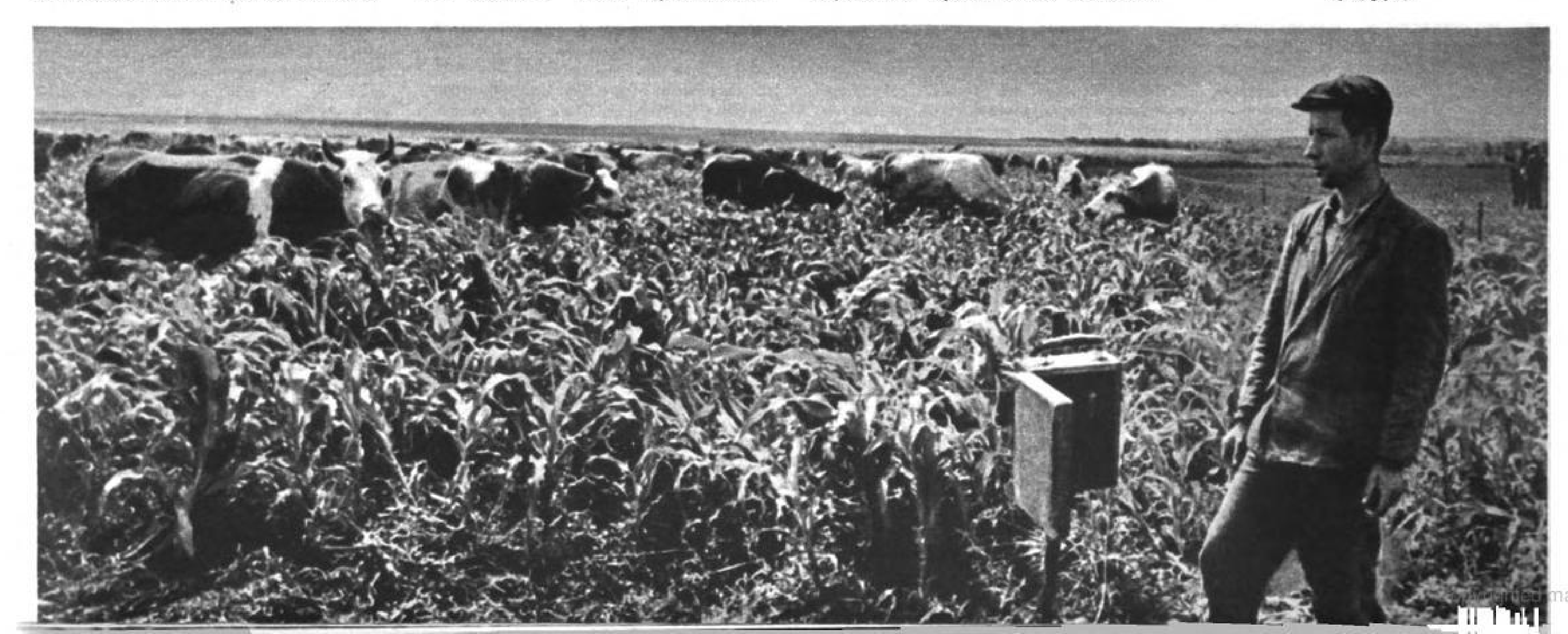
— Честное слово, голова здесь лучше работает! — вырывается у Цибулько в конце нашего знакомства с хозяйством колхоза.— И отдача полнее, отдача всего, что узнал, накопил за жизнь. Ты можешь создать, связать воедино, построить что-то целое. Не только провозглашать принципы, но каждый день практически строить на этих принципах новое, завтрашнее, полезное людям.

Принципы в действии... Конечно, это и удвоение доходов в колхозе за год до шести миллионов рублей, и рост оплаты трудодня чуть ли не в шесть раз, и построенные детские ясли, работающие круглый год, и приобретенные шесть автомашин, и два трактора, и теплица, и начатое строительство клуба... Но высокие наши принципы живут и в таком неприметном на первый взгляд деле, как создание в колхозе по инициативе тридцатитысячника бригады бытовой помощи. Уже многим вдовам, сиротам, старикам помогла эта необычная бригада починить хату, перекрыть крышу, убрать огород, обуть, одеть детей...

— Это, кажется, трудно передать,— говорит Цибулько.— Но как бодрит и подхлестывает в работе искренняя признательность, понимание и доверие людей! Тут не только повседневная поддержка, дружные действия партийной организации колхоза. Есть у нас в колхозе ветераны, есть пожилые колхозницы, вынесшие на своих плечах всю тяжесть трудных лет. Они мне прямо не говорят об этом, но я вижу и знаю, как они, поверив в нового председателя, внимательны, тревожатся, чтобы я на чем-нибудь не поскользнулся, не сделал фальшивого шага, не поддался на удочку, ни в чем не потерял объективности, трезвости...

...Перешел Цибулько с «руководящей» работы на «низовую», но какая же она высокая, эта низовая работа! Вот пройдет немного времени, и вряд ли какая-нибудь экскурсия, направляясь на ту же Полтавскую опытную станцию, не захочет побывать рядом, в недавно очень слабом колхозе имени Калинина. Тут и в производстве и в научном новаторстве назревает острое соревнование — колхоза и опытной станции. Высокие у нас теперь «низы».

...И эту новостройку одобряют в колхозе: ясли, действующие круглый год.



Животные охотно входят в очередной загон, обнесенный проволокой, и с аппетитом принимаются за кукурузу.

Дневник Нины Виноградовой

В. НАБУТОВ,
мастер спорта

В состязаниях ловких и сильных людей — легкоатлетов — есть такой вид, который требует от человека одновременно умения и быстро бегать, и высоко и далеко прыгать, и быть в ладах с ядром, и свободно преодолевать барьеры. Долгое время москвичка Александра Чудина была недосягаема в пятиборье, но пять лет назад на стадионе в Одессе выступление никому не известной школьницы из Шатуры Нины Мартыненко явилось как бы сигналом к штурму чудинского рекорда...

Нина Мартыненко ведет дневник. Раскрыв его, вы попадаете не в обычный мир девичьих воспоминаний, а в царство цифр. Скупо повествуют страницы дневника о датах, метрах, секундах и сантиметрах.

Это дневник спортсменки. И за каждой цифрой скрыты долгие дни большого труда, радостных, а порой и печальных событий.

История спорта знает немало случаев, когда за одной, только одной десятой долей секунды стояли многие годы тщетных усилий. Цифры дневника Нины Мартыненко тоже говорят о том, какой трудный путь вел школьницу из Шатуры к большой победе на Спартакиаде народов СССР. Сейчас, когда родился новый мировой рекорд, цифры из дневника Нины Виноградовой, маленькие и большие, просят слова. Послушаем же их...

Шатура — город, рожденный ленинским планом электрификации. Здесь была создана одна из первых электростанций нашей страны. И с тех пор тут все подчинено производству электроэнергии. Даже крупнейшее спортивное общество носит здесь имя «Энергия». И вот однажды на шатурском стадионе появились две девушки, две сестры: старшей, Нине Мартыненко, было семнадцать лет, младшей, Рае, — шестнадцать. Нет, не любовь к спорту привела их на стадион. Просто в Шатуре стадион по совместительству был и Парком культуры и отдыха. Здесь назначались свидания, веселилась молодежь, сюда приходили подышать свежим воздухом почтенные шатурцы.

На площадке тренировались легкоатлеты. Девушки от нечего делать уселись поближе и молча наблюдали за полетом диска. Один из ребят в шутку предложил им:

— Может, попробуете?

Рая подтолкнула сестру.

— Давай! Ты же камни дальше всех мальчишек бросаешь.

Так впервые в жизни в руках у Нины Мартыненко оказался диск, но каково было удивление ребят из легкоатлетической секции и случайных зрителей, и в первую очередь самой Нины, когда диск, посланный ее сильной рукой, взлетел над футбольным полем и упал довольно далеко... А спустя месяц после ежедневных занятий Нина метнула снаряд на тридцать пять метров.

Так в дневнике появилась первая цифра — результат второго спортивного разряда.

Нину включили в команду общества «Энергия» для участия в соревнованиях спортсменов профсоюзов. Но первые в ее жизни состязания, проходившие в Одессе, были бесславно проиграны. Фамилия Мартыненко терялась где-то в конце длинного списка участников. Услышав о том, что она заняла только девятнадцатое место, Нина не могла удержать слез, так сильно было испытанное ею разочарование. Каковы же были удивление и растерянность девушки, когда к ней подошел какой-то незнакомый человек!

— Сулиев Леван Григорьевич,— представился он. — Хочешь научиться метать диск по-настоящему? Приезжай в Ленинград. В наш институт. — И оставил Нине адрес.

Сулиев, известный тренер, обратил внимание на крепкую, стройную девушку, заметил, как много вкладывает она сил в каждый свой бросок, и опытный глаз специалиста угадал в новичке будущего мастера.

Леван Григорьевич Сулиев в юности и сам был неплохим легкоатлетом, держал рекорды Ленинграда в пятиборье и отлично метал копье. Под его наблюдением начинала свой путь к мировому рекорду копьеметательница Людмила Анокина. Среди его учеников такие известные спортсмены, как Зоя Курдюкова, Антонина Цимот, Анна Александрова, Виктор Ивлев, Владимир Кузнецов... Только один Кузнецов пять раз улучшал рекорды СССР в метании копья и держит его до сих пор.

Не знала всего этого Нина Мартыненко, беседуя в Одессе с незнакомым ей ленинградским тренером, но и Сулиев, решивший поддержать и утешить девушку с заплаканными глазами, не подозревал, что снова встретится с ней через год...

В 1952 году Нина Мартыненко приехала учиться в ленинградский вуз и встретилась там с Леваном Григорьевичем Сулиевым, преподавателем этого института.

— А... старая знакомая!

— Да, — помрачнев, ответила девушка. — Помните по Одессе? Вы обещали научить меня метать диск...

Начались занятия. Самые азы спортивной техники пришлось изучать Нине Мартыненко, но Леван Григорьевич все с большим интересом присматривался к новой ученице. Она быстро бегала, хорошо прыгала, природная стремительность сквозила в каждом ее движении. Да, Нина обладала отличными физическими качествами, но с каждым днем тренера все больше тревожила волевая неустойчивость молодой спортсменки. Девушка расстраивалась при малейшей неудаче. Постепенно, исподволь Сулиев готовил Нину к выступлению в пятиборье, а здесь особенно нужно умение держать себя в руках.

Стоило Нине, впервые испытав свои силы в пятиборье, потерпеть неудачу, как она заявила:

— Нет, больше не хочу. Давайте лучше заниматься только диском.

— Ты не кипятись, — успокаивал ее Сулиев, — терпение и труд все перетрут.

Но Нина настаивала на своем. Так они и разошлись, ни о чем не договорившись. Два тревожных дня пережил Леван Григорьевич. «Придет на тренировку или не придет?» — все думал он. И словно тяжелый камень свалился у него с плеч, когда на стадионе он увидел Нину, как и обычно, веселую, оживленную.

«Есть, значит, у нее характер, надо только закалить его, научить в каждом поражении видеть грядущую победу», — подумал Сулиев, как ни в чем не бывало приступая к занятиям...

Прошло три года совместной работы тренера и спортсменки. В зимнем стадионе шли соревнования на первенство Ленинграда по легкой атлетике. Немало первоклассных спортсменов участвовало в борьбе, и вдруг стало известно, что молодая Нина Мартыненко, ученица Сулиева, прыгнула в длину на 5 метров 97 сантиметров, выполнив норму мастера спорта. А весною 1955 года на соревнованиях в Ташкенте Нина Мартыненко снова испытала свои силы в пятиборье и выполнила норму мастера спорта. Так она приближалась к своему первому рекорду. Нина готовилась к борьбе с Александрой Чудиной, но знал об этом только один человек — Леван Григорьевич Сулиев.

...В этот день на студенческих соревнованиях в Ленинграде судьи как-то особенно тщательно подсчитывали оценки за каждое выступление Нины Мартыненко в многоборье. Толкание ядра — 13 метров 54 сантиметра; прыжок в высоту — 1 метр 62 сантиметра; бег на 200 метров — 25,8 секунды.

Кто-то неуверенно произнес:

— А знаете, ведь может быть

Нина Виноградова и ее тренер Л. Г. Сулиев.

Фото Н. Волкова и Б. Светланова.

Copyrighted material

новый мировой рекорд! — И, словно испугавшись этой мысли, умолк.

Откуда у молодой спортсменки могут появиться силы для рекордного результата? Даже сама Нина и близкие подруги не думали об этом.

Второй день соревнований начался с бега на 80 метров с барьерами. 11,3 секунды показали секундомеры. Оставался последний вид пятиборья — прыжки в длину, а здесь Нина чувствовала себя особенно уверенно. Только на 5 метров 75 сантиметров нужно ей прыгнуть, чтобы перечеркнуть мировой рекорд Чудиной.

Тишина нависла над стадионом, над местом для прыжков, хотя трибуны были заполнены до отказа. Первая попытка. Отпечаток ноги Мартыненко у шестиметровой отметки. Но судья взмахнул флажком, указывая на белый брусок: Мартыненко переступила черту. Результат не засчитан.

Вторая попытка. Рисковать нельзя. Ведь ноль в соревнованиях по прыжкам сведет на нет все усилия.

— Пять метров шестьдесят сантиметров, — прозвучал голос судьи-информатора. Победа в соревнованиях обеспечена, но до рекорда не хватает каких-то пятнадцати сантиметров.

И вот третья, последняя попытка. Обычно невозмутимый Леван Григорьевич Сулиев нервно мнет платок. Волнуются подруги, зрители и даже судьи. Спокойна только Нина. Вот когда сказалась многолетняя работа тренера!

Короткий разбег... С каждым метром приближается белоснежная полоска бруска. Нужно попасть точно на него, лишь тогда прыжок будет наиболее мощным, далеким и безошибочным.

Прыжок... И не знающая ошибок металлическая рулетка зафиксировала последний результат — пять метров девяносто два сантиметра — и вместе с ним новый мировой рекорд по пятиборью...

Недолго продержался этот рекорд. Через два месяца Александра Чудина вновь вернула его себе, на три очка превысив результат Нины Мартыненко.

— Ну, что будем делать, Нина? — спросил Сулиев. — Плакать?

Нина в ответ рассмеялась:

— Тренироваться будем, Леван Григорьевич. Есть ведь у нас с вами в запасе и спокойствие, и сантиметры, и секунды.

И снова потянулись дни, полные упорного труда, снова один за другим заполнялись листы дневника. Быстро промелькнул 1955 год. Вся страна готовилась к Спартакиаде народов СССР. Готовилась и Нина Мартыненко, ставшая теперь Виноградовой. В жизни Нины произошли изменения: она вышла замуж за Володю Виноградова, только что окончившего институт. И вот веселый, радостный праздник — открытие Спартакиады. Когда колонна ленинградцев проходила по Большой арене Центрального стадиона имени В. И. Ленина, Нина увидела где-то впереди в строю спортсменов столицы знакомую фигуру Александры Чудиной.

...Первый день состязания, казалось бы, не принес ничего нового. После трех номеров программы впереди была Чудина. Нина и Леван Григорьевич понимали, что много отыграть в прыжках в длину не удастся. Спортивный спор с Чудиной будет решен, как они и предполагали, в забеге на 80 метров с барьерами.

— Надо пробежать дистанцию меньше чем в одиннадцать секунд, — таково было предложение Сулиева.

Леван Григорьевич сказал это как о чем-то само собой разумеющемся, совсем не трудном, но и он и его ученица прекрасно понимали, что таится за этими цифрами. Барьерный бег — один из самых сложных видов легкой атлетики. Он требует от спортсмена не только безукоризненной техники, но и огромного самообладания. А ведь позади уже два дня напряженной борьбы. «Меньше чем в одиннадцать секунд!» Хватит ли у Нины сил и воли, чтобы показать столь высокий результат?

Нина спокойно ответила Сулиеву:

— Попробую!

Куда исчезла ее былая нервозность и неуверенность? Упорство, настойчивость и неиссякаемая воля к победе — вот чем был замечателен бег Нины Виноградовой. И когда стало известно, что она пробежала дистанцию за 10,9 секунды, и когда закончились соревнования по прыжкам в длину, все, кто был на стадионе в этот день, овациями отметили рождение нового рекорда мира в пятиборье: она набрала 4767 очков.

Кончился ли на этом спор между двумя советскими спортсменками, покажет время. Но ясно одно: Нина Виноградова ни в одном из пяти видов легкой атлетики, входящих в пятиборье, пока не показала еще лучшего для нее результата. В запасе есть и секунды и сантиметры. Это Нина Виноградова доказала на той же Спартакиаде народов СССР. Оспаривая первенство в беге на 80 метров с барьерами, Нина Виноградова установила еще один всесоюзный рекорд, пробежав дистанцию за 10,7 секунды.

В октябре Нине исполнится двадцать три года. Последнее слово на спортивном поле она еще не сказала, а пока вот и вся история, которую поведали нам цифры дневника Виноградовой. Места в тетради осталось еще много. Продолжение следует...

Спорт за рубежом

Футбол олимпийский

Спросите любого любителя футбола — завсегдатая трибун больших и малых стадионов: «Какое международное состязание этого года вы считаете наиболее интересным?» «Конечно, Олимпийский футбольный турнир», — услышите вы в ответ.

И в самом деле, на футбольных полях Мельбурна вскоре начнется захватывающая борьба за титул олимпийского чемпиона, борьба, в которой будут участвовать команды 15 стран: Австралии, Англии, Болгарии, Германии, Египта, Индии, Индонезии, Китайской Народной Республики, Таиланда, Турции, СССР, США, Южного Вьетнама, Югославии, Японии.

Даже при беглом взгляде на этот список можно определить характерные особенности предстоящего турнира: в нем участвует несколько сильнейших команд Европы, как никогда, широко представлены страны Азии, и полностью отсутствуют футболисты южноамериканского континента.

А ведь на Олимпийских играх, проведенных в Париже в 1924 году, среди 22 команд сильнейшими оказались представители южноамериканского футбола, который в Европе до тех пор вовсе «не котировался». Впервые участвовавшие в Олимпийских играх уругвайские футболисты показали, что европейцам есть чему у них поучиться. Отличаясь бурным темпераментом и виртуозной техникой, играя в быстром темпе, команда Уругвая легко переиграла всех своих соперников — команды Франции, Югославии, США, Голландии и в финале со счетом 3 : 0 — Швейцарии. После этого зарубежные спортивные обозреватели заговорили о «южноамериканской эре» в футболе, о «футбольной угрозе со стороны стран Латинской Америки», о том, что маленький Уругвай стал «великой футбольной державой».

На Амстердамском турнире 1928 года даже сильнейшие европейские команды не смогли добиться реванша за поражение в Париже. В финал попали две команды, прибывшие из-за океана,— Уругвай и Аргентина. Борьба между ними была исключительно напряженной, и первый матч даже с добавочным временем окончился вничью — 1 : 1. Во втором матче уругвайцы все-таки смогли добиться перевеса в один мяч и стали вторично олимпийскими чемпионами.

Следующие Олимпийские игры проводились в США (Лос-Анжелос, 1932 год). Футбол оказался вычеркнутым из программы этой Олимпиады главным образом потому, что американцы не проявляли к нему ни малейшего интереса. Как известно, в США распространен так называемый американский футбол (разновидность регби).

Футбол вновь обрел права гражданства лишь на Берлинской олимпиаде 1936 года. Но здесь число участников Олимпийского турнира сократилось до шестнадцати. К этому времени профессионализм среди футболистов получил широкое распространение не только в Европе, но и в Латинской Америке. Франция, Испания, Швейцария, Уругвай, Аргентина, Бельгия не прислали свои команды, так как их лучшие игроки стали профессионалами и по условиям Олимпийских игр не могли принять в них участия. По этой же причине Англия, Италия, Венгрия и Австрия были представлены далеко не сильнейшими командами. Интересно отметить, что в Олимпиаде 1936 года впервые участвовали команды азиатских стран — Китая и Японии. В финальном матче Италия — Норвегия итальянцы победили с результатом 2 : 1.

Примерно такой же была картина и на XIV Олимпийском турнире 1948 года в Лондоне (XII и XIII Олимпиады не состоялись из-за второй мировой войны). По составу участников он был, пожалуй, наиболее слабым из всех Олимпийских турниров. В финал вышли футболисты Швеции и Югославии, причем шведам удалось одержать победу со счетом 3 : 1. Но эта победа обошлась им дорого: лучшие игроки сборной Швеции вскоре перешли в профессиональные команды Италии и других стран.

И, наконец, XV Олимпиада (Хельсинки, 1952 год). Она еще свежа в памяти, и потому напомним лишь некоторые факты. По количеству участников турнир был рекордным. Заявки подали 27 стран, но после отказа Мексики и Саара их осталось 25.

Встреча команд СССР и Югославии, как известно, закончилась со счетом 5 : 5. Повторный матч советские футболисты, игравшие ниже своих возможностей, проиграли (1 : 3).

Югославские футболисты дошли до финала, где встретились со сборной Венгрии. Матч выиграли венгры со счетом 2 : 0, впервые завоевав почетное звание олимпийских чемпионов. К сожалению, это звание футболисты Венгрии не будут защищать в Мельбурне, так как, по сообщениям венгерской прессы, сборная команда страны оказалась недостаточно хорошо подготовленной и в этом году неудачно провела свой сезон. Кто будет девятым олимпийским чемпионом, покажет ближайшее будущее.

Спортивный обозреватель

«Огоньку» отвечают

«ДЛЯ НАШЕГО БЫТА»

В «Огоньке» № 27 был опубликован репортаж — отчет о совещании, проведенном редакцией «Огонька» совместно со Всесоюзной торговой палатой и Главхозторгом Министерства торговли СССР («Для нашего быта»).

Редакция «Огонька» получила в связи с этим письмо заместителя министра электротехнической промышленности СССР тов. М. Грузова.

«На совещании в редакции «Огонька» справедливо говорилось о необходимости расширить ассортимент и увеличить выпуск электротехнических изделий для быта, об улучшении их качества и удешевлении.

В 1956 году предприятия министерства выпустят электротехнических изделий для населения на сумму 1 100 миллионов рублей — в 9 раз больше, чем в 1950 году. Систематически расширяется ассортимент и снижаются розничные цены. Сейчас проводится модернизация бытовых машин и ведется подготовка к выпуску новых в 1957 году.

Так, например, совершенствуется конструкция электродвигателей для швейных машин. Начат выпуск электродвигателей для портативных швейных машин. Разрабатывается конструкция стиральной машины с электрическим подогревом воды; стиральные машины типа «СМ-1,5» снабжаются насосом для откачки воды; к стиральной машине «Харьков» изготовляется специальный дополнительный бак для мытья посуды.

Все стиральные машины будут иметь резиновую трубку для наполнения бака водой из водопровода.

Однако полностью удовлетворить растущий спрос населения на электротехнические изделия широкого потребления одно министерство не в состоянии. Для более полного удовлетворения потребности населения к производству должны быть шире привлечены предприятия других министерств, особенно местной промышленности».

* * *

Редакция также получила письмо от министра машиностроения СССР Н. Смелянова, в котором он сообщает, что, рассмотрев критические замечания в репортаже «Для нашего быта», министерство считает оценку и критику работы Подольского механического завода имени Калинина по производству швейных машин правильными, претензии потребителей — справедливыми.

«В настоящее время,— говорится в письме министра,— Подольский завод работает над освоением новых типов бытовых швейных машин.

Заводом сконструирована машина класса 100 «Подольск», которая имеет ряд преимуществ по сравнению с выпускаемой машиной класса «1-А». Устаревший механизм нитепритягательной системы заменен более совершенным шарнирным механизмом; уменьшен вес на 2,5 килограмма; изменена форма головки машины. Изготовлены опытные образцы этой машины, которые утверждены к серийному выпуску Всесоюзной торговой палатой. В текущем году завод должен обеспечить выпуск первой серии машины «Подольск».

Наряду с этой машиной, предназначенной для массового выпуска, Подольский завод работает над проектированием и изготовлением опытных образцов бытовых швейных машин классов 101 и 111.

Новая конструкция бытовой универсальной швейной машины класса 111 будет наиболее совершенной. Она позволит обметывать петли, пришивать пуговицы и крючки, пришивать кружева зигзагообразной строчкой, а при помощи набора сменных копиров выполнять разнообразные декоративные отделочные строчки.

Коллектив Подольского механического завода имени Калинина и Министерство машиностроения СССР принимают меры, чтобы первые опытные образцы новых машин были изготовлены в 1956 году».

Copyrighted material

Влодзимеж Закшевски.
ДОМ В. И. ЛЕНИНА
В ПОРОНИНЕ.

Copyrighted material

Влодзимеж Закшевски. ПОДВАРШАВСКИЙ ПЕЙЗАЖ.

Влодзимеж Закшевски. ЛЕНИНГРАД. ПЕТРОПАВЛОВСКАЯ КРЕПОСТЬ.

Copyrighted material

Киноотчет о путешествии

Д. Е. ГЛАГОЛЕВ.
Фото Г. Санько.

Когда рабочие и инженеры Московского радиозавода провожали своего директора Д. Е. Глаголева в путешествие вокруг Европы на теплоходе «Победа», они просили его подробно записывать все, что он увидит, чтобы потом, по приезде, рассказать им об этом.

Дмитрий Евгеньевич поступил иначе. Он взял с собой любительский узкопленочный киноаппарат и во время поездки снимал все, что казалось ему значительным и интересным.

Мы, его товарищи по путешествию, видели этого неистового кинолюбителя вместе с его аппаратом в самых различных местах: у величественных развалин Парфенона, в римском Колизее, на вершине Эйфелевой башни, на улицах Стокгольма, Амстердама. Инженер Глаголев успешно соревновался с профессиональными операторами кинохроники, сопровождавшими путешественников.

И вот на днях в зале клуба Московского радиозавода был показан фильм, снятый инженером Глаголевым. Это оказались не отрывочные хроникальные киноэпизоды, как можно было ожидать. Зрители увидели настоящий, хорошо озвученный, сопровождаемый интересным текстом и яркой музыкой фильм, в котором последовательно и живо, в характерных, порою остро снятых эпизодах правдиво раскрывается вся летопись нашего путешествия. Текст к фильму писал сам автор с помощью товарищей по путешествию, а заводские друзья помогли ему подобрать музыку.

Трудно поверить, что этот интересный полуторачасовой фильм, рассказывающий о большом путешествии советских людей по шести европейским странам, о волнующих встречах с местным населением, происходивших в каждом порту и городе, о красотах и достопримечательностях, которые видели советские туристы, сделан без всякого участия профессионалов.

Удача фильма говорит о рождении новой отрасли советской самодеятельности — кинолюбительства. И думается, что этот первый любительский фильм о заграничном путешествии советских людей, о стремлении народов к дружбе и взаимопониманию интересен не только для коллектива Московского радиозавода. Было бы хорошо, если бы студия телевидения показала фильм инженера Глаголева москвичам.

Ю. ПОЛЕВАЯ,
учительница 148-й школы г. Москвы.

НОВЫЙ ЦИРК В РОСТОВЕ-НА-ДОНУ

В Ростове-на-Дону, на Буденновском проспекте, на месте разрушенного фашистами цирка, построено новое монументальное цирковое здание. Объем ростовского цирка, одного из самых больших в стране,— 48 тысяч кубометров. В зрительном зале — 1 500 мест.

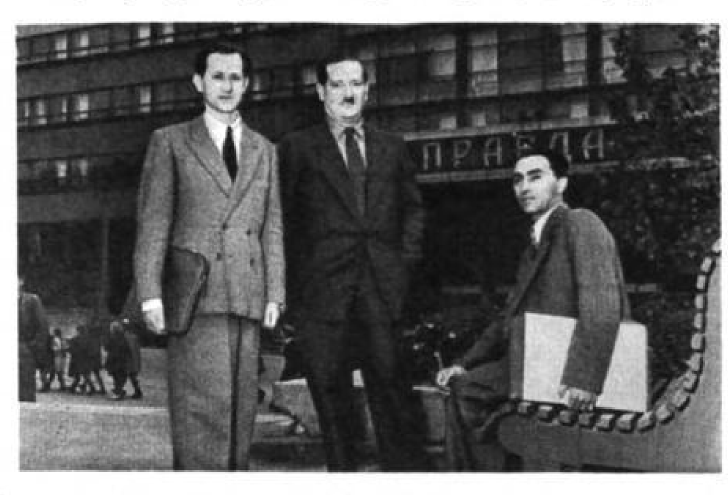
По внешнему виду новое здание не похоже на цирк: у него нет купола, который скрыт под крышей. Фронтон здания украшен барельефом, изображающим наездницу на четверке лошадей и двух фанфаристов, возвещающих о начале представления. В нишах между колонн поставлены скульптуры, олицетворяющие силу и молодость.

Авторы проекта — архитекторы А. Барулин и Г. Петров.

В зрительном зале нет ни одной колонны, отовсюду одинаково хорошо видно и слышно. Купол покрыт звукоизоляционным материалом, в зале будет отличная акустика.

М. АМШИНСКИЙ
Фото Г. Осокина.

Гости «Огонька»



В нашей стране сейчас находится группа работников журналов и издательств Румынской Народной Республики. В ее составе — главный редактор журнала «Народная Румыния» Николае Морару, заведующий производственным отделом Главполиграфпрома Теодор Родан и главный редактор издательства литературы на иностранных языках Дан Боран.

На днях они посетили редакцию «Огонька».

На снимке: Дан Боран, Теодор Родан и Николае Морару.
Фото Б. Кузьмина.

По страницам зарубежных журналов

Когда не хватает полицейских

Количество автомобильных катастроф на Западе столь велико, что подчас не хватает полицейских для их предотвращения. В связи с этим английский журнал «Пикчер пост» рекомендует применять следующий способ. «Возьмите двух полицейских,— советует журнал,— сфотографируйте их, фотоснимки, сделанные в рост человека, наклейте на деревянные щиты и поставьте получившиеся изображения на любом опасном перекрестке». Во Франции такие деревянные «полицейские» были установлены на перекрестке Св. Сэмфоньена по дороге Париж — Нант. С тех пор на этом опасном месте, пишет «Пикчер пост», не было ни одного несчастного случая.

Двенадцать сильнейших

На «турнире наций». Интересная партия...
Фото Г. Санько.

Сцена ЦТСА огромна. Невооруженным глазом нелегко рассмотреть, что на ней происходит в дни шахматной олимпиады. «Ладейные фигуры» Г. Штальберга или М. Черняка еще можно отличить от окружающих их десятков участников, но более «компактных» Г. Барца или М. Филипа лучше рассматривать в бинокль. Часть зрителей, не искушенных в тонкостях шахматного искусства, не столько следит за демонстрационными досками, сколько старается рассмотреть, как выглядят многочисленные гости, интересуется их манерой держаться, любопытствует: пьют они чай или кофе, спокойны или волнуются, курят или нет. Кстати о курении. Еще 15—20 лет назад почти все шахматисты курили. Теперь они курят значительно меньше. Среди участников олимпиады 20 гроссмейстеров. Из них только трое — Е. Геллер, Г. Пильник, О. Бернштейн — курят. Если ты, читатель, хочешь стать шахматным гроссмейстером, советую бросить курить!

Даже без бинокля можно было рассмотреть, что гроссмейстер Л. Сабо в плохом настроении после партии с гроссмейстером М. Филипом. Проигрыш, очевидно, так огорчил Л. Сабо, что он решил не играть в следующем туре против Филиппин. Филип и Филиппины!..

Зато сколько удовольствия можно было увидеть на лице Г. Лорсона из маленького Саара, когда В. Смыслов расписался на бланке, удостоверяющем, что их встреча закончилась вничью! Этот бланк Г. Лорсон увезет из Москвы как приятный сувенир.

С большим интересом москвичи следят за игрой сильной команды Аргентины. Молодой гроссмейстер О. Панно, один из популярнейших шахматистов, служит в армии. Временно ему пришлось ослабить аргентинскую пехоту, чтобы участвовать в «турнире наций». Гроссмейстеру М. Найдорфу так хотелось быть в Москве, что он решил сам оплатить перелет из Буэнос-Айреса.

Игры в полуфинале принесли неплохие «отметки» шахматистам Индии. Особенно удачным для них был день 5 сентября. Утром они победили команду Люксембурга со счетом 4 : 0, а вечером — команду Ирландии со счетом 3,5 : 0,5. Это первый сигнал европейским мастерам: шахматы развиваются и в Азии!

Сильно играют представители Югославии. Красивая, тонкая комбинация А. Матановича в партии с австрийцем А. Дюкштейном — замечательное шахматное произведение.

Смелую, темпераментную игру продемонстрировали шахматисты Колумбии. Они сыграли вничью с Венгрией, а перед самым концом полуфинала со счетом 3 : 1 победили команду ГДР, которая уже «одной ногой» была в финальной группе. Очень своеобразный, сильный шахматист, мой почти однофамилец,— А. Флорес из Чили. Он известный математик.

Без курьезов не обходится ни один шахматный турнир. Зрители, пришедшие на 4-й и 5-й туры с небольшим опозданием, уже не застали гроссмейстера П. Кереса. Он на 11-м ходу выиграл у Р. Дворжинского партию, которая продолжалась всего 30 минут! Польский мастер «на минуточку» забыл теорию и, играя испанскую партию, сделал ход, который в учебниках украшен вопросительным знаком. На следующий день П. Керес также не переутомился: на 21-м ходу ему сдался норвежец Ю. Барда. Говорят, что П. Керес торопился в Лужники на футбольный матч «Спартак» — «Динамо».

Ни одна из команд, даже обладательница кубка, не имеет права считать своего очередного противника «легкой добычей». Наш матч с командой Швейцарии окончился с результатом 2,5 : 1,5. Не блестящий результат, если вспомнить, что недавно один М. Ботвинник, играя в сеансе с часами со сборной Швейцарии в Цюрихе, добился счета 6,5 : 1,5. Швейцарцы попали в финал, опередив команду Швеции во главе с гроссмейстером Г. Штальбергом.

В последнем туре полуфинала менее громко, чем обычно, смеялся гроссмейстер М. Найдорф, которому нанес поражение молодой исландец Ф. Олафсон.

Нельзя не отметить отличный финиш команды Англии. Когда казалось, что их шансы на выход в финал безнадежны, они победили команду Аргентины со счетом 2,5 : 1,5.

В четвертой группе успеха добились команды Венгрии, Чехословакии и Румынии.

Драматическая борьба за выход в финал была между командами Голландии и Дании. В финал вышли датчане.

Лучшего индивидуального результата среди всех участников турнира добился П. Керес — 5 : 0 в свою пользу!

Команда СССР набрала в полуфинале 23,5 очка. Столько же набрала в своей группе и команда Югославии, участники которой не проиграли ни одной партии.

Начались решающие финальные игры двенадцати сильнейших команд.

Капитаны команд СССР, Югославии, Аргентины — А. Котов, С. Недельнович, М. Найдорф — все чаще и чаще посматривают на золотой кубок, выставленный в центре сцены ЦТСА.

Сало ФЛОР

Copyrighted material

Встреча в Ницце

Портрет Н. А. Римского-Корсакова с его автографом.

Группа туристов-ленинградцев совершала поездку по Франции. В Париже, да и почти во всей Франции стояла знакомая нам «ленинградская» пасмурно-дождливая погода. Только в Ницце, на Лазурном берегу, нас встретило южное, горячее солнце. В Ницце и произошла встреча, о которой хочется рассказать.

...Мы оживленно обсуждали прелести этого курорта, когда заметили, что к нашему разговору прислушивается скромно одетая женщина. Поборов смущение, она подошла к нам и сказала:

— Простите, пожалуйста, я слышу, вы говорите по-русски. Вы не из Советского Союза?

— Да, мы туристы из Ленинграда.

— Ах, как это хорошо! — обрадовалась наша собеседница.— Сбылась наконец моя мечта: я встретила советских людей. Теперь смогу передать вам реликвию, которую храню много лет.

Вечером Дори Стюшецка, 72-летняя медицинская сестра, принесла к нам в гостиницу Мира небольшой фотопортрет в старинной рамке. На снимке было написано: «Надежде Тимофеевне Ван-Брандт на память от автора Снегурочки. Н. Римский-Корсаков. 24 мая 1907». Здесь же рукой великого русского композитора воспроизведена музыкальная фраза из «Снегурочки».

Имя Надежды Тимофеевны Ван-Брандт, обладавшей изумительным по диапазону и красоте тембра колоратурным сопрано, завоевало в начале нынешнего века всемирную известность. Русская, французская, итальянская, английская, испанская, румынская, греческая печать единодушно признавала ее одной из лучших в мире исполнительниц ролей Розины в «Севильском цирюльнике», Виолетты в «Травиате», Маргариты в «Фаусте». Иностранные газеты называли Надежду Тимофеевну «русским соловьем», «блестящей представительницей России», «королевой пения».

Высоко ценил талант выдающейся артистки Н. А. Римский-Корсаков, он тепло и дружески относился к ней. Итальянский художник Н. Микетти запечатлел встречу композитора и певицы в Париже в мае 1907 года. В столице Франции с огромным успехом была поставлена опера Н. А. Римского-Корсакова «Царская невеста». Исполняли ее два состава артистов — русские и французы. Только Надежда Тимофеевна пела на русском и французском языках.

Дори Стюшецка — родственница талантливой русской певицы. Много лет прожили они вместе. А когда Надежда Тимофеевна умерла, реликвия была сохранена стараниями Дори Стюшецки.

Сердечно поблагодарили туристы жительницу Ниццы за ценный подарок. Портрет композитора с его автографом будет передан одному из ленинградских музеев.

Ленинград.

Б. ЦАЦКО

Интересная картина

Г. Мясоедов. ЧТЕНИЕ «КРЕЙЦЕРОВОЙ СОНАТЫ». 1893. Из фондов Пушкинского дома Академии наук СССР. Ленинград.

В статье о XXI передвижной выставке, состоявшейся в 1893 году, журнал «Артист» писал: «Г. Г. Мясоедов дал прекрасную картину, напрасно только так тенденциозно озаглавленную «Между мраком и светом», или «Новые истины».

Автор статьи, характеризуя действующих лиц картины, отмечал «портретное сходство с несколькими нашими выдающимися деятелями, как в области искусства, так и науки» и то, что «необыкновенно верно и характерно схвачены выражения лиц слушающих» чтеца.

В 1911 году Мясоедов подарил свою картину Толстовскому музею в Петербурге, дав ей название «Чтение «Крейцеровой сонаты». В. Г. Короленко, которому очень понравился этот отклик художника на повесть Л. Н. Толстого, так описывал ее содержание: «В комнате, освещенной стоящей на столе лампой, читается (очевидно, только что появившаяся) повесть. Желтый свет падает на лицо чтеца и ближайших слушателей. В постепенно сгущающемся сумраке виднеются стоящие и сидящие фигуры, и по всем лицам прошло одно веяние глубокого захватывающего интереса. Картина писана в Полтаве, многие лица списаны с натуры с реалистической отчетливостью. Но воображение художника населило полутьму комнаты фигурами известных писателей и художников, не присутствовавших, конечно, на чтении в данный момент и в данной обстановке. Вся эта композиция полна глубокого интереса...»

Картина Мясоедова находится сейчас в музее Пушкинского дома в Ленинграде. Вопрос о том, кто из известных лиц изображен на картине, безусловно, заинтересует зрителя. В архиве В. Г. Короленко в Ленинской библиотеке в Москве нашелся исчерпывающий ответ на этот вопрос: на журнальной репродукции картины рукою Мясоедова отмечены: Д. И. Менделеев (первый слева), скульптор П. П. Забелло (второй слева), критик Н. К. Михайловский (третий слева, в глубине), В. В. Стасов (в центре, справа), художник Н. Н. Ге (второй справа).

А. ХРАБРОВИЦКИЙ

На концертной эстраде, по радио перед многочисленными аудиториями рабочих, студентов, солдат, школьников вот уже более четверти века выступает темпераментный, звонкоголосый чтец Н. Першин, один из самых неутомимых энтузиастов живого, звучащего слова.

Репертуар Н. Першина можно назвать обширным: бессмертные творения Толстого, Тургенева, Достоевского, отрывки из произведений М. Шолохова, А. Фадеева и других советских писателей составляют богатство творческой программы артиста. Вдумчиво и убедительно читает Н. Першин художественную прозу. Но гораздо ярче, с подлинным подъемом и, я бы сказал, с неиссякаемым молодым задором исполняет он стихи и поэмы.

Еще в 1927 году, окрыленный советской действительностью, юный Н. Першин увлеченно читает с эстрады В. Маяковского, Н. Асеева, В. Каменского, В. Луговского, А. Безыменского, А. Жарова, И. Уткина.

Заслуженный артист РСФСР Николай Першин на эстраде.
Фото С. Шингарева.

Мажорная по своей природе, светлая и энергичная манера чтения, отличающаяся демократичностью и простотой, приносит артисту успех.

В годы Великой Отечественной войны Н. Першин исполняет фронтовые стихи, отрывки из поэм Н. Тихонова, А. Твардовского, П. Антокольского, К. Симонова, А. Суркова, С. Михалкова, А. Прокофьева. В послевоенный период репертуар чтеца пополняется лирикой А. Недогонова, Сергея Смирнова, Р. Гамзатова, О. Берггольц.

И к чести Н. Першина надо сказать: на протяжении всей своей концертной деятельности он неотступно, с отличным чувством отбора читал и читает С. Есенина, взволнованно и бережно донося до аудитории самое важное в творчестве этого удивительного поэта — его грустную, нежную душу и самозабвенную любовь к русской земле.

Николая Федоровича Першина, которому недавно присвоено почетное звание заслуженного артиста республики, по праву следует отнести к числу искренних, умелых пропагандистов советской поэзии.

Сергей **ВАСИЛЬЕВ**

Copyrighted material

Художники БОЛИВИИ

В. Солон Ромеро «ЗАВОЕВАНИЕ. КОЛОНИЯ. НЕЗАВИСИМОСТЬ». Фрагмент фрески.

В изобразительном искусстве Боливии яркое проявление находят демократические тенденции. Прогрессивные художники объединены в общество «Антео». Их стремление связать свое творчество с жизнью народа, рассказать о его страданиях, о героической освободительной борьбе определяет и направленность деятельности этого общества.

Прогрессивные художники Боливии создают главным образом фрески, а также гравюры и литографии, которые могут быть быстро размножены.

Горе семьи, потерявшей кормильца,— тема гравюры Вальтера Солона Ромеро «Крестьянские похороны». Художник в этом произведении добивается обобщенной социальной характеристики. Действие развертывается на темном фоне, скупые лучи света вырывают из тьмы лишь те черты, которые говорят о подавленности и страдании. Видно, что художник сам живет болью своих героев и заставляет зрителя это ощутить.

Глубина замысла, четкость образов, подчас преувеличенных до гротеска, но всегда освещенных идейным содержанием, составляют сильную сторону творчества Вальтера Солона Ромеро.

Вальтер Солон Ромеро известен не только своими гравюрами. Он выполняет и монументальные стенные росписи общественных зданий. Эти росписи создаются Ромеро в технике, применявшейся великими мастерами итальянского Возрождения,—естественными минеральными красителями по влажной штукатурке. Интересно, что большую часть своих красок художник нашел в местах, где работал над росписями. Эта старинная техника сулит долговечность работам молодого художника.

Цикл фресок написан художником в университете св. Франциска Ксавьера — это один из научных центров прогрессивной мысли Боливии. Первая роспись в Почетном зале университета изображает Мануеля Родригеса де Кирога — «Во время революции 10 августа 1809 года в Кито». Во главе восставших безоружный герой смело идет на врага. Кирога пал в этой борьбе, и художник придает сцене драматический характер.

Вторая фреска изображает просветителей и борцов за независимость — Мариано Морено и других. Композиция эта спокойнее и мягче. Несоответствием пропорций, необычным масштабом фигур автор выделяет образы представителей страждущего народа.

И, наконец, в третьей композиции соединены в одно целое три темы — три этапа жизни народа: «Завоевание. Колония. Независимость». И, как бы объединяя разные группы действующих лиц, выступает крупным планом фигура одного из деятелей освобождения, Хаиме Суданьеса. Простирая руку, он словно хочет рассказать миру о страданиях своего народа.

В группе прогрессивных художников Боливии можно назвать еще несколько выдающихся художников, посвятивших стенные росписи большим идеям и темам. Сесилио Гусман изобразил восстание индейцев, а Мигуэль Аландиа Пантоха создал большую фреску под названием «Экономическое освобождение боливийского народа».

А. ТИХОМИРОВ

Участницы художественной самодеятельности Ф. Луговых, Н. Никифорова и песенница Е. П. Клюшникова (справа). Фото Б. Назарова.

Уральская песенница

Уральская песенница Елизавета Петровна Клюшникова — домохозяйка-общественница, живущая интересами и делами приискового города Березовского.

В далекой уральской деревне Глухих, где родилась Клюшникова, слагалось немало народных песен, здесь любили и понимали пение. С детства увлеклась Елизавета Петровна песенным творчеством, этому искусству учила ее бабушка.

Е. П. Клюшникова сложила песни: «Звездочка» — о горняках, «Миру — зеленая улица», «Рассказ деда об Ильиче», «Паренек» (о молодом уральском партизане), «От холодного синего моря», «Расставанье» и другие.

Трудовые подвиги советских людей, строительство Волго-Донского канала, борьба за мир, освоение целинных земель — все это находит отражение в творчестве Клюшниковой. Она слагает и лирические песни и сатирические — на местные темы.

Лучшие произведения Е. П. Клюшниковой исполняет Уральский государственный народный хор. Он пел их в Польше, Венгрии, в Москве, на Дальнем Востоке, в волжских городах. Произведения уральской песенницы часто появляются в программе коллективов художественной самодеятельности Свердловской области.

Н. РОЗИНА

Copyrighted material

„НАШ НОВЫЙ ДОМ...“

Ир. ИЛЬИЧЕВА

Фото Галины Санько.

Звонок прозвучал весело и неожиданно. Саша Моисеев открыл глаза. Нет, это не будильник, который мать всегда оставляла на буфете вместе с привычной запиской: «Завтрак на столе. Подогрей сам, тороплюсь». Саша в недоумении тряхнул головой и сразу все вспомнил. Ведь это же интернат! Большая, залитая солнцем комната, рядом мальчики, с которыми он еще не успел по-настоящему познакомиться, в дверях — воспитатель.

— Доброе утро! Пора вставать, ребята.

Саша и его новые товарищи-пятиклассники быстро убирают постели, умываются, спешат на зарядку, в столовую. Воспитатель Виктор Дмитриевич Фадеев, покашливая, ходит между столами. Первые дежурные, Юра Морякин и Саша Денисов, разносят булочки с маслом, дымящиеся макароны, кофе. Вкусно и весело завтракать в большой компании!

На первой торжественной линейке директор калужской школы-интерната № 1 Елена Капитоновна Корнюшина поздравляет ребят с началом учебного года.

И вот уже линейка кончена, первоклассники получили подарки и первыми шествуют в класс. Сейчас пойдут вторые, третьи, четвертые, а за ними и пятый «А». Но Виктор Дмитриевич тихо трогает Сашу за плечо, и они направляются в спальню. Лицо мальчика вспыхивает: только у него кровать застелена кое-как, подушка небрежно брошена.

Гена, Витя и Валерик подружились в интернате.

Воспитатель молча смотрит, как мальчик поправляет покрывало, затем спокойно говорит: «Ведь всем хочется, чтобы наш новый дом был с первого дня красивым и уютным. Не правда ли?».

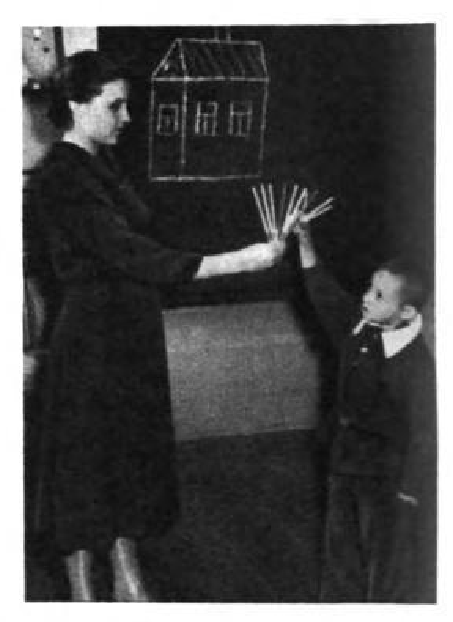
...Летят часы, урок сменяется переменой и снова уроком. Первоклассники старательно перерисовывают с доски домик и флажок, учатся считать карандаши от одного до десяти, ставят точки в тетрадях.

В эти часы шумно лишь в учительской и в кабинете директора. Непрерывно звонит телефон. Родители хотят узнать, как спали ребята в первую ночь; швейная фабрика запрашивает размеры домашних платьев для первоклассниц. Приходят плотники, каменщики, строители. Они здороваются с воспитателями и учителями, как со старыми знакомыми. Последние две недели педагоги почти не уходили из интерната. Днем они вместе с работниками Облоно обсуждали заявления родителей, ходили по домам будущих воспитанников, а вечерами становились рабочими, оборудовали кухню, спальни, комнаты отдыха... И все-таки к 1 сентября многое не было готово. Комплект одежды для воспитанников заказан, но на текущем счету интерната сейчас нет денег, чтоб его выкупить. Поэтому же мало игрушек и настольных игр...

Калужане (что скрывать, с завистью!) читали статьи о столичных интернатах, в которых так много ковров, цветов, игрушек... Они начали без парадности и пока даже без занавесок. Однако все родители оценили идеальную чистоту спален и столовых, уют комнаты отдыха и, самое главное, ласковое, материнское отношение к их ребятишкам.

...Володя Божин так плакал, что довел до слез и отца. «Тебе здесь лучше будет... Ведь вас пятеро. Вот если б мать была жива!» — убеждал его, как умел, отец. Воспитательница решительно взяла фуражку Божина-старшего и сказала мальчугану: «Папа пойдет по делам и придет. Видишь его фуражку? Она останется здесь. А нам с тобой надо дежурить по столовой». Отца за воротами уговаривала почти таким же тоном: «Не успокоится — позвоню. Спать сама уложу, посижу у кровати, как вы говорили». Через два часа Вова сам принес отцовскую фуражку. «Мне некогда ее сторожить. Вы сами отдайте папе».

А сейчас, на другой день, он весело играет с новыми приятелями, тоже первоклассниками, Славой Юркиным, Зиной Калиничевой, Геной Пантальянцем. Они



— Сосчитай, Гена, карандаши до десяти, — говорит Валентина Дмитриевна Одесская.

закончили свой первый учебный день, пообедали, поспали и гуляют. Второклассники неожиданно увлеклись... куклами. Близнецов Толю и Юру Потемкиных заинтересовала «говорящая» кукла. Бойкому Толе хочется посмотреть, что у нее внутри и «чем» она говорит.

Некоторые из старшеклассников, особенно девочки, тоже не прочь заняться куклами, но с четырех часов у них начинается подготовка домашних заданий в тех же, что и днем, хорошо проветренных классных комнатах в присутствии воспитателя и (на первых порах) классного руководителя. Ребята дружно садятся за парты.

Через некоторое время Леня Покровский удивленно восклицает: «Уже все! А дома я сидел, сидел и никак не успевал...»

Леня весь день оставался один; мать — уборщица — приходила с работы поздно вечером. Только он раскроет учебник, а мальчишки зовут играть в футбол. Соблазн слишком велик, но на следующий день в дневнике появляется двойка; мама расстроена, самому неприятно.

У Саши Рулева и в школе были хорошие отметки. Но его мать, Евдокия Петровна, двадцать лет работающая санитаркой, знала, как доставались сыну эти успехи. Жили в небольшой комнате, муж пьянствовал. Сколько раз Саша учил уроки, заткнув уши, не раз был свидетелем тяжелых семейных ссор!

В калужскую школу-интернат в этом году принято 120 детей.

Второклассники увлеклись... куклами.

Copyrighted material

Весело завтракать в большой компании.

У большинства из них нет отца или матери, многие из больших семей. Восемьдесят пять процентов воспитанников принято на полное государственное обеспечение, за остальных родители будут вносить плату по определенной шкале, в зависимости от заработка и состава семьи.

...Уроки выучены, наступает вечер. В комнате отдыха вывешен список пятнадцати кружков и семи спортивных секций. Почти все пятиклассники записались в автомобильный кружок, которым будет руководить их воспитатель Виктор Дмитриевич; они уже знают, что учитель раньше был летчиком и облетал почти весь мир! Немало авиамоделистов и спортсменов. Остальных соблазняет сразу все: и секция тенниса, настольного и настоящего, и кружок кукольного театра, и оркестр народных инструментов, и клуб юных мастеров, и кружок цветоводства...

Первое занятие.

...А вот уже и отбой: у первых и вторых классов в половине девятого, у остальных часом позже. Малыши засыпают мгновенно, старшие не прочь пошептаться, но при дежурной няне и воспитателе разговаривать неудобно. Через двадцать минут после отбоя все уже спят. Ночная няня и один дежурный остаются со спящими детьми, а остальные собираются у директора на короткий «педсовет».

Обсуждаются поведение, поступки, характеры ребят, взаимоотношения старших с младшими, планы на ближайшее и далекое будущее. Идет и хозяйственный разговор: нужно больше игрушек, необходимо скорее оборудовать столярные и слесарные мастерские, завтра же запросить министерство, как быть с выходными днями для воспитателей,— штатные ведомости составлены так, что подменять педагогов некому.

Елена Капитоновна рассказывает, что сегодня в интернате побывал секретарь обкома партии. Работники городского Дворца пионеров спрашивали, чем помочь, и предложили пользоваться их спортзалами. Крупнейшие калужские заводы — турбинный и машиностроительный—хотят стать шефами первого интерната.

— О нас заботится весь город, нам, конечно, помогут,— говорит директор уверенно.— Ведь ждать нельзя, ребята уже учатся и живут в интернате.

Да, время не ждет. Снова заливается звонок (скоро его заменит пионерский горн), и Саша Моисеев аккуратно расправляет складку на отлично убранной кровати. Он бежит в спальню первоклассников: Виктор Дмитриевич просил за ними присмотреть. Саша критически оглядывает постель Вити Гусева, поправляет подушку.

— Ведь это наш новый дом. Должна быть, брат, аккуратность,— говорит он, покашливая, первокласснику и провожает своего подопечного в зал на зарядку.

— Наш новый дом должен быть чистым и красивым с первого дня.— решили воспитанники.

Семидесятилетие писателя Ивана Попова

17 сентября литературная и театральная общественность отмечает семидесятилетие со дня рождения советского писателя Ивана Федоровича Попова.

Начав свою литературную деятельность с прокламаций к бастующим рабочим, Иван Попов навсегда сохранил страстный темперамент писателя-гражданина, активно вмешивающегося в жизнь, пропагандирующего художественным словом величие ленинских идей.

Книги и пьесы И. Попова помогают изучать общественную жизнь нашей страны, историю русского рабочего движения. Исторический роман «Озаренные», пьеса «Порт-Артур», написанная совместно с А. Н. Степановым, и особенно пьеса «Семья», посвященная юношеским годам Владимира Ильича Ленина, сделали имя писателя Ивана Попова популярным в народе.

Пьеса «Семья», обошедшая почти все театры страны, сыграла большую роль в воспитании нашей молодежи. Создавая образ молодого Ильича, драматург передал главное в характере вождя — страстную ненависть к душителям народной свободы, любовь к обездоленным, умение предвидеть будущее, выбрать верный путь революционной борьбы.

Недавно мы были в гостях у Ивана Федоровича Попова. Он полон творческой энергии и занят думами о своей новой пьесе «Источник силы», как бы продолжающей тему «Семьи».

И. Ф. ПОПОВ.
Фото Е. Ряпасова.

Снова в центре пьесы образ Владимира Ильича Ленина и его соратников, действующих в трудные годы подготовки первой русской революции. О новых творческих замыслах, будущих спектаклях, о литературных делах говорил с нами И. Попов горячо, молодо, заинтересованно. Пожелаем писателю доброго здоровья и новых творческих успехов.

Вл. ПИМЕНОВ

Copyrighted material

После СТА

Сем. НАРИНЬЯНИ

Когда они встретились впервые, ей было семнадцать, ему пятьдесят. Но это обстоятельство не остановило ее. Разница в тридцать три года, когда любишь, не помеха. А она любила его. Иначе, какая же ей была корысть выходить за него замуж? Ходжа Гусиев был не генерал, не богатый купец, а только третий пастух при стаде. А что жениться он собрался поздно, так то не его вина. Сначала Ходжа должен был добиться согласия у родителей, затем заручиться разрешением первого пастуха, а на это в те времена требовались годы.

— Нет, не будет тебе счастья с Гусиевым,— сказала невесте подруга.— Поживет он год...

— Ну, может, два,— добавила вторая.

— Пусть даже три,— сжалилась третья,— и все равно бросит.

Но мрачные пророчества не оправдались. Чета Гусиевых жила в любви и счастье больше того срока, который давала даже самая щедрая из подруг. Через двадцать пять лет со дня их супружества Гусиевы справили серебряную свадьбу. Через пятьдесят — золотую. Через семьдесят пять — бриллиантовую. А через сто... И хотя люди еще не придумали названия столетней свадьбе, они отпраздновали не так давно и такую. Ей в день праздника было сто семнадцать лет, а ему, как и сто лет назад, на тридцать три года больше.

Сто пятьдесят лет — это же мафусаилов возраст. И, тем не менее, Ходжа Гусиев не самый старый человек в Советском Союзе.

Стосорокавосьмилетний М. Эйвазов перед получением правительственной награды. Справа от него: М. Алиев — президент Азербайджанской Академии наук, Ф. Амиров — композитор, Р. Бейбутов — артист и М. Курбанов — министр культуры.

Фото М. Фришмана.

Егор Короев постарше его. Дедушке Егору из села Эрмани 156 лет.

— Сто пятьдесят шесть! А кто это проверил? Разве в начале прошлого столетия в селе Эрмани существовала книга метрических записей?

Такой книги в те времена не существовало. Но у Егора Короева сохранились другие документы. В начале прошлого столетия дед Егор, а тогда еще просто Егорушка находился при особе наместника его императорского величества в Закавказье Алексее Петровиче Ермолове. При том самом Ермолове, который известен нам всем как герой Бородинского сражения 1812 года. По смерти Алексея Петровича его дворецкий выдал свидетельство в том, что Егор Короев, «служа на княжеской кухне с 1816 по 1827 год, стал отменным поваром. Господа были им довольны».

Сто пятьдесят шесть лет. Подумать только! В наши дни живет человек, который всего года на два моложе Пушкина. При этом человеке родились, жили, творили и умерли Лермонтов, Гоголь, Достоевский, Салтыков-Щедрин, Толстой, Чехов... Умерли, а ведь все они, подобно дедушке Егору, могли бы быть нашими современниками, заседать в Союзе писателей, печатать новые романы в «Звезде» и «Знамени», стихи — в «Огоньке», эпиграммы и фельетоны — в «Крокодиле» и «Перце». А мы бы читали Лермонтова, Щедрина и издавали при их жизни полные собрания сочинений, и не в пяти — восьми томах, как теперь, а в пятидесяти или восьмидесяти...

Сколько бы каждый из них смог написать хорошего за свою столетнюю творческую жизнь!

— Столетняя жизнь! И скажут тоже! — заворчит какой-нибудь скептик.— А сколько их у нас, столетних?

Акопу Бегдаряну 112 лет. Но и сейчас он не любит сидеть без дела.

В самом деле, сколько? Согласно переписи 1926 года, в СССР число граждан, проживших сто лет и больше, было около 29 тысяч! А сколько же теперь? До самого последнего времени вряд ли бы кто взялся ответить на этот вопрос. А вот сейчас с помощью вновь созданного института...

А этот институт замечательный; расположен он в прекрасной местности: с одной стороны лес, с другой речка; в прекрасном здании, в три легких, залитых солнцем этажа; с штатом чудных, чутких сотрудников. Давайте воспользуемся любезным приглашением этих сотрудников и пройдем внутрь залитого солнцем здания.

Внизу на первом этаже развернута фотовыставка долгожителей. Здесь сняты только те, которым больше ста лет.

Вот наш знакомый 156-летний дед Егор. Он браво сидит в окружении своих праправнуков. На нем папаха, черкеска с газырями.

Рядом висит портрет красивого представительного старика. Белая большая борода, лихой пробор. Но самое замечательное в Федоре Власовиче Гаркавец — глаза, молодые, задорные. Они любопытными лисятами смотрят на вас из-под кустистых бровей.

Слева от Федора Власовича портрет старейшего колхозника сельхозартели имени Джамбула Т. Базиева. Этому колхознику 110 лет, но он, как сообщает «Казахстанская правда», легко выжимает двухпудовую гирю. В канун Спартакиады народов СССР Т. Базиев принимал участие в соревнованиях по борьбе в Михайловской МТС Акмолинской области и положил на лопатки демобилизованного солдата Тюлебая. Каждый год Т. Базиев вырабатывает не менее 500 трудодней.

Мы переходим от стенда к стенду, и почти всюду то же самое. Старость, но какая она жизнерадостная!

Мне прежде казалось, что как только человеку перевалит за сто, то человек уже не ходит, а сидит в кресле, разбитый недугами, глухой, слепой, слабоумный. А долгожители оказались крепкими, подвижными людьми. Они без посторонней помощи передвигаются по дому, ходят в гости, на рынок. Не все они даже седы. У многих женщин сохранились темные густые волосы. Очень многие без очков вдевают нитку в иголку. Долгожители обладают прекрасным зрением. Правда, среди столетних много тугоухих. Слух — вот что прежде всего утрачивают с возрастом люди. А в остальном...

Один из экскурсантов спросил у старейшего садовода Абхазии 122-летнего Сулеймана Аршбы:

— Как у вас со здоровьем?

— Хорошо. Вот только с зубами непорядок.

— А что именно?

— Один начал шататься.

Врачи установили, что у долгожителей нет такого распространенного старческого заболевания, как гипертония. Артериосклероз обнаружен только у четвертой части обследованных стариков. Еще реже встречается у них эмфизема легких. У долгожителей в прекрасном состоянии оказалась и нервная система. Они добродушны, спокойны.

— А чего им волноваться? — сказал один из экскурсантов.— Земля на Кавказе обетованная. Кругом альпийские луга. Барашки. Пастух чуть ли не весь год живет бобыль-бобылем рядом с синим небом. Ни семьи у него, ни забот. Знай пей себе виноградное вино да дыши горным воздухом.

Многие так же, как и этот экскурсант, считают, что столетние люди живут главным образом в Абхазии. Оказывается, дело обстоит вовсе не так. В холодной, суровой Якутии долгожителей не меньше, чем в солнечной, субтропической Абхазии. И хотя в Очамчирах, Кахетии, Араратской долине столетних людей очень много, Кавказ по количеству долгожителей уступает первое место Сибири и Украине. Установлено, что в горах рядом с синим небом стариков в десять раз меньше, чем в равнинных районах. Что же касается бобылей, то и здесь наши познания оказались не совсем точными. Среди шести тысяч обследованных долгожителей не было ни одного старого холостяка и ни одной старой девы. Долгожители — по преимуществу однолюбы. Многие из них состоят в супружестве по 70—80 и даже 100 лет и являются родоначальниками огромных семей. Детей, внуков, правнуков и праправнуков у них обычно бывает по 100—150 человек. А фотографии потомков Тлабагана Кецба, прожившего 148 лет, заняли целую стену. Еще бы, на ней пришлось развесить 164 портрета! Семья и дети, как видим, не сокращают, а помогают удлинению человеческой жизни.

Сейчас развеяна легенда и о виноградном вине. Нет, это не бальзам долгожителей. В Грузии и Армении среди столетних значительное большинство составляют не мужчины, а женщины. И объясняется это довольно просто. Местные женщины, в отличие от местных мужчин, не делают культа из бутылки Цинандали или Двина и легко обходятся за обеденным столом без крепких напитков.

Долгожители, как правило, не пьют, не курят, но это совсем не значит, что все они принципиальные схимники, отшельники. Жи-

Copyrighted material

вут-де сто лет, и сто лет питаются только акридами и диким медом. Ничего подобного! Среди столетних людей, к примеру, почти совсем не было обнаружено вегетарианцев. Долгожители едят все: молоко, овощи, крупы, фрукты, мед дикий и мед натуральный. И все же больше всего они любят хорошо проваренное, мягкое говяжье мясо.

Выясняется, что одним из непременнейших условий долголетия является труд, который прекращается у долгожителей только со смертью. Как писал когда-то знаменитый немецкий врач Гуфеланд, «ни один лентяй не достигал глубокой старости; все достигшие ее вели очень деятельный образ жизни».

Где же предел человеческой жизни? На этот счет ученые дают разные ответы. Итальянец Бодио говорит: предел — это 70 лет. И. Павлов отодвигал этот срок до 100 лет, И. Мечников и А. Богомолец — до 150, Гуфеланд — до 200, Парацельс — до 600, а Рожер Бэкон — даже до 1 000 лет.

Мы ходим от стенда к стенду, листаем отчеты научных экспедиций. Мы видим большой, кропотливо собранный материал, который помогает очищать наши представления о долгожителях от всяких легенд и небылиц. Ну, а что же дальше? Каковы выводы? Какие пути и средства к долголетию подсказывает нам собранный материал?

Маме Аджиев, родившийся в 1816 году, работает в колхозе: зимой — сторожем на ферме, летом помогает в поле.

На этот вопрос должен был бы ответить читателям «Институт долгожителей». Но он молчит. И молчит потому, что такого института пока нет. Мы выдумали его.

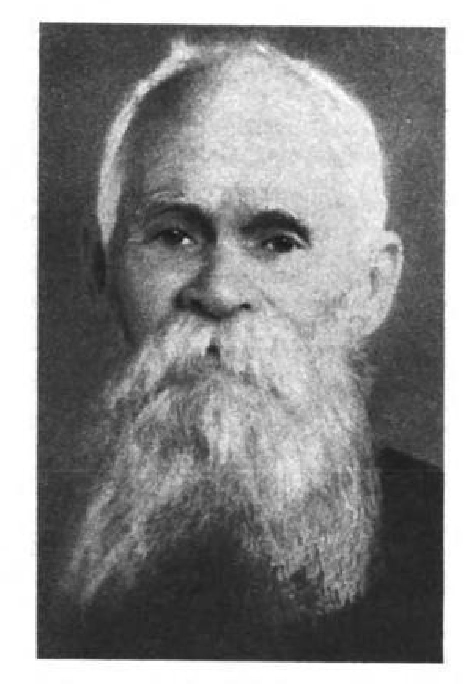
Выдумали? А как же тогда собранный материал, фотографии? Как 156-летний Егор Короев, или, быть может, он тоже выдуман?

Нет, дедушка Егор не выдуман. Уже давно люди бьются над тем, чтобы удлинить человеческую жизнь.

Проблема долголетия — это, конечно, главным образом проблема социальная. Возраст человека зависит от условий его жизни: хорошие — удлиняют, плохие — укорачивают. Что это так, свидетельствует статистика. За время после Великой Октябрьской революции число долгожителей в нашей стране значительно увеличилось.

Но, кроме главной, основной проблемы, имеются и подчиненные, от которых также зависит продолжительность жизни. Это режим работы, отдыха, питания. Эти проблемы изучают ученые, врачи. Они экспериментируют, составляют новые медикаменты. Все это хорошо. Но есть еще один источник, который может помочь ученым в их работе. Это люди, которые уже давно перешагнули средний человеческий возраст. Пойти к этим людям, изучить их жизнь и на опыте многих тысяч долгожителей сказать, что на пользу долголетию, а что нет. Об этом в свое время говорил Мечников, к этому призывал Богомолец. Сотрудники Харьковского института биологии подхватили призыв и взялись составить картотеку долгожителей. Кто они? Где живут? В каких условиях? А эта работа оказалась не из легких. Сотрудникам института пришлось брать на учет каждую газетную заметку, в которой сообщалось что-либо о столетних людях. Они переписывались с органами собеса, председателями колхозов, работниками горисполкомов. В результате им удалось взять на учет 40 тысяч долгожителей. Адреса были установлены.

Наступила пора поездок к долгожителям для бесед и наблюдений, пора камеральной обработки материалов и научных выводов, и в это ответственнейшее время институт внезапно прекратил интереснейшую работу. Как? По каким причинам? Никому не известно. То ли институту вычеркнули из плана тему о долголетии, то ли сократили ассигнования на поездки к столетним. Но факт остается фактом: уникальная картотека оказалась ненужной.



Житель Харьковщины Федор Гаркавец родился в 1854 году.

И тогда за тему о долгожителях взялся бывший сотрудник института биологии И. Б. Шафиро. Он на свой страх и риск продолжил переписку с председателями колхозов и работниками горисполкомов. Он пополнял картотеку новыми адресами. Между тем он не ученый, он даже не врач. Он доброхот-любитель. И если научные организации слушают доклады этого любителя, то делают они не ради него самого, а ради той большой темы, которой никто у нас не занимается.

На одном из заседаний отделения биологических наук Академии наук СССР, где обсуждался вопрос о долгожителях, присутствовали представители шести институтов, и все они обещали немедленно взяться за разработку забытой темы. А что касается Академии медицинских наук, то тут было даже внесено предложение организовать новый, специальный «Институт долгожителей».

Со дня всех этих благих разговоров прошло уже немало времени, а единственным специалистом по долголетию у нас попрежнему остается доброхот-любитель. Вы можете спросить: а как же быть с «Институтом долгожителей»? Хорошо, не будем настаивать на предложении членов Академии медицинских наук и создавать новый институт. У Министерства здравоохранения СССР достаточно и старых научных учреждений. Разве нельзя в одном из них выделить сектор, пусть даже не сектор, а группу или подгруппу научных работников и поручить ей заняться обработкой собранных материалов?

Кому же и разрабатывать проблемы долголетия, как не ученым нашей страны! Когда жизнь хороша, то и жить хочется не пятьдесят или шестьдесят лет, а восемьдесят и сто. А если ученые не поленятся и помогут, то наверняка найдутся охотники пожить по примеру дедушки Егора и все сто пятьдесят.

Дедушке Егору Короеву 156 лет, а его соседу Пидо Туаеву только 120, его отец был почти сверстником Короева.

Фото М. Алборова.

НОВОЕ НА МАРСЕ

10 сентября планета Марс, двигаясь по своей орбите, приблизилась к Земле. В это время расстояние между Марсом и Землей стало наименьшим из всех возможных, произошло так называемое великое противостояние Марса, которое повторяется каждые 15—17 лет.

Марс представляет особый интерес не только для астрономов, но и для широких кругов неспециалистов. Ведь наша соседка-планета во многом сходна с Землей, и часть астрономов, в том числе Г. А. Тихов и другие, считает, что на ее поверхности существует растительная жизнь. Глубокий интерес представляют и каналы Марса. Эти многочисленные темные полосы проходят по его суше и соединяют темные области больших влажных мест.

Ныне астрономы многих стран мира внимательно изучают Марс. Самые большие инструменты советских обсерваторий, включенные в программу наблюдений, наведены на эту планету. Активные наблюдения с середины июня ведутся и у нас, в Харьковской астрономической обсерватории. За это время уже замечены поразительные явления, которые привлекают к себе особое внимание.

В этом году к Земле повернут южный полюс Марса. В южном полушарии стоит весна, переходящая к концу наблюдений в лето. Солнечные лучи все время падают на это полушарие и нагревают его. Огромная полярная шапка, занимавшая в июне 1956 года площадь во много тысяч квадратных километров и состоящая из тонкого слоя снега, инея и облаков, начала быстро уменьшаться в размерах. Осадки на поверхности таяли, облака рассеивались. В конце августа полярная шапка исчезла совершенно. Во время таяния ее окружала широкая темная кайма, представляющая собой пропитанные водой и ставшие поэтому более темными места. Сейчас этот темный ободок еще больше расширился, его граница передвигается к югу. Это — одно из наиболее теплых мест поверхности Марса.

Мне удалось наблюдать, как некоторые области темных пятен Марса, так называемых «морей», расположенные ближе к полярной шапке, начали заметно темнеть. Появились немногочисленные, но хорошо заметные облака, движущиеся к югу от полярной шапки.

Удалось наблюдать и другое весьма интересное явление. 23 августа я заметил в некоторых областях «морей» и суши Марса исключительно светлые места. После непродолжительного времени они теряли свой блеск и снова сливались с окружающим их фоном. В течение последних двадцати лет подобных явлений, охватывающих огромные области на поверхности Марса, мне наблюдать не приходилось.

Особенно хорошо были видны в телескоп и отчетливо получались на фотографиях две светлые области в южных «морях».

25 августа стала заметней очень светлая область севернее темного ободка, окружающего полярную шапку. 26 августа эта светлая полоса пересекла почти весь диск Марса. 27 августа в 22 часа 35 минут по московскому времени светлые края области потемнели. Осталось только овальное пятно. По своей яркости пятно было лишь слегка слабее полярной шапки. 28 августа пятно было таким же ярким, но разделилось на два, и появилось еще третье, несколько менее блестящее. Некоторые пятна имели беловатый оттенок, другие были желтоватыми.

Предварительное изучение природы этих пятен говорит о том, что здесь мы имеем дело со снежными или инееподобными образованиями, выпадающими на поверхности Марса. Возможно, что здесь появляется и стелющийся над поверхностью туман. Может быть, это и пылевые облака. Все это говорит о заметных изменениях, совершающихся в настоящее время на поверхности и в атмосфере Марса.

Наблюдая Марс, советские астрономы собирают большой и ценный материал. В ноябре 1956 года в Москве состоится конференция, созываемая Планетной комиссией Астросовета Академии наук СССР, на которой будут обсуждены предварительные результаты наблюдений и намечена методика их обработки.

Действительный член Академии наук УССР
Н. БАРАБАШОВ.

Copyrighted material

Почему мы так говорим

Гвоздика

Гвоздика — один из излюбленных садовых душистых цветов. История его названия довольно необычна. Оно происходит от слова «гвоздь».

Трудно сказать, когда впервые появились на Руси восточные пряности. Уже при Иване Грозном торговля с Востоком была развита довольно широко. Индийские товары доставлялись тогда через иранские и турецкие порты. Большое место среди ввозных восточных товаров занимали пряности: перец, корица, гвоздика, инбирь...

Некоторые иноземные пряности получили у нас русские названия. Корица, например, от слова «кора». Она и действительно является высушенной корой тропических растений из семейства лавровых. Гвоздика тоже чисто русское слово. Пряность на самом деле очень похожа на маленькие гвозди ручной выработки.

Но гвоздикой теперь мы называем и садовый цветок. Он стал известен в Западной Европе впервые после крестовых походов. Затем он появился и у нас. Очень сильный запах цветка напоминал запах ранее известной пряности. Вот почему на новый цветок было перенесено название пряности, хотя вид этой гвоздики уже не имел ничего общего с гвоздем.

Интересно отметить, что история слова «гвоздика» в немецком языке такая же, как в русском: пряность получила имя по маленьким гвоздям, а цветок — по пряности. Немецкое слово «нелькє» — «гвоздика» по происхождению видоизменившееся уменьшительное от «нагель» — «гвоздь».

Зонт

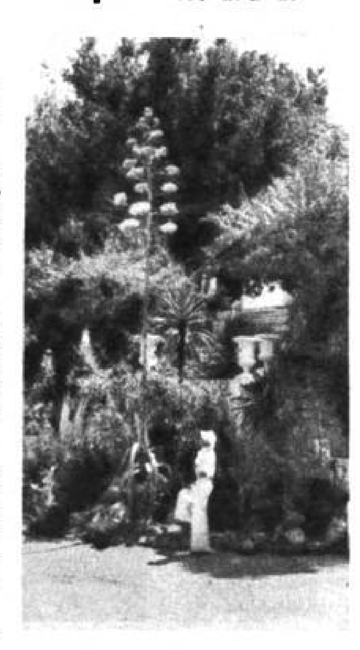
В «Словаре русского языка» С. И. Ожегова вы найдете рядом два слова: зонт и зонтик. Но «зонт» — слово, если так можно сказать, «ошибочное».

В петровскую эпоху в нашем языке появилось заимствованное из голландского слово «зонтик». По-голландски «зоннедек» значит «покрышка от солнца».

Но «зонтик» звучит по-русски как слово уменьшительное. Говорившим казалось, что раз есть уменьшительное слово, значит, есть и основное. Так родилось в речи новое слово «зонт» с тем же значением, что и «зонтик».

И. УРАЗОВ

Цветение агавы



В августе многие жители Краснодара любовались мощным цветением сорокалетней агавы. Ее вынесли из оранжереи в городской парк, как только показалась цветочная стрелка. Вскоре на большой высоте раскрылись яркожелтые с зеленоватым отливом соцветия.

Агава цветет всего лишь раз в жизни, а затем погибает.

П. ЧУМАК

«Огоньку» отвечают

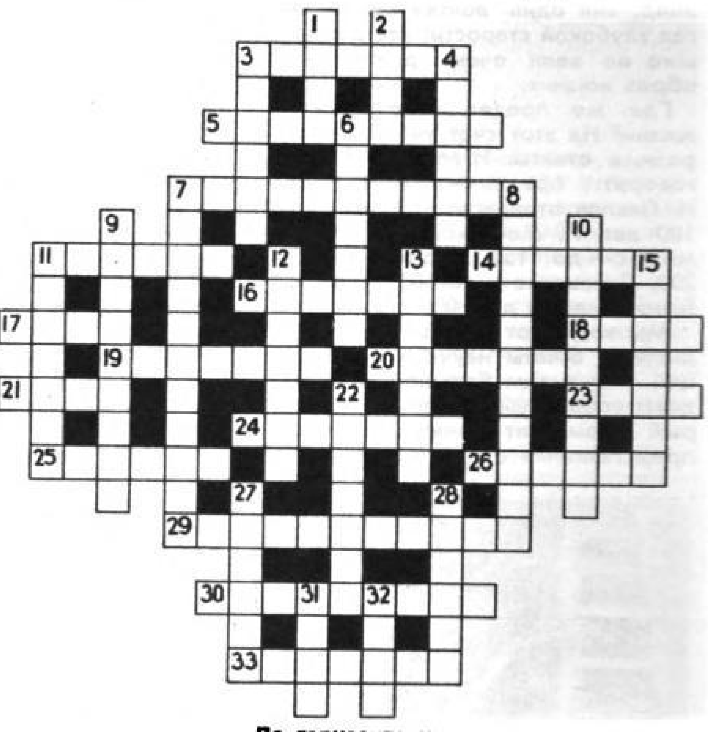
«Автомобилиста нужно любить»

Заместитель председателя Ялтинского горисполкома тов. М. Ковров сообщает, что исполком на своем заседании обсудил фельетон З. Пархомовского «Автомобилиста нужно любить», опубликованный в «Огоньке» № 25.

В решении исполкома горсовета отмечается, что фельетон правильно указывает на многие серьезные недостатки в обслуживании автотуристов.

Горисполком обязал руководителей автоколонны № 82, Курортпромторга, Райпотребсоюза, порта, треста ресторанов устранить замеченные недостатки и провести ряд конкретных мер по улучшению обслуживания автотуристов.

КРОССВОРД



По горизонтали:

3. Сигнальный прибор на телефонных коммутаторах. 5. Дополнение к железнодорожному билету. 7. Военнослужащий. 11. Мелкий гладкий камень. 14. Приток Сыр-Дарьи. 16. Стихотворение особой формы. 17. Вид спорта. 18. Областной центр УССР. 19. Смесь для изготовления цемента. 20. Редкий минерал. 21. Английский писатель. 23. Щетинка у злаков, трав. 24. День недели. 25. Река в Алтайском крае. 26. Разновидность сельди. 29. Драгоценный камень. 30. Советский актер и режиссер. 33. Пролив между Апеннинским и Балканским полуостровами.

По вертикали:

1. Единица частоты колебаний. 2. Род древовидных растений. 3. Рыба из семейства осетровых. 4. Сетчатка глаза. 6. Часть балки, бруса или конструкции. 7. Опера Н. А. Римского-Корсакова. 8. Специалист, дающий советы, заключения. 9. Поверхность, имеющая два измерения. 10. Древнегреческий комедийный поэт. 11. Художественный прием. 12. Курорт. 13. Часть затвора стрелкового оружия. 15. Предварительный план. 22. Очень большое сооружение. 27. Фигурная линейка. 28. Небольшая ария. 31. Топливо. 32. Строфа из девяти строк.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 37

По горизонтали:

5. Ветеринар. 8. Алебастр. 9. Камбоджа. 11. Ботанизирка. 15. Селитра. 18. Доброта. 19. Арсенал. 20. Коса. 21. Алоэ. 22. Реконструкция. 23. Псел. 25. Туба. 26. Рефлекс. 27. Трибуна. 28. Стапель. 31. Катализатор. 32. Добруджа. 34. Глазунов. 35. Эллипсоид.

По вертикали:

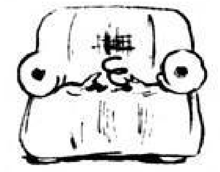
1. Неясыть. 2. Метр. 3. Риск. 4. Таймура. 6. Клубника. 7. Джакарта. 10. Диалектология. 11. «Буревестник». 12. Амортизатор. 13. Чебоксары. 14. Стромболи. 16. Бреннер. 17. Мазурка. 24. Лабрадор. 25. Теплоход. 29. Стодоля. 30. Стеатит. 33. Агин. 34. «Гуси».

Ржавчина

Рис. В. Жукова (Киргизия)

Подающий надежды

Его не считали невеждой,
Он был и не то и не се,
Но слыл подающим надежды
(Надеяться можно на все!).
Ходил в аспирантах он прежде,
А ныне уже кандидат,
Но вновь подает лишь
надежды...
(В обмен на высокий оклад!)



Руководящее кресло

Протерто кресло... Здесь Петров
Пять лет делами правил
И никаких других следов
По службе не оставил.

Нахлебник

Люди заняты работой,
А Пацюк галушек ждет,
У него одна забота —
Не закрыть спросонья рот:
Вдруг галушка мимолетом
В рот к другому попадет!

Игорь ТАРАБУКИН

Свердловск.

На вкладках этого номера 4 страницы картин польских художников и 4 страницы цветных фотографий.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ. Редакционная коллегия: В. Ф. БАРЫКИН, А. С. ВАРШАВСКИЙ, И. П. ГОРЕЛОВ, В. С. КЛИМАШИН (зам. главного редактора), Л. А. КУДРЕВАТЫХ (зам. главного редактора), Е. Н. ЛОГИНОВА, Т. З. СЕМУШКИН, Н. С. ЩЕРБИНОВСКИЙ.

Адрес редакции: Москва, Д-47, ул. «Правды», 24. Рукописи не возвращаются. Оформление И. Уразова.

Телефоны отделов редакции: Секретариат — Д 3-38-61; Публицистики и очерка — Д 3-39-27; Информации — Д 3-39-07; Международного — Д 3-38-63; Искусств — Д 3-38-67; Литературы — Д 3-31-83; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники — Д 3-38-65; Юмора и сатиры — Д 3-32-13; Спорта — Д 3-38-08; Фото — Д 3-35-48; Оформления — Д 3-38-44; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

А 10337. Подписано к печати 12/IX 1956 г. Формат бум. 70 × 108⅛. 2,5 бум. л. — 6,85 печ. л. Тираж 1 000 000. Изд. № 870. Заказ № 2386.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, Д-47, ул. «Правды», 24.

Copyrighted material

Украинский юмор

— Знахарка никого не принимает: врач прописал ей постельный режим.

Рис. Бе-Ша.

— За что его так качают?
— За силос.

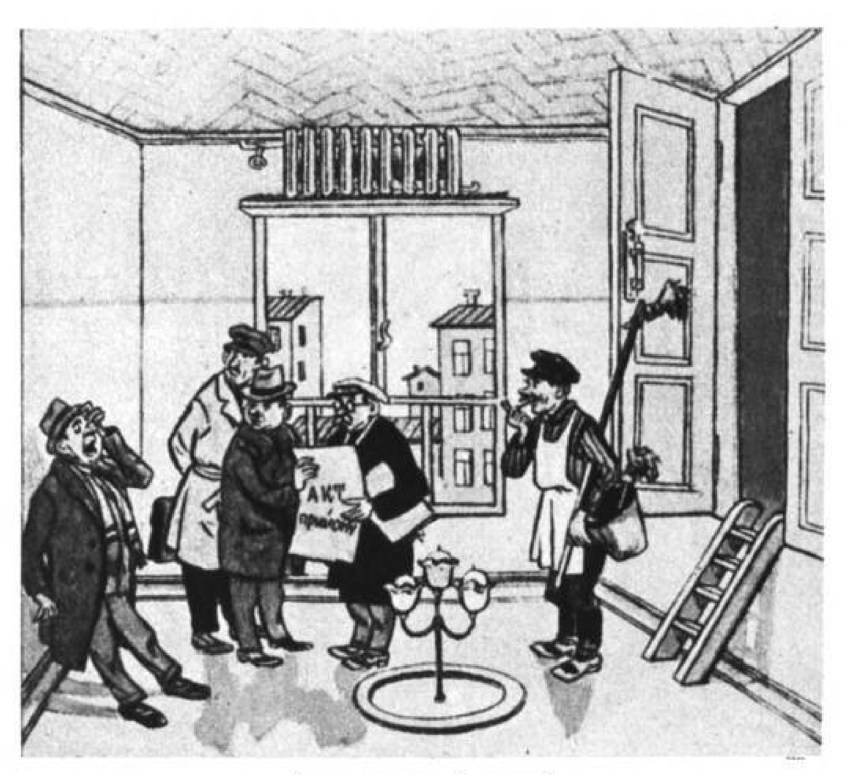
Рис. В. Зелинского

— Смотри у меня, чтобы был полный порядок! Когда закончится драка, подметешь улицу.

Рис. В. Зелинского.

— Это еще что за безобразие? Почему без рук?
— Товарищ директор, это Венера.
— Не позволю даже Венеру калечить! Чтоб завтра же были руки!

Рис. Бе-Ша.



Архитектурный случай

— Товарищи, давайте поскорее подпишем приемочный акт, а то у меня голова кругом идет.

Рис. Ю. Северина и В. Чорнухи.

Рисунок-загадка

Где густо, а где пусто?

Рис. Бе-Ша.

Из журнала „Перець“.

Copyrighted material

Copyrighted material